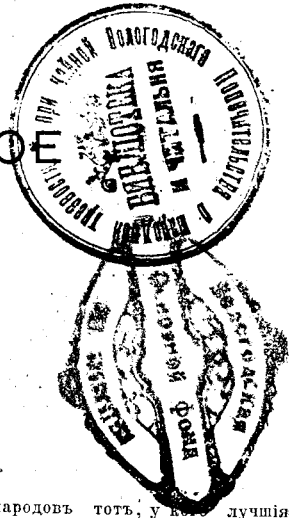

Иб

1908. Годъ второй. Май-Юнь.

Дневникъ Писателя.

ЕЖЕМЪСЯЧНО

общедоступное изданіе

А. В. КРУГЛОВА.

Ж 1189

Первый изъ народовъ тотъ, у котораго лучшія школы: Если онъ не первый сегодня, то будетъ имъ завтра.

Жюль Симонъ.

Безъ родины мы—ничто. Безъ ея органическихъ, расовыхъ духовныхъ стремлений—каждый изъ насъ только зародышъ, жалкій недоносокъ, обреченный на вырожденіе.

Боборыкинъ.

Невѣріе—это тонкій слой льда, по которому одинъ человекъ еще можетъ пройти, но цѣлый народъ провалится въ бездну.

Штекеръ.

Бумага фабрики Паллизень.

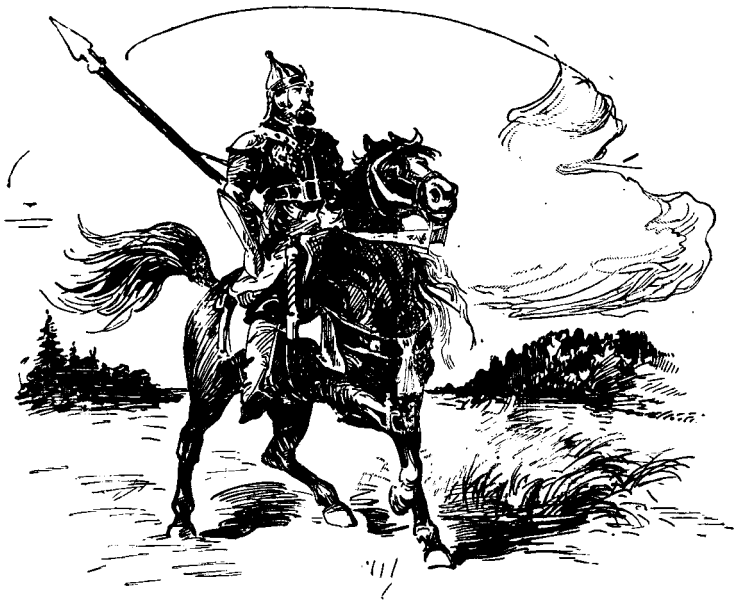
Клише исполнены въ цинкографіяхъ Ренара и Т-го Дома „Бр. Грецовы и Зайцевъ“

Корректоръ А. П. Воронинъ.

Метранпажъ П. Я. Гудковъ.

Печатникъ П. С. Сапринъ.

Въ „ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“, кромѣ **А. В. Круглова**, принимали, принимаютъ и будутъ принимать участіе слѣд. ученые и писатели: **П. А. Аксаковъ, Л. Д. Александровъ, Л. Н. Афанасьевъ, М. Н. Б., И. Н. Бабанинъ, Н. Н. Баринъ (Эибэ), А. Ф. Басовъ, С. М. Битюковъ, М. С. Бѣлкинъ, П. И. Бѣляевъ, Д. П. Варлыгинъ, С. В. Витимскій, И. И. Вологодскій, И. Н. Глухаревъ, К. П. Говоровъ, А. Н. Догановичъ**, прив.-доцентъ Моск. универс. докторъ **С. М. Доброхотовъ**, полк. генер. штаба **М. А. Дорманъ**, проф. прот. **Н. А. Елеонскій, А. В. Жиркевичъ, А. Г. Кирмалова, Е. Н. Клетнова, А. А. Коринфскій, М. А. Козыревъ**, прпе. пов. **И. Д. Кузнецовъ, Р. П. Кумовъ, И. А. Купчинскій, В. П. Лебедевъ, Е. Н. Ловецкая**, свящ. **М. И. Менстровъ**, заслуженный профессоръ **П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, Н. А. Мучникъ, В. К. Мюръ, А. Н. Никитина, Н. Н. Оглоблинъ, Е. Н. Опочининъ, Х. И. Пахолковъ, Е. А. Полушкина, И. В. Поповъ-Пермскій, Я. Я. Полферовъ, Г. Т. Съверцевъ-Полиловъ, П. И. Радинъ, П. А. Россіевъ, В. Г. Рязанцевъ, И. В. Роцинъ, И. А. Савченко, Е. И. Свѣтова, К. И. Смирновъ, Н. П. Столпянскій**, проф. Моск. универс. **И. Т. Тарасовъ**, профессоръ **А. А. Тихомировъ, Н. П. Третьяковъ, С. Т. Тураганъ, А. А. Федоровъ-Давыдовъ, С. Н. Хазовъ, Ф. И. Черновъ, А. А. Чумакъ, В. М. Чеботаревъ, С. Н. Шубинскій, И. П. Ювачевъ** и др. Художники: **С. В. Беклемишевъ, И. Е. Полушкинъ, А. И. Соколовъ, П. Ф. Яковлевъ** и др.

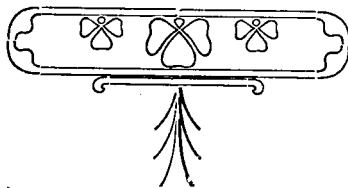

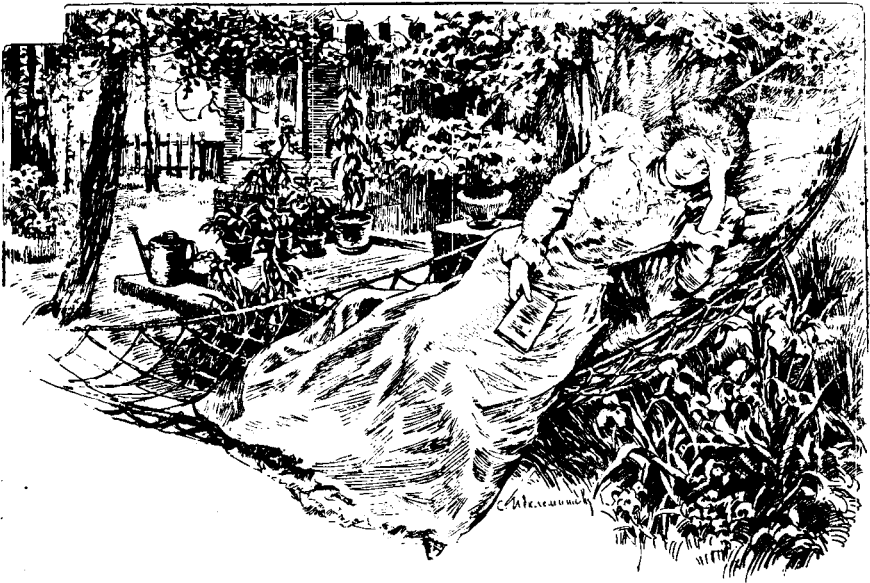
*
*
*

Я живу не въ глуши, я живу на юру,
Я живу не въ молчаньи—монахомъ...
Я уснувшихъ бужу, призываю къ добру,
И борюсь—незнакомый со страхомъ.

А когда—и борясь и живя на юру—
Утомлюсь и покину я битву,—
За оставшихся жить и бороться въ міру—
Встану я, какъ монахъ, на молитву.

А. Кругловъ.

Ж а с м и н ь.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Садикъ моей бабушки, Вѣры Степановны, далеко въ окружности былъ извѣстенъ подъ названіемъ „райскаго садика“. Дѣйствительно, садъ вполне справедливо называли „райскимъ“ — чего только въ немъ не было: и дивныя клумбы разнообразныхъ цвѣтовъ, и широкія аллеи, окаймленныя столѣтними липами и дубами, и сотни маленькихъ аллеекъ и тропинокъ, ведущихъ въ чудные, глухіе уголки парка и разныя бесѣдки. Часто кто нибудь изъ гулявшихъ шелъ съ тѣмъ, чтобы войти на горку, — гдѣ стояла сквозная бесѣдка и откуда былъ дивный видъ на рѣку, — вмѣсто бесѣдки попадалъ въ темный уголокъ съ тремя волшебными гротиками. Какая нибудь счастливая парочка жаждала уйти отъ людской суеты въ темную бесѣдку около дальняго пруда, послѣ долгаго пути къ своей неожиданной досадѣ, попадала какъ разъ на открытое мѣсто, гдѣ были качели и гигантскіе шаги. Много было хорошаго въ садикѣ. Но гордость его составляла свѣтлая, прозрачная, довольно широкая рѣчка, съ перекинутыми по ней граціозными мостиками и затѣмъ — кусты бѣлаго жасмина. Больше всѣхъ цвѣтовъ бабушка любила жасминъ и такихъ кустовъ, какіе имѣлись у бабушки, трудно было найти въ чьемъ либо другомъ саду.

Лѣтомъ къ бабушкѣ съѣзжалось человекъ до двадцати родственникововъ, являлись цѣлыя семьи съ дѣтьми, гувернерами и гувернантками. Тишина нарушалась и жизнь превращалась въ какой то шумный праздникъ. Всѣмъ было здѣсь привольно: кто что хотѣлъ то и дѣлалъ. Бабушка требовала только, чтобы къ

чаю, къ завтраку и обѣду никто не опаздывалъ. Поэтому за полчаса до назначеннаго времени т. е. передъ завтракомъ и обѣдомъ звонили громко въ колоколь, повѣшенный въ саду. И обѣда была опоздавшему. Ни взрослымъ, ни дѣтямъ бабушка не давала спуска. Если опаздывалъ ктонибудь изъ подростковъ—его оставляли безъ послѣдняго блюда, всегда очень вкуснаго сладкаго пирожнаго. Если же виноватымъ оказывался взрослый, то наказаніе было еще строже. Бабушка становилась около стула, опиралась на него, насупливала свои красивыя брови и грозно направляла взглядъ на дверь, изъ которой долженъ былъ появиться опоздавшій. Всѣ мы тоже стояли у своихъ стульевъ и ждали. Но вотъ раздавались торопливыя шаги и, запыхавшись отъ скорой ходьбы, появлялся провинившійся.

— Что это, отецъ мой, начинала бабушка: ты себя мучаешь,—вонъ какъ дышешь, словно опоенная лошадь, меня старуху въ гнѣвъ вводишь, два десятка человекъ заставляешь себя ждать и беспокоишь ни въ чемъ неповиннаго Терентьюшку (старикъ Терентій былъ главный поваръ бабушки). Ужъ онъ, поди, всѣ глаза свои старые проглядѣлъ тебя ожидаючи. Вѣдь онъ любить блюдо подать въ порядкѣ и вкусно, а изъ-за одного тебя все кушанье перестойтся и мы всѣ обязаны будемъ ѣсть не вкусное.

Пришедшій стоялъ красный, какъ ракъ и только бормоталъ: — Извините, милая бабушка, извините,

Бабушка усаживалась за столъ; лицо ея моментально опять принимало свое обычное ласковое выраженіе и веселый говоръ снова наполнялъ комнату; только виновный долго чувствовалъ себя неловко и утиралъ платкомъ голову и лицо, будто его кто окатилъ водой. Зато все остальное время, кромѣ обѣдовъ и завтраковъ, было въ полномъ нашемъ распоряженіи. Мы катались верхомъ, играли въ разныя игры, ходили за ягодами и грибами, устраивали шикники, въ которыхъ уже и бабушка принимала участіе. Терентьюшка вмѣстѣ съ лакеемъ Егоромъ и горничной Дуней укладывали всѣ припасы на возъ и въехали вмѣстѣ съ нами. Мы всѣ разсыпались по лѣсу. Бабушка усаживалась на пенъ, покрытый ковромъ, а на высокомъ берегу широкой рѣки приготавливали обѣдъ и хлопотали у стола. Часто насъ заставлялъ дождикъ на этихъ прогулкахъ, иногда ктонибудь изъ малышей подбигалъ себѣ глазъ, лобъ или носъ; франтики барышни рвали свои модныя платья; мужчины теряли спичичницы и портсигары. Однажды, заспѣшивъ домой отъ дождя, оставили въ лѣсу коверъ; другой разъ забыли самоваръ, но это никого не волновало и не огорчало. Всѣ смѣялись, дурачились, пѣли: „дождикъ, дождикъ перестань!..“ Бабушка словно молодѣла, оживлялась, и смѣшила всѣхъ, отсроумными и незлобивыми подшучиваніями надъ нами. Но самой любимой нашей забавой было катанье на лодкахъ въ лунныя ночи. Тогда наша кампанія увеличивалась приходившими молодыми людьми — сосѣдями-помѣщиками, двумя студентами — сыновьями нашего сельскаго священника и, наконецъ, еще двумя чистенькими и скромными

нѣмцами — Карломъ и Францемъ Богдановичами и ихъ хорошенькой сестрой — Амальхенъ. Хотя мы видѣлись и очень часто, но всегда у насъ являлась масса новостей и споровъ о литературѣ, объ искусствѣ и т. п.

Наспорившись досыта и увидѣвъ луну на небѣ, всѣ спѣшили къ лодкамъ. Балконъ одного изъ флигелей выходилъ, какъ разъ на рѣку; на этотъ балконъ выносили бабушкино кресло и скамеечку подъ ноги, выкатывали одинъ изъ старыхъ роялей. Бабушка садилась въ кресло, а старичекъ Мюллеръ усаживался за рояль и бралъ первые аккорды нашей любимой пѣсни. Нѣсколько человекъ, съ гитарами, сидя въ лодкахъ, аккомпанировали, а остальные затыгивали какую нибудь пѣсню. Сначала пѣлись заунывные — но чѣмъ дальше неслись лодки, тѣмъ веселѣе и дружнѣе разливалась по волнамъ могучая народная пѣснь, а на возвратномъ пути, подѣвжая къ балкону, уже неслась по воздуху ухарская плясовая. Старичекъ Мюллеръ подхватывалъ ее на легу и съ одушевленіемъ подыгрывалъ на роялѣ. Часто какая нибудь веселая пара въ малороссійскихъ костюмахъ, выйдя изъ лодки, принималась выплясывать на берегу казачка. Въ слѣдъ за тѣмъ, тутъ же на лугу передъ балкономъ устраивались пары — танцевали характерные танцы. Затѣмъ водились хороводы. Ихъ смѣняли игры, шарады и все это веселье длилось далеко за полночь, пока не ударяли въ строгій колоколь, призывавшій всѣхъ къ легкому, но здоровому ужину. Тогда мигомъ все умолкало и мы чинно шли къ столу. О, чудный, райскій садикъ, о, чудная беззаботная юность!

Спали мы какъ убитые, даже и сновъ никакихъ не видали, а утромъ въ 8 часовъ бѣжали въ купальню. Прежде шли гувернеры и ихъ воспитанники, а потомъ, дамы и дѣвицы. Затѣмъ каждая изъ барышень должна была сдѣлать по нѣсколько букетовъ и украсить ими комнаты. Я всегда дѣлала букеты для бабушкиной комнаты изъ ея любимого бѣлаго жасмина.

Е. И. Свѣтова.

моего рожденія была заказана обѣдня. Чтобы успѣть къ обѣднѣ я встала очень рано и бросилась въ садъ нарвать жасмина и

II.

Въ годъ, когда мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, жасмины цвѣли особенно пышно и красиво. Весь садъ стоялъ точно въ серебрѣ, и аромат разносился по всей деревнѣ. По случаю дня

надѣлать заранѣе букетовъ. Въ саду еще никого не было, только дочь садовника, Маша, донесла одну изъ безчисленныхъ до-рожекъ.

— Добраго утра, барышня, привѣтствовала меня дѣвушка:— дай вамъ Богъ хорошаго года, да богатаго жениха!

— Что ты, Маша, сконфуженно отвѣтила я,—какой женихъ? Мнѣ еще два года учиться!

— Ну, милая барышня, ученье своимъ чередомъ, а женихъ своимъ. Хотите, я на васъ загадаю. Кто первый изъ холостыхъ мужчинъ съ вами сегодня заговорить — тотъ вашъ и суженый будетъ.

Я размѣялась.

— Ну, а такъ какъ теперь въ саду, кромѣ садовника никого нѣтъ, то значить мой женихъ или суженый будетъ садовникъ,—сказала я. Обѣ мы принялись хохотать. Маша ушла дальше мести, а я усердно принялась рвать жасминъ. Въ то время, когда я тянулась за одной изъ высокихъ вѣтвей, съ самыми лучшими и свѣжими цвѣтами, а вѣтка какъ бы дразня, ускользала отъ меня, я вдругъ почувствовала, что—кто-то наклоняетъ вѣтку въ противоположную отъ меня сторону. Думая, что это Маша, тихонько подкравшись, шутить со мною, я крикнула:

— Маша, голубушка, не дурачься, нагни лучше ко мнѣ вѣтку, я спѣшу!

— А что вы мнѣ дадите за это? послышался шопотъ.

— Ну, что тебѣ дать? у меня съ собой ничего нѣтъ. А вотъ я за тебя замужъ выйду, такъ какъ ты первая послѣ гаданья со мной заговорила.

— Хорошо, а какой залогъ того, что вы сдержите слово? Я вѣдь такъ не повѣрю.

— Ну, глупая! какой же тебѣ еще залогъ? Вотъ пусть жасминъ будетъ свидѣтель, что за тебя я съ удовольствіемъ выйду.

— Хорошо—послышался тотъ же шопотъ.—Тогда дайте мнѣ на память лучшую вѣтку жасмина.

— Дамъ хоть десять, только наклоняй мнѣ поскорѣй высокую вѣтку. Я спѣшу; вѣдь плохо будетъ если я не успѣю одѣться во время и опоздаю въ церковь. Бабушка шутить не любить и...

Но я не успѣла договорить, какъ вѣтка наклонилась прямо къ моему лицу, обдавъ меня свѣжей росой, а за вѣткой, вмѣсто Маши, показалось смѣющееся лицо одного изъ нашихъ сосѣдей.

Я сконфузилась до слезъ. Я знала, что этотъ сосѣдь очень богатый человекъ, единственный сынъ у матери, съ которой онъ и пріѣхалъ провести лѣто у своей родственницы.

— Боже мой! какъ вы могли въ такой ранній часъ очутиться у насъ въ саду?—пробормотала я, причемъ къ моей досадѣ лицо мое запылало словно зарево.

— И напугать такъ васъ,—докончилъ онъ мою фразу.— Прощу тысячу разъ извиненія, но я сдѣлалъ это неумышленно. Я видѣлъ издали, какъ вы напрягали всѣ усилія, чтобы достать

упрямую верхнюю вѣтку, а она вамъ не давалась. Тогда я поспѣшилъ, чтобы помочь вамъ, но вы, глядя вверхъ, не замѣтили меня и обѣщали мнѣ такое счастье, что, согласитесь, всякій на моемъ мѣстѣ поступилъ бы какъ я и...

Но я не дала ему договорить. Его тонъ страшно разсердилъ меня.

— И всякій принялъ бы на себя чужое имя и невинную шутку обратилъ бы въ удобный случай для насмѣшки, — прервала я его.

— Но позвольте, гдѣ же и въ чемъ вы видите насмѣшку? Напротивъ, я говорю совершенно серьезно и, чтобы доказать вамъ это на дѣлѣ, я прячу залогъ вашего обѣщанія къ своему сердцу.

И онъ спокойно положилъ цвѣты въ лѣвый карманъ жилета.

— Ну-съ, а теперь, видя, что вамъ некогда и что вы находитесь въ гнѣвѣ, произнесъ онъ въ заключеніе, — я съ вашего позволенія, удалюсь. Когда вамъ будетъ угодно выполнить ваше обѣщаніе, вы мнѣ только устно или письменно скажите одно слово: „жасминъ“ и я буду счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. До пріятнаго свиданія!

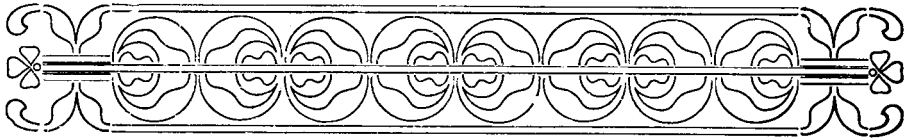
Онъ почтительно раскланялся и удалился, оставивъ меня въ самомъ глупомъ и злобномъ настроеніи.

Вернувшись домой, я не могла рѣшить: слѣдовало ли это рассказать бабушкѣ и роднымъ, или лучше молчать, благо никто не видѣлъ, а то еще Зина, — моя двоюродная сестра, умненькая, но съ острымъ языкомъ, подыметъ меня на смѣхъ и будетъ мучить все лѣто. Я рѣшилась промолчать и ожидать что будетъ онъ дѣлать. Въ эту минуту я возненавидѣла его. Букеты свои я сдѣлала небрежно, но, къ счастью, этого никто не замѣтилъ, ибо всѣ были заняты моими подарками, отъ родныхъ и сосѣдей. Между присланными подарками былъ чудный букетъ изъ бѣлыхъ розъ съ широкой бѣлой лентой и коротенькой запиской, съ незнакомымъ дѣланымъ почеркомъ: „Долгъ платежомъ красенъ“. Всѣхъ заинтересовало отъ кого этотъ букетъ, но какъ ни старались — отгадать это не удалось. Узнали только, что утромъ этого букета на столѣ еще не было. Его замѣтили уже по пріѣздѣ изъ церкви и послѣ молебна, который служили въ моей комнатѣ. Букетъ этотъ появился въ залѣ на томъ концѣ стола, который выходилъ къ открытому окну въ садъ. Наконецъ рѣшили, что этотъ таинственный подарокъ сдѣлали мнѣ фабриканты — родители Карлуши и Франца. Одна лишь я догадывалась отъ кого былъ букетъ, но я предпочла промолчать объ этомъ.

Е. Свѣтова.

(До слѣд. книжки).

Стихотвореніе О л е с я .

(Съ малороссійскаго.)

О, не дивись, что ночь такъ голубѣтъ —
Что выйдешь ты, вѣдь, знала эта ночь,
И оттого она прохладой вѣтъ,
И пѣги ей не превозмочь.

О, не дивись, что все благоухаетъ,
Что, будто млѣя, смотрятся цвѣты:
Цвѣтами ночь твое чело вѣнчаетъ,—
Въ ея вѣнкахъ прекрасна ты.

О, не дивись, что въ небѣ очи, очи,
Что такъ прозрачна и сребриста мгла:
Лишь для тебя такой нарядъ на ночи,
Тебѣ она сіянье разлила.

И только ты уйдешь съ крылечка въ хату,
Погаснетъ тихо, грустно царство грезъ,
И въ мракъ ночь проплачетъ до заката
Роснымъ дождемъ беззвучныхъ слезъ.

Павель Россіевъ.

Кавказскій герой. *)

Исторический разсказъ.

I.

Горячее лѣтнее солнце быстро опускалось за гору Казбекъ. Знойный день смѣнялся прохладною ночью.

На балконѣ небольшого каменнаго дома сидѣла женщина лѣтъ 30-ти. На ея лицѣ, еще не потерявшемъ всей прелести молодости, выражалось внутреннее безпокойство. Взглядъ ея безпрестанно устремлялся вдаль большой дороги, шедшей изъ Тифлиса въ Турцію чрезъ небольшое мѣсто, называемое Царскіе Колодези, гдѣ и находился описываемый домъ. Хозяйка его съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидала кого-то. Возлѣ матери, на ступеняхъ лѣстницы, сидѣли три прекрасныхъ мальчика. Старшему—Парфенію—было 6 лѣтъ. Черные, какъ смоль волосы его падали волнистыми кудрями на блѣдное, но пухлое личико. Выразительные черные глаза его, опущенные темными рѣсницами, сіяли какъ звѣзды. Рѣзвый и веселый обыкновенно, иногда онъ впадалъ въ задумчивость, а теперь даже проливалъ слезы. Мать своими нѣжными ласками останавливала ихъ и утѣшала сына.

Средняго сына звали Сосипатръ. Это былъ тоже милостивый ребенокъ, съ русыми локонами, обрамлявшими его всегда веселое личико. Онъ былъ на годъ моложе Парфенія. Младшаго, 3-хъ лѣтняго мальчика звали Прокломъ.

Для полноты семейной картины недоставало только новорожденной дочери Тани, и главы семьи—заслуженнаго кавказскаго героя—Афанасія Бородина, въ это время сражавшагося въ горахъ за дорогую ему родину.

Его то и ждали дома съ такимъ нетерпѣніемъ.

Темнота сгущалась все болѣе и болѣе, и дома селенія мало по малу исчезли изъ вида. Пробыло 10 часовъ. Сырой горный вѣтеръ пахнулъ въ лицо. Молодая женщина кинула вдаль послѣдній грустный взглядъ, при чемъ глаза ея увлажнились слезами, и поднялась съ мѣста.

— Дѣти, пора въ комнаты,—сказала она:—становится сыро и холодно.

Мальчики быстро вскочили и побѣжали съ балкона.

*) По доставленнымъ запискамъ Парфенія Афанасьевича Бородина.

Мать пошла слѣдомъ за ними. У порога она оглянулась еще разъ, напряженно всматриваясь въ даль и чутько насторожившись.

Но кругомъ царилъ мертвая тишина.

„Нѣтъ, сегодня, вѣроятно, онъ не будетъ“, — мысленно рѣшила она и, вступивъ въ комнату, захлопнула за собою дверь.

II.

На кругломъ столѣ среди небольшой комнаты, просто, но со вкусомъ обставленной, кипѣлъ самоваръ. За столомъ сидѣла Екатерина Александровна Бородина. Справа отъ нея помѣщался священникъ сельской церкви, о. Авраамій. Георгіевскій крестъ на его груди свидѣтельствовалъ о его заслуженности. И дѣйствительно, о. Авраамій ранѣе находился въ Г-мъ полку, гдѣ онъ, наравнѣ съ солдатами дѣлилъ всѣ трудности Отечественной войны и имѣлъ даже прострѣленную руку. Блѣдное, сухощавое лицо съ орлинымъ носомъ, выразительные глаза, со свѣтившеюся въ нихъ необыкновенною добротою и любовью къ ближнему, небольшой лысиной на головѣ, окаймленной сѣдыми волосами, сообщали физиономіи пастыря ту величавость, которая вызывала къ нему невольное почтеніе. Его душевные качества вполне отвѣчали внѣшнимъ. Сверхъ всего о. Авраамій обладалъ краснорѣчіемъ и былъ очень интереснымъ собесѣдникомъ въ обществѣ. Семью Бородиныхъ онъ любилъ и навѣщалъ ихъ чуть не ежедневно.

Возлѣ о. Авраамія сидѣлъ Парфеній, пользовавшійся особымъ расположеніемъ пастыря за острый умъ, сообразительность, догадливость и пылкое воображеніе, качества, не часто встрѣчающіяся у ребенка такого возраста. Рядомъ съ мальчикомъ помѣщался отставной капитанъ Ширванскаго полка — Федоровъ, потерявшій на службѣ одну ногу.

Въ этомъ небольшомъ дружескомъ обществѣ царилъ глубокая тишина, нарушавшаяся лишь звономъ посуды, да кипѣніемъ самовара. Горѣвшія свѣчи слабо освѣщали комнату. Екатерина Александровна сидѣла подавленная горемъ. Изъ ея груди вырывались глубокіе вздохи. Печальные глаза ея блестѣли отъ наvertsывавшихся слезъ. Изъ уваженія къ хозяйкѣ никто не рѣшался нарушить молчаніе. Въ этомъ безмолвіи чувствовалось что то зловѣщее.

Впечатлительный Парфеній вздрогнулъ и боязливо придвинулся къ священнику.

— Что ты? Развѣ боишься чего?

— Ахъ, батюшка, мнѣ страшно... не знаю отчего... отозвался мальчикъ.

— Нечего бояться, мы всѣ вѣдь здѣсь съ тобою, — успокоительно замѣтилъ священникъ, обнимая ребенка одною рукою.

Мать встревожилась:

— Что съ тобою, дружокъ?.. Здоровъ ли ты?.. Не дурно ли тебѣ?

— Нѣтъ, мама!.. Это такъ... пройдетъ...

— Стыдно, братъ! — укоризненно замѣтилъ капитанъ, беря

Парфенія за руку.— Можетъ быть мышь пробѣжала по комнатѣ, а ты уже и струсиль. А еще хочешь быть солдатомъ... Стыдись! Замѣчаніе капитана разомъ вернуло бодрость мальчику. Поблѣднѣвшее было лицо ребенка вспыхнуло и озарилось улыбкой. Парфеній принялся весело болтать, нарушивъ томительное молчаніе общества.

Причина быстрой въ немъ переменъ такова: Парфеній со дня рожденія предназначенъ былъ родителями въ духовное званіе. Рано или поздно этотъ обѣтъ слѣдовало выполнить. Но у ребенка не являлось къ этому званію никакой склонности. Наоборотъ: онъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ военной службѣ, любилъ солдатъ, игралъ лишь съ ружьемъ, съ саблей и т. п. Нянька въ пеленкахъ называла его уже фельдмаршаломъ. Фантазію его питало то обстоятельство, что родители жили на Кавказѣ противъ самыхъ казармъ Ширванскаго полка (нынѣ— князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго пѣхотн. полка.), которымъ и командовалъ его отецъ. Не проходило ни одного ученья, ни одного парада, на которомъ не присутствовалъ бы Парфеній. Онъ проводилъ цѣлыя часы въ кругу солдатъ, слушая ихъ безыскусственные рассказы о походахъ и геройскихъ подвигахъ. Нужно было видѣть его дѣтскую простодушную радость при видѣ ружья или солдата, которыхъ ему дарили въ день именинъ. Но родители не придавали значенія врожденной склонности сына, хотя отца она и радовала. Самъ закаленный въ походахъ и битвахъ, онъ пророчилъ сыну блестящую будущность. Тогда жена напоминала ему о данномъ обѣтѣ. Мальчикъ задумывался, не зная, какъ примирить въ себѣ такія противорѣчія. Съ лѣтами задумчивость овладѣвала имъ сильнѣе и онъ чаще и чаще погружался въ нее, просиживая иногда неподвижно цѣлыми часами. Родители стали замѣчать, что это вліяетъ на его здоровье и рѣшили пока не приводить въ исполненіе своего обѣщанія. Послѣ этого объясненія становится понятно, почему одинъ намекъ на трусость сразу заставилъ Парфенія очнуться и ободриться.

Разговоръ въ столовой оживился и сдѣлался даже веселѣе обыкновеннаго. О. Авраамій рассказалъ о подвигѣ одного незамѣтнаго героя. Капитанъ разсмѣшилъ всѣхъ забавнымъ анекдотомъ. Парфеній смѣялся съ дѣтской беззабвностью. Одна только Екатерина Александровна не принимала участія въ общемъ весельи и въ грустной задумчивости машинально разливала гостямъ чай.

— Не къ добру вы такъ смѣтаетесь, господа, — вдругъ тихо промолвила она: — отъ вашей веселости мнѣ становится что то страшно...

Въ это время часы стали бить полночь.

Екатерина Александровна нервно вздрогнула и обе присутствующихъ смущеннымъ взглядомъ.

Смѣхъ Парфенія смолкъ въ ту же минуту. За мальчикомъ смолкли и всѣ гости. Снова воцарилось прежнее таинственное безмолвіе.

Вдругъ дверь скрипнула. Взоры всѣхъ обратились къ ней. Поблѣднѣвшій снова Парфеній быстро вскочилъ съ мѣста и вскрикнулъ неестественно громкимъ голосомъ:

— Папенька!

Но тотчасъ же покачнувшись, онъ упалъ безъ чувствъ на полъ.

Всѣ бросились къ нему.

Онъ былъ въ глубокомъ обморокѣ.

— Воды... Дайте скорѣе воды!—сказалъ о. Авраамій.

Только хотѣли броситься за водой, какъ моментально приковались къ мѣсту,—пораженные.

Въ дверяхъ стоялъ человекъ, похожій на призракъ... Блѣдное лицо его, съ выраженіемъ сильнаго страданія, скрытаго дѣланной улыбкой, стиснутые зубы, какъ бы отъ нестерпимой боли, всклокоченные волосы, въ беспорядкѣ падавшіе на его высокій лобъ, наконецъ военный куртукъ, весь обгаренный кровью—все это вмѣстѣ съ ужасомъ внушало большое состраданіе къ несчастному выходцу...

Священникъ началъ мысленно звать къ помощи всѣхъ угодниковъ Божіихъ. Трепетавшая Екатерина Александровна напряженно вглядывалась въ черты привидѣнія. Одинъ только капитанъ, скорѣе всѣхъ опомнившійся, устремился впередъ съ распростертыми объятіями:

— Афанасій Ивановичъ, это вы!—радостно воскликнулъ онъ.

Призракъ исчезъ, и капитанъ остался среди комнаты ошеломленный, съ распростертыми руками.

Гробовое молчаніе продолжалось.

Парфеній пошевелился и вскорѣ пришелъ въ себя.

Онъ поднялся и обвелъ присутствовавшихъ недоумѣвающимъ взглядомъ.

Въ сердцѣ матери проснулась нѣжность къ бѣдному сиротѣ.

— Милый мой мальчикъ!—воскликнула она, заключая его въ крѣпкія объятія:—все кончено для насъ: отецъ погибъ!

И, прижавъ къ груди голову сына, она судорожно зарыдала.

III.

Въ помѣщеніи тогда командующаго Кавказской арміей графа Паскевича-Эриванскаго происходило собраніе военнаго совѣта. На немъ ставился вопросъ чрезвычайной важности о штурмѣ Ахалцыха. Въ городъ засѣлъ сильный турецкій отрядъ, успѣшно отражавшій всѣ нападенія. Върза въ неприступность этой твердыни, подде, являла отвагу и фанатизмъ воинственныхъ горцевъ.

На предложеніе Паскевича сдать крѣпость, комендантъ ея отвѣтилъ съ заносчивой самоувѣренностью:

— Прежде надо снять мѣсяцъ съ неба, а потомъ уже луну съ Ахалцыхской мечети!

Русскимъ ничего не оставалось дѣлать, крѣпость взяли приступомъ.

Большинство и высказалось на совѣтѣ именно въ этомъ

смыслѣ. Но иные предпочитали осторожное выжиданіе ввиду не достаточности нашихъ силъ.

— Помилуйте, — возражали имъ: — наше промедленіе поведетъ къ подъему у нихъ духа... Крѣпость необходимо взять въ видахъ чисто тактическихъ, чтобы нанести имъ нравственное поражение!

Паскевичъ — видный генераль, съ добрыми глазами — обводилъ взглядомъ спорившихъ, чутко прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ и строго взвѣсивая въ умѣ приводимыя соображенія и доводы. Въ душѣ онъ былъ на сторонѣ натиска и лишь избѣгалъ принять на себя всю громадную отвѣтственность за его послѣдствія.

У двери сидѣлъ полковникъ Бородинъ съ поникшей головой и все время хранилъ угрюмое молчаніе. Онъ считался образцовымъ и исполнительнѣйшимъ офицеромъ Ширванскаго полка и былъ на лучшемъ счету у Главнокомандующаго.

— Что скажете вы, полковникъ? — обратился къ нему Паскевичъ: — каково ваше мнѣніе?

Бородинъ поднялся во весь свой высокій ростъ. Фигура его дышала мужествомъ и энергіей.

— По моему, ваше Пр-во, наступленіе необходимо, — твердо и рѣшительно произнесъ онъ: — надо доказать имъ, что можно снять луну съ Ахалцыхской мечети, совсѣмъ не помышляя о мѣсяцѣ въ небѣ... Сомнѣваться же въ успѣхѣ нѣтъ никакого основанія.

Въ распирившихся глазахъ Бородина сверкнула молнія и его угрюмое всегда лицо на минуту все прояснилось.

Съ легкимъ поклономъ онъ опустился на свое мѣсто и смолкъ, снова поникнувъ на грудь головой. Онъ былъ настолько же лакониченъ, насколько рѣшителенъ.

Убѣжденная рѣчь Афанасія Ивановича невольно повліяла на собраніе и ему никто не возражалъ болѣе.

Паскевичъ подумалъ, что въ рукахъ такого офицера, какъ Бородинъ, дѣло непременно будетъ выиграно и тутъ же рѣшилъ на штурмъ послать именно его. Никто лучше Бородина не могъ поддержать доблесть Ширванскаго полка.

IV.

Штурмъ Ахалцыха былъ назначенъ въ самый день Успенія Божіей Матери, 15 августа 1829 года.

Утромъ войско отслушало обѣдню въ походной церкви, ибо 15 августа было также и днемъ полкового праздника Ширванскаго полка.

За литургіей всѣ усердно молились, нѣкоторые даже причастились, такъ какъ этотъ праздникъ могъ оказаться послѣднимъ днемъ ихъ жизни. Настроеніе у всѣхъ было повышенное, сосредоточенное. Всѣ какъ бы готовились къ чему то великому, неизбежному... Поэтому и поздравленія не отличались обычнымъ шумнымъ весельемъ, а носили какой то таинственный и торжественный характеръ. Мысли людей словно спѣшили куда то вдаль, къ неизвѣдному и страшному...

И оно наступило...

Штурмъ начался въ 4 часа пополудни. Подъ градомъ пуль и картечей двинулись на непріятельскую крѣпость два баталіона, предводимые полковникомъ Бородинымъ. За любимымъ командиромъ солдаты шли не дрогнувъ, стройными рядами, съ распущенными знаменами и веселой музыкой. Пули съ жужжаніемъ летали надъ головами и предательски вырывали изъ рядовъ жертвы. Раненые падали, но поступательное движеніе не останавливалось ни на минуту и ряды смыкались, уничтожая пробѣлы. Стремясь къ одной цѣли—исполнить возложенное порученіе—строй какъ бы не замѣчалъ утратъ, не считался съ ними..

Вся стѣна крѣпости была усѣяна непріятельскими орудіями, которыя вмѣстѣ съ дымомъ несли также страданіе и смерть. Пули, какъ шмели съ визгомъ прорѣзывали воздухъ. Поручикъ Звелиндовскій, шедшій впереди полковника, пошатнулся, схватившись за голову. Но пуля пробила только фуражку, нанеся ему легкую контузію, и офицеръ скоро оправился.

Афанасій Ивановичъ съ тревогою слѣдилъ за нимъ и мысленно поблагодарилъ Бога за его спасеніе. Звелиндовскій, рано оставшійся сиротой, былъ воспитанъ Афанасіемъ Ивановичемъ, полюбившимъ его, какъ своего сына.

Люди стали вокругъ падать все чаще и чаще.

Бородинъ, зорко слѣдившій за настроеніемъ солдатъ, громко скомандовалъ:

— Пѣсенники впередъ!

Тотчасъ выдѣлилась небольшая группа и выступила впередъ. Запѣвало началъ высокимъ теноромъ:

Не будите меня молодую
Ранымъ рано да поутру...

Остальные пѣвцы тотчасъ подхватили дружнымъ хоромъ:

Ай разбудите молодую,
Да когда солнышко взойдетъ.. И-и-хъ!

Куплетъ заключился ухарскимъ визгомъ.

Странно было слышать подъ громомъ орудій веселый напѣвъ или бравурный мотивъ марша... Казалось, люди шли на пиръ, а не въ кровавый бой, когда смерть уже спѣшила распространить вокругъ свое владычество.

Ширванцы достигли крѣпости и устремились на приступъ.

Передъ лицомъ врага всѣ словно очнулись... Солдатамъ захотѣлось отплатить непріятелю за страданія и смерть своихъ товарищей, за ту опасность, которая смотрѣла имъ прямо въ глаза... И они полѣзли на твердыню, какъ муравьи, царапаясь о камень, помогая всбираться товарищамъ, стрѣляя и отстрѣливаясь, сваливаясь со стѣнъ или хлынувъ опять на нихъ неудержимой стихійной волной... Всѣ спѣшили, стремясь къ намѣченной цѣли.

Непріятель работалъ съ меньшимъ воодушевленіемъ, желая отстоять насиженное гнѣздо отъ вторженія врага, сохранить родные очаги..

Нервное напряженіе росло съ обѣихъ сторонъ.

Стойкому упорству русскихъ, мусульмане противопоставляли пламенную ярость и всегдашнюю ненависть къ гяурамъ. Страсти разгорѣлись... Ужасный бой шель съ переменнымъ успѣхомъ: то брали верхъ русскіе, овладѣвавшіе стѣной, развертывавшіе знамена и оглашавшіе воздухъ побѣднымъ кликомъ ура! То снова ихъ одолѣвали турки и съ дикими криками: Алла! возносили надъ каменной твердыней зеленое знамя пророка.

Русскіе баталіоны рѣдѣли, силы замѣтно ослабѣвали; но обѣ отступленіи никто и не думалъ. Напротивъ: съ умноженіемъ жертвъ—увеличивалось только упорство. Вскорѣ русскіе получили подкрѣпленіе... Время летѣло незамѣтно... Бой шель безостановочно до самаго вечера. Воюющіе ничего не шли и не ѣли и какъ бы совсѣмъ забыли объ этомъ... Только раненые невыносимо страдали отъ жажды.

Кое гдѣ въ городѣ запылали костры и въ ихъ кровавомъ заревѣ черныя фигуры непріятелей казались выходцами изъ ада... Ярость ихъ увеличилась. Они словно обезумѣли и очертя голову сами лѣзли на опасность, разбиваясь въ концѣ концовъ о твердое мужество русскихъ. Никто не считалъ понесенныхъ жертвъ. Всѣ дрались какъ львы... Едва Бородинъ вступилъ на стѣну, какъ ему прострѣлило руку. Звелиндовскій, его неизмѣнный спутникъ въ походахъ, зорко слѣдилъ за Аванасіемъ Ивановичемъ, хотя его постоянно и оттѣсняли отъ послѣдняго. Но онъ снова отыскивалъ своего отца—благодѣтеля, не желая покидать его. Такая привязанность всегда несказанно трогала Бородина, потому онъ такъ и любилъ молодого человѣка. Аванасію Ивановичу страстно хотѣлось сломить упрямство врага и овладѣть городомъ и поэтому онъ не оставлялъ командованіе, хотя его ранило снова въ ногу и въ грудь... Звелиндовскій умолялъ его выйти изъ строя, но полковникъ еще могъ держаться на ногахъ и потому продолжалъ драться.

Бой кипѣлъ... Лились рѣки крови... Тамъ и сямъ въ городѣ вспыхивалъ пожаръ... Все перемѣшалось въ беспорядочнымъ хаосѣ... Стонало и гудѣло вокругъ... трудно было разобратъ въ этомъ кромѣшномъ аду...

Вдругъ Бородина ударило словно молоткомъ по головѣ... Онъ пошатнулся, полетѣлъ куда то и потерялъ сознание...

Онъ упалъ близъ городской стѣны, не дождавшись осуществленія своего завѣтнаго желанія. А бой продолжался.

Эта ночная битва 15 Августа была однимъ изъ тѣхъ потрясающихъ зрѣлищъ, которыя на долго остаются въ памяти самыхъ закаленныхъ воиновъ.

Аванасій Ивановичъ долго пролежалъ безъ сознанія. Очнувшись, онъ не могъ сразу понять окружающаго его шума. Надъ нимъ то открывалось темное небо съ далекими звѣздами, то заволакивалось тучами порохового дыма. Въ воздухѣ свистѣло... Вокругъ лежали тѣла раненыхъ и убитыхъ... Дальше слышалось оживленное движеніе, голоса... раздавались крики...

Бородинъ вспомнилъ все...

„Я раненъ“, мелкнуло у него въ умѣ.

Онъ ощущалъ тупую боль во всемъ тѣлѣ. Онъ попробовалъ поднять правую руку... Она оказалась цѣла. Онъ перекрестился... Но лѣвая рука и ноги оставались недвижими. Онъ не могъ также поднять и головы. Ему хотѣлось отползти хотя немного отъ лежавшаго рядомъ трупа, но онъ не могъ этого сдѣлать. Малѣйшее усиліе вызвало въ немъ страшныя боли, чуть было снова не лишившія его сознанія.

Бородинъ съ тоскою понялъ, что онъ раненъ смертельно. Поднявъ глаза къ небу, онъ сталъ молиться, но не словами какой либо опредѣленной молитвы, а какъ бы всѣмъ своимъ существомъ... А между тѣмъ тоска властная, не передаваемая на языкѣ человѣческомъ, охватывала его все болѣе и болѣе... Аѳанасій Ивановичъ почувствовалъ инстинктомъ и потомъ вдругъ ясно понялъ требованіе земли вернуть ей тѣ матеріальныя частицы, составлявшія его брэнное тѣло, которыя она давала ему только на временное пользованіе... Теперь онъ становились ненужными ему и она брала ихъ назадъ... Земля словно притягивала его къ себѣ все сильнѣе и сильнѣе... И раненый понималъ что это означало. Но ему было горько умереть, не повидавши своихъ близкихъ. Это желаніе вдругъ возникло въ его сердцѣ и тотчасъ же разрослось, перейдя въ страстное томленіе...

„Хотя бы только однимъ глазкомъ взглянуть на моихъ дорогихъ!“ пронеслось въ его головѣ: „Что то дѣлаетъ жена... дѣти?... Здоровы ли?... Чувствуютъ ли они, что со мною?..“

Мысль его трепетала и билась въ мозгу, достигая крайняго напряженія... Онъ рвался къ своимъ всѣмъ существомъ, въ это стремленіе какъ бы перешла вся его жизнь въ данную минуту... и вдругъ раненый увидѣлъ свою семью съ такою ясностью, какъ будто онъ самъ очутился среди нихъ... За чайнымъ столомъ сидѣли жена, дѣти, священникъ и капитанъ... Какъ всегда и при немъ.

Аѳанасій Ивановичъ впился во всѣхъ жаднымъ взоромъ, желая запечатлѣть въ душѣ милые образы, чтобы какъ дорогое воспоминаніе унести ихъ съ собою потомъ за грань здѣшняго міра.

Какъ много хотѣлъ сказать имъ всѣмъ... Какъ трепетала отъ счастья свиданія душа его... Онъ хотѣлъ благословить ихъ... Но слова не сходили у него съ языка...

Онъ весь словно замеръ въ созерцаніи... Но оно быстро прервалось, однако, поднявшимся въ домѣ смятеніемъ... Онъ встрепетулся и видѣніе исчезло. Онъ устремилъ глаза въ небо, теперь уже поблѣднѣвшее отъ утренняго разсвѣта. Оно влекло къ себѣ, какъ бы суля надежду.

Вдругъ громосное ура сразу потрясло воздухъ. Побѣдный кличъ словно переливался съ одного конца города въ другой и покрылъ собою всѣ остальные звуки.

Бородинъ понялъ, что городъ былъ, наконецъ, взятъ. Ра-

66811 Ж

ненный истово перекрестился, и изъ груди его какъ облегчающій стонъ вырвались слова:

— Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!

Мимолетная радость наполнила его сердце. Онъ былъ счастливъ, что не даромъ положилъ свою жизнь на полѣ брани за горячо любимую родину.

Въ эту минуту надъ Бородинымъ склонился Звелиндовскій, который уже нѣсколько времени ходилъ между сраженными, розыскивая Аѳанасія Ивановича.

Онъ несказанно обрадовался, что нашелъ его живымъ.

— Вы ранены? Я перенесу васъ сейчасъ въ другое мѣсто,— предложилъ поручикъ.

— Нѣтъ, убить,—отвѣтилъ Бородинъ:—не трогай, дай умереть тутъ... А что: мы побѣдили?

— Да... Мы вытѣснили турокъ изъ города и гарнизонъ заперся въ цитадели.

— Слава Богу за побѣду,—произнесъ раненый слабѣющимъ голосомъ.

Звелиндовскій не могъ отдаться радости побѣды, увидя, что Бородинъ умираетъ, и онъ еле удерживался отъ слезъ.

— Дѣти мои... дѣти... прошепталъ раненый.

— Можеть быть, вы хотите имъ передать что нибудь? спросилъ поручикъ, опускаясь на землю возлѣ Аѳанасія Ивановича.

— Передай жъ дѣтямъ мое благословеніе... благослови Господь и тебя.. скажи Главнокомандующему...

Аѳанасій Ивановичъ смолкъ, не окончивъ фразы. Въ груди у него началась хрипота, и черезъ нѣсколько минутъ его не стало.

Тщетно поручикъ прислушивался: не скажетъ ли тотъ еще что нибудь, не откроетъ ли глаза, не вздохнетъ ли..

Бородинъ оставался недвижимъ.

Тогда Звелиндовскій далъ волю слезамъ, не боясь уже тревожить покоя любимаго воспитателя.

Съ восходомъ солнца Звелиндовскій озаботился перенесеніемъ праха и соотвѣтствующими приготовленіями для его погребенія..

Боевая опытность Бородина не даромъ питала въ немъ твердую увѣренность, что непріятельская крѣпость будетъ нами взята. Турецкій гарнизонъ хотя и заперся въ цитадели, но средствъ къ дальнѣйшей оборонѣ у него не было и утромъ 16 августа гарнизонъ положилъ оружіе.

V.

Нѣсколько дней спустя Екатерина Александровна опять сидѣла на террасѣ въ кругу своихъ дѣтей и друзей дома—капитана и священника.

Вдали на дорогѣ показался небольшой столбъ пыли, постепенно приближавшійся къ дому. Всѣ заинтересовались имъ и начали пристально всматриваться.

— Тарантасъ!—заявилъ дальнозоркій Парфеній.

Федоровъ высказалъ сомнѣніе.

Сердце Бородиной учащенно забилося.

„Не извѣстіе ли какое о мужѣ?“ подумала она.

Вскорѣ къ крыльцу дѣйствительно подкатилъ дорожный тарантасъ и въ сидѣвшемъ въ немъ запыленномъ и загорѣломъ офицерѣ узнали Звелиндовскаго, который издали еще привѣтствовалъ всѣхъ, махая фуражкой.

Дѣти устремилиськъ нему на встрѣчу. Капитанъ поднялся со своего мѣста и первый заключилъ въ объятія входившаго поручика.

Изъ груди хозяйки какимъ то невольнымъ крикомъ вырвался вопросъ:

— Ради Бога, скажите: живъ мужъ?

Звелиндовскій склонилъ голову и произнесъ:

— Онъ прислалъ свое благословеніе и приказалъ долго жить.

Какъ ни готовилась къ этому извѣстію вдова, но все же измученные нервы не выдержали и она упала въ обморокъ.

Всѣ засуетились, приводя ее въ чувство.

Прошло нѣсколько минутъ прежде, нежели она очнулась и собралась съ силами.

Тогда Звелиндовскій долженъ былъ всѣмъ подробно рассказать о смерти своего воспитателя.

Послѣ этого онъ передалъ Екатеринѣ Александровнѣ собственноручное письмо Главнокомандующаго, который извѣщалъ вдову, что Аѳанасій Ивановичъ палъ героемъ на стѣнахъ Ахалцыха, подавая собою примѣръ необыкновенной храбрости и неустрашимости. По личному желанію Аѳанасія Ивановича и въ уваженіе его заслугъ, Паскевичъ прибавлялъ, что посылаетъ Бородину восемьдесятъ тысячъ рублей сер. въ обезпеченіе семейства. (Слѣдуетъ замѣтить, что онъ давалъ эти деньги изъ собственныхъ доходовъ, которые тогда у него не были еще очень значительны.) Въ заключеніе Главнокомандующій сообщалъ, что исходатайствовалъ у Государя Императора объ опредѣленіи дѣтей Бородина въ Пажескій Корпусъ, куда ихъ и записали уже кандидатами.

Такимъ образомъ тяжелое горе вдовы было освѣщено лучемъ радости, и она тотчасъ попросила о Аврааміа отслужить панихиду по мужѣ, а вслѣдъ за нею благодарственный молебенъ за ниспосланіе имъ ангела-утѣшителя въ лицѣ Главнокомандующаго.

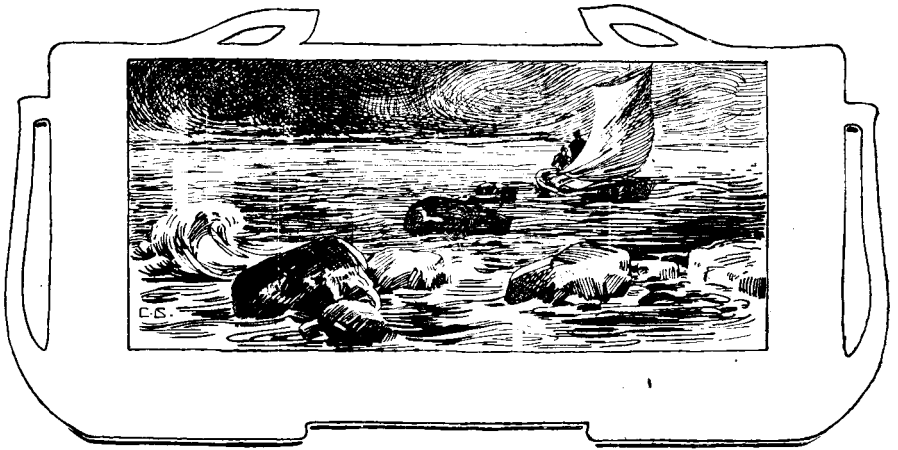
Не взирая на то, что благосостояніе семьи было съ этихъ поръ уже упрочено, въ послѣдствіи Паскевичъ-Эриванскій оказалъ еще ей цѣлый рядъ чисто отеческихъ услугъ; такъ напр. онъ выхлопоталъ у Государя вдовѣ героя аренду въ 500 душъ на 24 года, и въ Виленской губ. село Милейково, куда Екатерина Александровна вскорѣ и переселилась на жительство.

Такъ высоко были опѣнены въ свое время военныя заслуги славнаго кавказскаго героя, одного изъ тѣхъ сыновъ Россіи,

которые могутъ служить доблестнымъ примѣромъ для дальнѣйшихъ поколѣній.

Зато и Паскевичъ-Эриванскій оставилъ по себѣ благоговѣйную память въ родѣ Бородиныхъ.

Н.

Весенняя гроза.

Въ ясный день налетѣла неожиданно гроза,
Пронеслась, освѣжила поля и лѣса,—
И опять заблестѣла небесь бирюза,
Зазвенѣли ликующихъ птицъ голоса.

Какъ непрошенный гость—невзначай ворвалось
Горе въ тихій пріютъ и смутило покой...
Но весенней грозою оно пронеслось,
И звенить уже вслѣдъ ему смѣхъ молодой.

Благодатно гроза освѣжаетъ весной
Задремавшія нивы и боры въ тиши;
Въ годы юности часто житейской грозой
Освѣжась, закаляются силы души!

А. Кругловъ.

Софронъ Колуновъ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

По проселочной дорогѣ шелъ высокій, худощавый старикъ, одѣтый въ обыкновенный костюмъ странника: линючій длинный балахонъ на подобіе подрясника и высокую ватную шапку безъ козырька, сдвинутую на затылокъ. Выбившіеся изъ подъ нея сѣдоватые волосы, смоченные потомъ, прилипли ко лбу, изрѣзанному морщинами. Красноватое, обвѣтренное лицо его окаймляла жидкая свѣтлая бородка. Щурившіеся сѣрые глаза съ острымъ взглядомъ высматривали словно изъ щелей.

Это былъ Софронъ Колуновъ, крестьянинъ села Варасова, возвращавшійся домой послѣ семилѣтняго странствованія по святымъ мѣстамъ. Съ юга на сѣверъ онъ шелъ уже вторую недѣлю и очень усталъ въ пути. Утомленіе сказывалось въ томъ, что онъ безъ всякой надобности поправлялъ на спинѣ котомку. Его тяготила даже малѣйшая ноша.

— Благодареніе Создателю: времячко то какое посылаетъ: сентябрь, а солнышко печетъ совсѣмъ по лѣтнему,— разсуждалъ вслухъ Колуновъ.

Взглянувъ затѣмъ изъ подъ руки на небо, онъ продолжалъ со вздохомъ:

— Вишь, какъ солнце то высоко поднялось... Не поспѣтъ будетъ сегодня къ домамъ... Придется въ послѣдній разокъ заночевать въ пути.

Разсудивъ, что торопиться такимъ образомъ нечего, Софронъ вздумалъ закусить. Онъ опустился на землю у края дороги, досталъ изъ кармана ломоть хлѣба и, помолвившись, сталъ его ѣсть, запивая водой изъ жестяннаго чайника, который онъ отвязалъ отъ пояса.

— Вишь, озорникъ какой!—замѣтилъ онъ благодушнымъ тономъ.

Мальчишка отсталъ.

На встрѣчу старику попался высокій, плотный, рыжебородый мужикъ степеннаго вида.

Софронъ воззрился на него и только что хотѣлъ спросить про свой домъ, какъ встрѣчный воскликнулъ:

— Никакъ это ты, отецъ?

— Семень!

Они заключили другъ друга въ объятія.

— А мы ужъ не чаяли тебя и въ живыхъ видѣть,—возбужденно заговорилъ сынъ:—ты о себѣ вѣсти никакой не подавалъ...

— Все ладился вернуться... Какъ живете—можете?

— Богъ хранилъ: всѣ живы, здоровы.

Въ это время къ нимъ подошелъ низкорослый парень лѣтъ семнадцати.

— Иди, Семень, онъ даетъ надбавку... меня послалъ за тобой.

— Это прасоль тутъ одинъ приѣзжій,—пояснилъ Семень отцу:—шерсть овечью у насъ торгуетъ, да мы въ цѣнѣ не сходились.

— Никакъ это будетъ Троша?—спросилъ старикъ, всматриваясь въ своего младшаго сына.

— Онъ самый,—отозвался большакъ и прибавилъ въ сторону брата:—аль отца не узналъ?

— Ой-ли? Батя!—воскликнулъ тотъ, бросаясь на шею старику:—А мнѣ и невдомекъ съ кѣмъ это Семень разговариваетъ!

— Ну, поведемъ отца домой, а потомъ и къ дѣлу вернемся,—замѣтилъ большакъ.

— А домъ то гдѣ?—спросилъ старикъ:—ужъ не этотъ ли? Онъ указалъ на исправную избу, которой передъ тѣмъ только что любовался.

— Онъ самый.

— Откуда же такая хоромина взялась?

— А это мы послѣ твоего ухода надстроили домъ, да прибавили... вотъ онъ будто и другимъ сталъ... Въ старомъ то тѣсно сдѣлалось.

Софронъ одобрительно кивнулъ головой.

— Вотъ это хорошо!.. Любо—дорого смотрѣть на него!.. Айда сыны у меня!

Его хозяйское сердце преисполнилось радостью собственника.

Похвала отца пріятно подѣйствовала на сыновей.

Они повели старика въ калитку. Чистый и расширенный дворъ также показался Софрону другимъ.

— Не узнало бы своего добра,—откровенно признался онъ.

Войдя въ избу, старикъ сдѣлалъ земной поклонъ передъ иконами, а потомъ поздоровался съ женой и невѣстками.

Марѳа прослезилась отъ радости.

— А меня уже сомнѣніе брало, какъ и поминать тебя—не знала: за здравіе или за упокой,—говорила она растроганнымъ тономъ.

— Поживемъ еще, пока Богъ грѣхамъ терпитъ,—весело отвѣтилъ старикъ, любуясь на своихъ домочадцевъ.

Безъ него въ домѣ прибавились двѣ невѣстки, да пародилось нѣсколько внучатъ. Трое среднихъ его сыновей отсутствовали: двое были далеко въ солдатахъ, а одинъ извозничалъ въ городѣ.

Софрона усадили на почетное мѣсто. Присѣли съ нимъ и сыновья.

Отъ поднявшагося говора въ избѣ сдѣлалось шумно.

Семень, возвысивъ голосъ, замѣтилъ женщинамъ:

— Однако, соловья баснями не кормятъ: угостите-ка бабушку съ дорожки чѣмъ Богъ послалъ.

— Сейчасъ все будетъ готово!—отозвалась невѣстка-Фекла, жена Петра, второго сына Колунова.

Она бросилась къ печкѣ, застучала ухватомъ и задвигала горшками и сковородками.

— А потомъ, я полагаю, родителю не мѣшаетъ и баньку истопить,—заботливо произнесъ снова Семень.

— Вотъ за это скажу спасибо дѣткамъ!—воскликнулъ старикъ:—косточки то мои радешеньки будутъ распариться!

Трофимъ сказалъ женщинамъ:

— Я припасу дровъ иnanoшу воды, а вы истопите.

— Ладно ужъ!—отозвались тѣ.

Ребятишки, вначалѣ сторонившіеся дѣда, теперь окружили его и даже полѣзли на колѣни. Онъ обласкалъ каждого внученка.

Когда Софрону подали закуску, то сыновья поднялись и ушли кончать торгъ съ прасоломъ. Мѣсто Семена занялъ его сынъ, восьмилѣтній Сидорка, уже учившійся въ школѣ. Дѣлъ очень заинтересовалъ его, и Сидорка закидалъ его вопросами. Любознательный мальчикъ хотѣлъ знать въ подробности: гдѣ старикъ побывалъ и что онъ тамъ видѣлъ?

Сидорка сразу полюбился старику.

— Онъ у насъ весь въ отца,—промолвила бабка, любовно глядя внука по бѣлокурой головѣ:—такой же степенный да разсудительный.

Его мать—высокая, сухощавая, черноволосая женщина, улыбнулась на похвалу свекрови, съ которою она особенно ладила.

Но и съ прочими невѣстками Марѳа жила въ полномъ миру, никогда не обижая ихъ и взыскивая съ нихъ только должное. По характеру Марѳа была женщина покладистая и разсудительная. Молодухи, входя къ ней въ домъ, скоро начинали цѣнить ея хорошія качества и привязывались къ свекрови, какъ къ родной матери. Не любя обижать невѣстокъ сама, Марѳа не позволяла этого дѣлать и сыновьямъ. Послѣднихъ она сумѣла под-

чинить своей волѣ и тѣ ея слушались. Семень характеромъ вышелъ весь въ мать, но ея качества еще усилились въ немъ. Въ остальныхъ четверыхъ сыновьяхъ отчасти проглядывалъ отцовскій характеръ, но материнскія качества преобладали. Авторитетъ Семена возросъ надъ всѣми не въ силу старшинства, а благодаря цѣльности и стойкости его законченной натуры. Съ теченіемъ времени вліяніе Семена надъ братьями утвердилось окончательно.

Старикъ сидѣлъ въ красномъ углу и съ аппетитомъ ѣлъ горячіе ржаные сканды съ творогомъ, только что испеченные толстой Ѳеклой. Ѳекла вошла въ домъ Колуновыхъ не задолго передъ тѣмъ, какъ Софронъ покинулъ его. Двухъ послѣднихъ молодухъ: Софью—жену Авдѣя и Василису—Стратилатову,—старикъ видѣлъ впервые. Обѣ невѣстки наперерывъ старались услужить свекру. Софья принесла плочечку топленого русскаго масла и поставила его передъ Софрономъ:

— Къ сканцамъ это, батюшка, что бы они сухи не были.

Василиса подала на столъ начищенный самоваръ и Марѳа заварила чай.

Старика быстро разнѣжила домашняя обстановка и онъ любовно глядѣлъ на все окружающее.

„Отъ этакой благодати ушелъ!—мысленно разсуждалъ онъ:—сыновья всѣ вошли въ силу: знай, кормили бы меня теперь. Работники они хорошіе и достатку всякаго въ домѣ довольно. Невѣстки привѣтливыя и тоже не лѣнныя. Старуху мою почитаютъ, и меня уважали бы не меньше, потому я голова и мной здѣсь всему началъ положенъ“.

Благодушное настроеніе его возрастало все болѣе и болѣе. Онъ пилъ уже пятую чашку чая, а его продолжали все еще потчевать. Раскраснѣвшаяся Ѳекла притащила остальные сканцы прямо на сковородкѣ и поставила на столъ.

— Вотъ, батюшка, еще... Кушай на здоровье!

Сканцы были въ рукахъ и у всѣхъ ребятишекъ, которые присосѣдились къ дѣду пить чай.

— Давно такъ не ѣдалъ,—произнесъ Софронъ.—Въ пути-то: погрызъ сухую корочку, да запилъ водицей,—вотъ и все... Накормятъ то не вездѣ: много вѣдъ насъ, странствующей братіи... У иного крещенаго нужда въ домѣ такая, что и самому то съ малыи ребятишками ѣсть нечего... Такъ и уйдешь съ чѣмъ пришелъ.

Василиса глубоко вздохнула. Она сама была взята изъ бѣдной семьи.

Марѳа произнесла:

— Отъ нужды хранилъ насъ Господь милостивый!

Въ избу вошли сыновья. Высокій, дородный Семень, осанкой походилъ на купца неторопливыми движеніями и степенной рѣчью. Ширококостный и низкорослый Трошка, съ развалистой и неуклюжей походкой, напоминалъ собою молодого медвѣдя. Взъерошенный и улыбающийся онъ воскликнулъ:

— У-у-хъ, батя! Какъ баню то тебѣ истопили: ажно небу жарко! Вотъ, попарю то тебя!

— А я свѣжихъ вѣниковъ напасла,—услужливо прибавила Софья.

— Спасибо вамъ, дѣтушки,—произнесъ Софронъ вставая и молясь на иконы.

— Ладно-ль все находишь, отецъ?—спросилъ Семень.

— Все исправно... и даже отмѣнно хорошо,—одобрительно произнесъ старикъ.

Семень хотѣлъ побесѣдовать съ отцомъ, но Трошка объявилъ, что онъ пришелъ звать батьку въ баню.

— Такъ мы, потолкуемъ,—произнесъ большакъ:—ступай по первому пару.

Предусмотрительная Анисья подала свекру узелокъ съ чистымъ бѣльемъ и кусочекъ сѣраго мыла.

Старикъ съ младшимъ сыномъ ушли въ баню.

III.

Долго мылся Колуновъ въ банѣ. Давно не испытывалъ онъ такой благодати: воды было нааношено вволю, каменка—раскалена чуть не до красна, вѣники—свѣжіе, мягкіе, словно шелковые.. Сиди здѣсь хоть цѣлый день—никто не прогонитъ... Трошка даже усталъ, паривши отца. А тотъ, послѣ парки, оболъется холодной водой, полежитъ немного на лавочкѣ и опять проситъ:

— Ну-ка, сынушка: подбавь горяченькаго!

И снова лѣзетъ на полочку.

Трошка часто плескалъ водой на каменку. Паръ клубами подымался къ верху и окутывалъ словно облакомъ старика, лежавшаго на полкѣ... Трошка окуналъ вѣникъ въ шайку съ горячей водой и вновь хлесталъ отца.

— Охъ, какъ хорошо! Ужъ и не помню, когда этакъ-то парился!—довольно говорилъ Софронъ:—всѣ-то суставчики исправилъ и ровно помолодѣлъ!

Когда мытье окончилось, отецъ съ сыномъ пошли одѣваться.

— Гляжу я на тебя, Троша и диву даюсь!—произнесъ старикъ.

— А что?

— Оставилъ я тебя махонькимъ, всего то по десятому годочку... и былъ ты ровно цыпленокъ—тощенькій... А теперь—ты, вона, какой сталъ богатырь! Откуда что и взялось! Трехъ меня можно изъ тебя то выкроить,—съ улыбкой произнесъ отецъ. Даромъ, что тебѣ только семнадцать лѣтъ, а какъ есть дубъ сталъ теперь! Ты будешь кряжистѣй Семена.

Трошка самодовольно крякнулъ и кивнулъ головой.

— Въ силу, значитъ, вошелъ: какъ есть настоящій работникъ!... Только дубъ то у насъ Семень... Это онъ высокій, да кряжистый. А меня, вотъ Петруха, все медвѣдемъ зоветь.

Отецъ засмѣялся.

— А ты не обижаешься?

— Чего-же?.. Медвѣдь — звѣрь правильный, настоящій... всѣмъ звѣрямъ—голова!

Они одѣлись и вышли изъ бани.

Вернувшись домой, они нашли уже столъ собраннымъ для обѣда.

Домочадцы поздравили старика съ легкимъ паромъ и спросили: хорошо ли онъ вымылся?

Софронъ поблагодарилъ всѣхъ съ довольною улыбкою, которая не покидала его лица.

— И что мнѣ за дѣтушекъ Господь послалъ:—промолвилъ онъ:—всѣмъ на зависть и удивленье!.. И за ласковыхъ невѣстусшекъ тоже вѣкъ надо Бога благодарить!

Помолившись на икону, всѣ размѣстились вокругъ стола.

Фекла принесла и поставила на середину большую чашку, изъ которой валилъ паръ.

Послѣ нѣсколькихъ ложекъ вкусныхъ щей, Семень спросилъ.

— На долго ли ты, къ намъ, батюшка?

— Самъ еще не знаю, сынокъ,—отозвался тотъ.

— Можетъ, и вовсе останешься?

— Не вѣдаю того... Вотъ, схожу къ старцу Анфиму: какъ онъ мнѣ укажетъ,—пояснилъ Колуновъ.

Марѳа, вздохнувъ, произнесла:

— Померъ онъ.

— Какъ померъ?—удивился мужъ.

— Такъ, померъ.

— Когда же? Когда?—вскричалъ Софронъ, настроеніе котораго рѣзко измѣнилось. Овладевъшая имъ тревога быстро перешла въ смятеніе.

— Лѣтось еще похоронили,—пояснила Марѳа.—Что тогда народу собралось: видимо—невидимо!

— Какъ же я то?—растерянно произнесъ Софронъ.—Какъ же мнѣ то быть теперь?

Ложка выпала у него изъ руки и брякнула о столъ. Онъ и не замѣтилъ этого.

Невольно произошло общее замѣшательство... Всѣ взоры остановились на старикѣ.

— Не снялъ вѣдь онъ съ тебя послушанія то,—замѣтила жена, тономъ соболѣзнованія.

— Въ томъ то и бѣда!—въ волненіи прокричалъ Софронъ.

Семень дѣловито вмѣшался въ разговоръ:

— Не иначе, какъ къ отцу Нефеду надо тебѣ, батюшка, обратиться за разъясненіемъ.

— Правда твоя,—согласился старикъ:—и вѣдь надо же было такому грѣху случиться? Шуточное ли дѣло!

Онъ отложилъ ложку въ сторону.

Жена поспѣшила успокоить его:

— Да чего загоря то горевать?.. Поѣшь толкомъ, а потомъ сходишь къ попу, онъ все и уладить.

Семень поддержалъ мать:

— Это вѣрно! Нашъ отецъ Нефедъ съ головой, и на него слово можно положиться.

Охая, Софронъ снова принялся за ѣду. Но аппетитъ у него уже пропалъ.

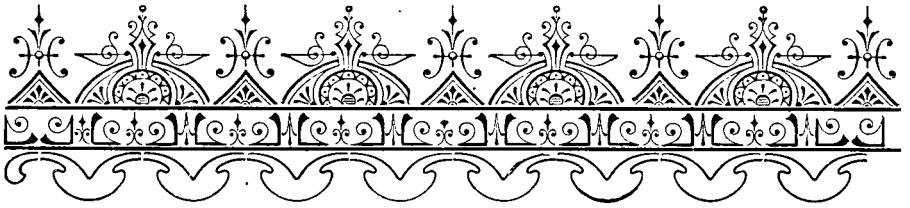
Вкусно приготовленные блюда больше не останавливали на себѣ его вниманія. Охваченный тревогой, онъ ѣлъ совершенно машинально.

Послѣ обѣда старикъ сейчасъ же отправился къ о. Нефеду.

Анна Догановичъ.

(До слѣд. книжки).

Въ альбомъ Н. А. Мучхику.

И снова я въ пути!... И снова надо мной
Раскинетъ ночь свой звѣздный пологъ!...
Хоть грезы ужъ не тѣ, хоть радуеть покой
И съ нимъ сознаніе, что путь уже не дологъ...

Мелькнули огоньки.. Не станція-ль?.. О, нѣтъ!...
Несуся мимо я съ неудержимой силой...
И теплится въ груди надежда, что съ могилой
Не можеть умереть любви и правды свѣтъ...

А. Жиркевичъ.

Смоленскъ.
5 Марта 1908 г.

*
*
*

(А. И. Б-вой.)

Весна идетъ. Я радъ веснѣ,
Хотя весеннихъ сновъ не снится,
Хотя съ букетомъ розъ ко мнѣ
Весна уже не постучится.

Я радъ веснѣ... Я радъ за тѣхъ,
Кому она кидаетъ розы,
Несетъ мечты, и свѣтлый смѣхъ
И освѣжающія грозы!

А. Кругловъ.

Во мракѣ.

Изъ жизни слѣпыхъ.

I.

Полдень. Жара свалила. Солнце какъ бы устало глядѣло съ голубого неба, разливая мягкій свѣтъ. Въ казенномъ саду, окруженномъ высокимъ деревяннымъ заборомъ, зѣяло легкою прохладой и пахло свѣжимъ сѣномъ. Тамъ и сямъ на только что скошенной травѣ пестрѣли, словно цвѣты, ребятишки обоего пола въ разноцвѣтныхъ рубахахъ и платьяхъ, лежа въ самыхъ разнообразныхъ и живописныхъ позахъ. У края дорожки, посыпанной желтымъ пескомъ, величаво сидѣла огромная черная собака съ красивыми оранжевыми лапами и зорко слѣдила умными глазами за мухой, кружившейся надъ ея головой.

— Кузя идетъ!—весело прозвенѣлъ дѣтскій голосъ.

И вся дѣтвора, словно по командѣ, быстро вскочила на ноги.

— Ми-го-го!—послышался громкій возгласъ.

Это „ржалъ“ Кузя, человекъкъ лѣтъ 30-ти на видъ, вѣхавшій верхомъ на палкѣ. Онъ былъ одѣтъ въ больничный халатъ изъ парусины, подпоясанный бичевкой, и въ старую поповскую шляпу.

— Тпру, Кузя, тпру!—звонко кричали ребятишки, облѣпивъ бородатую лошадь со всѣхъ сторонъ.

— Ми-го-го!—снова заржалъ Кузя, танцую на мѣстѣ и задирая кверху голову. Въ тоже время его пухлое лунообразное лицо съ единственнымъ слѣпымъ глазомъ и черной бородой расплылось въ добродушную улыбку.

Черноглазый мальчуганъ въ ярко-пунцовой рубашкѣ ловко выхватилъ изъ рукъ Кузи палку-коня и, сѣвъ на нее верхомъ, быстро помчался по дорожкѣ. Часть дѣтвора бросилась вслѣдъ за нимъ, а другая половина дружно теребила слѣпого, стараясь повалить его на скошенную траву. Но тотъ не поддавался. Происходила борьба.

— Вали его подъ ножку!—задорно кричали дѣти, разгоряченныя сопротивленіемъ Кузи.

— Шалишь, ребята,—поддразнивалъ слѣпой, добродушно улыбаясь.

Наконецъ шалунамъ удалось побѣдить противника. Они торжествовали.

— Что, что!—звонко раздавались ихъ голоса,—свалили!

Кузя лежалъ на мягкой травѣ и улыбался.

— Чай расплескали,—сказалъ онъ и похлопалъ себя рукой по животу.

Дѣтвора засмѣялась и дружно принялась хлопать руками по большому животу Кузи.

— Ой! кишки оглушите!—заплакалъ слѣпой и быстро перевернулся животомъ внизъ.

Дѣти усѣлись на его широкой спинѣ и начали по обыкновенію вольничать. Они снимали съ него шляпу и, выворотивъ ее, въ такомъ видѣ нахлобучивали ему на голову. Стаскивали съ ногъ туфли и звонко ударяли ими Кузю, заливаясь громкимъ смѣхомъ. Черная собака съ оранжевыми лапами тоже принимала участіе въ дѣтскихъ развлеченіяхъ. Она быстро перебѣгала съ одного мѣста на другое, оглашая воздухъ веселымъ лаемъ, и въ тоже время успѣвала мимоходомъ лизнуть Кузю въ лицо.

Такія сцены повторялись ежедневно и имъ никто не удивлялся. На Кузю всѣ смотрѣли, какъ на мальчика съ бородой, не знавшаго ни горя, ни печали. Кузя не скучалъ и не ропталъ на свою слѣпую долю. Онъ всегда улыбался и выкидывалъ какія нибудь „штуки“, отъ которыхъ и другіе весело смѣялись. Дѣтей онъ любилъ и называлъ ихъ „хорошимъ, веселымъ народомъ“. Въ такомъ блаженномъ состояніи, быть можетъ, Кузя и кончилъ бы свои дни, если бы надъ нимъ „не подшутилъ врагъ“, какъ объ этомъ говорили потомъ.

II

Однажды Кузя послѣ вечерняго чая по обыкновенію вышелъ въ садъ, гдѣ его тотчасъ же встрѣтили дѣти. Покружившись съ ними по дорожкамъ, Кузя вдругъ оторвался отъ нихъ и въ два прыжка очутился верхомъ на заборѣ. Дѣти не спускали глазъ съ своего любимца и ждали. Кузя нахлобучилъ на лобъ свою шляпу, изъ подъ которой виднѣлась только одна черная борода, и загнусилъ скрипучимъ теноркомъ:

Тимки-бомки, дритатушки...

На барышнѣ побрякушки:

Часики, браслетки,

Губки, какъ конфетки...

— Еще, Кузя, еще!—весело кричали дѣти, хлопая въ ладоши и со смѣхомъ добавляли:

— Ты, Кузя, шляпа съ бородой!

— Дуракъ съ бородой!—раздался позади нихъ сердитый голосъ.

— А! дядя Лукьянъ,—ухмыльнулся Кузя, узнавъ призрака-ваемаго старика по голосу, и весело пригласилъ:

— Лѣзь на заборъ, покатаемся!

— Эхъ, дурень, дурень,—проговорилъ Лукьянъ, укоризненно качая головой и глядя на всадника въ широкополой шляпѣ:— борода по поясъ, а ума ни на волосъ.

Но Кузя, не слушалъ старика, энергично подпрыгивая на заборѣ, и, подражая скакавшему всаднику, сердито рычалъ надтреснутымъ басомъ:

— Но-но!. Ишь ты!. Я тебя!..

Дѣти смѣялись и пытались вскарабкаться на заборъ.

Лукьянъ безнадежно махнулъ рукой и тихо побрелъ по дорожкѣ, ощупывая впереди палкой. Хотя старикъ видѣлъ отлично, но изъ практическихъ соображеній скрывалъ это.

Кузя, неуклюже прыгнувъ съ забора, сѣлъ верхомъ на палку и быстро поѣхалъ по знакомой дорожкѣ, звучно шлепая казенными туфлями. Обгоняя Лукьяна, онъ ухарски продекламировалъ:

Чикъ-чики, чекалочки...
 Ёдетъ баринъ на палочкѣ,
 А свинья въ телѣжкѣ,
 Щелкая орѣшки...

Бѣжавшія за нимъ дѣти громко повторяли импровизацію. Лукьянъ строго поглядѣлъ вслѣдъ удалявшейся веселой кавалькадѣ и, сокрушено вздохнувъ, тихо проронилъ:

— Совсѣмъ пропадетъ малый!.. А все по тому, что не знаетъ Божьяго писанія. „Темные да погибнуть во тѣмѣ“—закончилъ онъ свои разсужденія любимой цитатой изъ псалтыри.

III

На другой день рано утромъ Кузя по обыкновенію благодушествовалъ съ садомъ. Онъ разлегся на лавочкѣ, нахлобучивъ на лобъ шляпу. Его пухлыя губы беззвучно что-то шептали. Лицо весело улыбалось. Видно было, что этому дѣтинѣ чувствовалось хорошо въ раннее іюньское утро. Къ нему неожиданно подошелъ старикъ Лукьянъ и тихо спросилъ:

— Лежишь?

Кузя не узналъ голоса и тотчасъ же поднялся, прислушиваясь.

Лукьянъ опустился на скамью рядомъ съ нимъ и, немного помолчавъ, завелъ издалека:

— Я тоже вышелъ подышать...

— Дядя Лукьянъ!—воскликнулъ Кузя, весь встрепенувшись.

—А я думалъ надзиратель...

Старикъ опять помолчалъ и въ раздумьи промолвилъ:

— Время зря идетъ...

Кузя поглядѣлъ вверхъ слѣпыми глазами и весело воскликнулъ:

— Больно, погода гожа! А слышишь, дядя Лукьянъ, какъ птички раздѣлываютъ!

Лукьянъ помолчалъ, и надѣвъ большіе очки, что онъ всегда дѣлалъ передъ началомъ серьезнаго разговора, вкрадчиво заговорилъ:

— Знаешь, Кузя, я пришелъ къ тѣбѣ нарочно..

— Зачѣмъ?—равнодушно спросилъ тотъ, занятый пѣніемъ птичекъ.

— Видишь, братецъ,—задумчиво продолжалъ старикъ, ужъ больно жизнь твоя не того.. Всякому скоморошеству бываетъ конецъ.. Умрешь и узнаешь.

— Это ты про что?—недоумѣвалъ Кузя, комкая въ рукахъ шляпу и по прежнему прислушиваясь къ чириканью порхающихъ птичекъ.

— Про то, милый человекъ,—льстиво продолжалъ Лукьянъ наклонясь въ сторону собесѣдника:—твоему скоморошеству бѣсы, радуются, а ангелы печалуются. Тебя ожидаютъ муки вѣчныя, гѣна огненная.

— Что ты, дядя Лукьянъ!—испуганно воскликнулъ Кузя, нервно повертывая во все стороны своимъ единственнымъ глазомъ.—Я уйду... съ тобой страшно.

Онъ поднялся съ лавки и намѣревался убѣжать. Но старикъ удержалъ его за халатъ и продолжалъ еще болѣе, вкрадчиво:

— Не убѣгай отъ меня, я посланъ къ тебѣ самимъ Богомъ... Онъ вразумилъ меня направить твои грѣшныя стопы.. Переменни свою жизнь. Будь „блаженъ мужъ, а не вскую шаташася“. „Омочи слезами ложе свое, ибо лядви твои наполнены поруганіемъ“.

Кузя, видимо, прислушивался къ словамъ старика. На его вѣчно улыбающемся лицѣ появилась тѣнь задумчивости. Лукьянъ замѣтилъ это и съ азартомъ сталъ цитировать библейскія выраженія, принаравливая ихъ къ жизни присмирѣвшаго Кузи. Бѣдный парень не понималъ ни слова изъ сказаннаго, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ непреодолимый страхъ. Ему казалось, что на томъ свѣтѣ его непременно поджарятъ на сковородѣ и повѣсятъ за языкъ. Веселый, безпечный Кузя отличался, къ несчастью, большой впечатлительностью. Бесѣда Лукьяна не могла пройти для него даромъ. Кузя разомъ измѣнился. Точно какая-то невидимая сила пригвоздила его къ постели. Онъ не вставалъ съ нея по цѣлымъ днямъ и, на удивленіе всемъ, отказывался отъ мяса и молока. Лукьянъ втайнѣ торжествовалъ и въ тихомолку продолжалъ поучать своего духовнаго сына. Когда же Кузь кто нибудь замѣчалъ, что онъ напрасно слушаетъ „Епишку-зажигу“, какъ называли Лукьяна,—онъ не годующе отвѣчалъ:

— Дядя Лукьянъ святой человекъ, а вы все „вскую шаташася“.

Иногда призрѣваемые набрасывались на Лукьяна, но тотъ показывалъ „волчій зубъ“ и всегда выходилъ побѣдителемъ.

— Вотъ ханжа проклятая!—говорили про него,—молится по почамъ и псалтирь наизусть читаетъ, а собачится за троихъ. Испортилъ, окаянный, парня.. Голова у него слабая, ну, значить, н... не выдержитъ..

А Лукьянъ, слушая это, убѣжденно думалъ:

— Я иду противъ нечистой силы и спасаю раба Кузьму...

IV

— Это Богъ знаетъ что! возмущался слѣпой старикъ, нервно шагая по узкому коридору, куда призрѣваемые приходили курить. Онъ поминутно останавливался, отрываясь отъ стѣны, за которую придерживался рукой и, вновь нащупавъ ее, опять продолжалъ свой короткій путь.

Сидѣвшіе на деревянномъ диванѣ двое молодыхъ слѣпыхъ угрюмо молчали.

— Рѣшительно никакой логики!—кипятился старикъ, отбивая палкой темпъ своей быстрой рѣчи.—Этакое нахальство. Я, молъ, начальникъ!..

— Въ этомъ все!—иронически сказалъ Горбуновъ, доставая изъ кармана халата папироску.

— Какъ все?—набросился на него Иванъ Ильичъ, прерывая свой путь.—А справедливость?

— Уймись, старче! — равнодушно продолжалъ. что Горбуновъ—Наше волненіе—ни къ чему.

Онъ чиркнулъ спичкой о коробку и ощупью закурилъ папиросу.

— Я впередъ зналъ исходъ,—вмѣшался Габаевъ,—поэтому и настаивалъ на томъ, надо что удержаться....

— Удержаться!—насмѣшливо протянулъ старикъ и горячо продолжалъ:—Нашъ товарищъ сидитъ взаперти, какъ преступникъ и, быть можетъ, безъ пищи, а онъ толкуетъ о предусмотрительности!.. И, это говорить юноша. Откуда мертвичина и гдѣ жизнь? Стыдно, господа!

Взволнованный старикъ оторвался отъ стѣны и сбился съ дороги. Габаевъ молча направилъ его на путь и опять сѣлъ на диванъ.

Молодежь любила юнаго душой старика и охотно мирилась съ его горячностью. Иванъ Ильичъ не переносилъ несправедливости и вспыхивалъ, какъ порохъ. Онъ всегда повиновался первому движенію своей души и былъ не въ состояніи раздумывать. Молодежь называла его „огненной правдой“, съ которой слѣдуетъ обращаться осторожно...

— Вы правы, старче,—дружески заговорилъ Габаевъ послѣ небольшой паузы.—Снѣжковъ, дѣйствительно, на заслуженно томится въ душной каморкѣ, но объ этомъ уже довольно говорено, даже больше: мы просили за него, но насъ выгнали за это изъ конторы...

Въ это время въ коридоръ вошелъ стирикъ Лукьянъ и по обыкновенію молча всталъ къ сторонкѣ, внимательно прислушиваясь.

— Слѣдовательно, мы сдѣлали все, что могли,—завончилъ Габаевъ и прошелся по коридору.

— А все ли?—вызывающе спросилъ старикъ, возмущенный разсудительностью юноши.—Такое рѣшеніе, судари мои, подобно Пилатовскому и намъ грѣшно умывать руки.

— Этого никто и не дѣлаетъ,—возразилъ Габаевъ.—Я хочу сказать, что мы безсильны въ данномъ случаѣ. Стѣны, какъ говорятъ, лбомъ не прошибешь...

— Фу, чертъ возми!—снова загорячился Иванъ Ильичъ, ударяя палкой по полу. —При чемъ тутъ стѣна, лобъ и всякія глупыя пословицы! Ты подумай: человекъ рѣшилъ попытать счастье на волѣ и мечталъ объ этомъ, какъ Ной о выходѣ изъ ковчега, и вдругъ вмѣсто свободы—карцеръ.. Сиди, молъ, слѣпой дуракъ, начальство знаетъ, что тебѣ надо.

— Совсѣмъ зря,—какъ бы не смѣло вмѣшался Лукьянъ.—

Снѣжковъ молодой человекъ и на скрипкѣ играетъ. Онъ вполне прокормится на волѣ..

Лукьянъ приблизился къ Ивану Ильичу и, озираясь кругомъ, шепотомъ продолжалъ:

— Ежели самъ уходишь—не пускаютъ, а начнутъ гнать—и одуматься не дадутъ.. Все это грѣхи великіе!.. Вражія сила совсѣмъ осѣтила наше начальство.. По моему дворяне и есть тѣ антихристы, про которыхъ говорится въ писаніи.. Они—народъ ученый, ну, значить, и не вѣруютъ..

Въ это время скрипнула наружная дверь.

Лукьянъ испуганно отскочилъ въ сторону и насторожился. Но опасенія его были напрасны. Въ коридоръ быстро вошелъ слѣпецъ Шибуевъ, тотъ самый юноша, который слылъ среди товарищей за самаго энергичнаго и отчаяннаго. Онъ на мгновеніе прислушался и весело сказалъ:

— Эй, темнота! сіяніе принеси..

— „Елкѣ-Шипѣ?“—встрепенувшись, спросилъ Горбуновъ на условномъ языкѣ, т. е. досталъ водки?

— „Шокъ!“—отвѣчалъ Шибуевъ на томъ же условномъ жаргонѣ.—„И цы олефай“,—т. е. вотъ она, приди и осязай.

При этомъ слѣпецъ постучалъ двумя склянками, находившимися у него за пазухой.

— „Киве.. фцель заплѣй“,—предупредилъ Габаевъ.

Шибуевъ понялъ, что въ коридорѣ находится фарисей Лукьянъ и круто перемѣнилъ разговоръ. Онъ приблизился къ Ивану Ильичу и весело заговорилъ:

— Ну, старина, какъ чувствуете себя послѣ сраженія? Я, напримѣръ, золь, какъ семь бабьихъ бѣсовъ, и до сихъ поръ киплю желаніемъ нащупать генеральскую фізіономію вотъ этимъ..

Онъ приложилъ свой горячій кулакъ къ холодной рукѣ старика.

— „Взявшій въ руки мечъ—мечомъ погибнетъ“—вкрадчиво вставилъ Лукьянъ и подобострастно захихикалъ.

— Я объ этомъ не думаю,—огрызнулся Шибуевъ и сердито продолжалъ на условномъ языкѣ:

— Страшно выпить хочется, а онъ—Епишка—мѣшаетъ.. Я его сейчасъ выкурю.. Знаешь что, дядя Лукьянъ,—серьезно обратился къ нему Шибуевъ, мы рѣшили силой освободить товарища: пойдѣмъ всѣ до одинаго и выломаемъ дверь.. Ты, конечно, согласишься и, надѣюсь поговоришь стариковъ?

Лукьянъ засуетился и видимо затруднялся отвѣтомъ. Но Шибуевъ и не ждалъ его. Съ напускной горячностью онъ продолжалъ:

— Разнесемъ казематъ и освободимъ товарища. Мы покажемъ начальству..

И Шибуевъ разразился негодованіемъ самаго бурнаго характера. Лукьянъ тихонько подошелъ къ двери и, какъ воръ, шмыгнулъ въ нее. Онъ быстро зашагалъ въ свою палату, какъ бы убѣгая отъ кого-то и мысленно разсуждалъ:

— Вотъ головорѣзы!.. ишь, вѣдь что замышляютъ.. Ахъ, батюшки!

„Фарисей“ укоризненно покачалъ головой и шепотомъ прочиталъ:—„Блаженъ мужъ, иже не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ.“

Какъ только Лукьянъ покинулъ коридоръ, всѣ прыснули отъ смѣха.

— Дѣйствительно, выкурилъ,—замѣтилъ Иванъ Ильичъ, все еще продолжавшій смѣяться.

— Выкуришь, господа, какъ захочется выпить, весело отвѣчалъ Шибуевъ, вынимая изъ за—пазухи двѣ бутылки съ водкой. Одну поставилъ въ уголъ ящика, гдѣ находились дрова, а другую началъ откупоривать.

— Любопытный, окаянный!—угрюмо бросилъ Горбуновъ по адресу Лукьяна, — Въ иное время давно бы спалъ или стоялъ бы на молитвѣ...

— Сегодня исключенье—сказалъ Иванъ Ильичъ, прислушиваясь къ соблазнительному звуку бутылки.—Они, молъ, были въ конторѣ, слѣдовательно есть что послушать.

— Господа, не бралъ ли кто мѣрку?—спросилъ Шибуевъ, шаря рукой въ ящикѣ.

— Она здѣсь,—сказалъ Горбуновъ, отворяя печную форточку.—Держи!

И онъ подаль товарищу чайную чашку безъ ручки.

Шибуевъ осторожно положилъ горлышко бутылки на край чашки и, прислушавшись къ бульканью, наполнилъ мѣрку до краевъ. Затѣмъ онъ по привычкѣ вѣрно опредѣлилъ разстояніе между товарищами и, обратившись къ Ивану Ильичу, тихо проговорилъ:

— Съ васъ начало.

Старикъ несмѣло, какъ бы крадучись, протянулъ руку и удачно нащупалъ чашку съ водкой.

Спустя минутъ десять слѣпцы сидѣли на диванѣ съ дымившимися папиросами и вели оживленный разговоръ. Непьющій и не курящій Габаевъ не отставалъ отъ товарищей. Онъ спорилъ съ ними, совершенно позабывъ о выпитой ими водкѣ. Иванъ Ильичъ, по обыкновенію, не жалѣлъ ни слова, ни красокъ для аттестаціи наемныхъ заправиль. Мрачный Горбуновъ ядовито высмѣивалъ все, что попадало ему подъ руку. Его пессимизмъ вызывалъ цѣлую бурю со стороны Ивана Ильича, котораго онъ въ шутку называлъ поздно развивающимся. Только Шибуевъ почему то отмалчивался, изрѣдка вмѣшиваясь въ разговоръ. Онъ часто вставалъ съ дивана, прохаживался по коридору и снова садился, какъ бы обдумывая что-то. Но спорившіе не замѣчали этого. Когда старикъ сталъ развивать свою теорію оптимизма, Габаевъ незамѣтно юркнулъ въ дверь и прошелъ въ помещеніе богадѣльни. Подходя къ своей кровати, онъ ясно слышалъ непріятное чавканье беззубой челюсти. Это „маленечко закусывалъ“ бывшій купецъ Салкинъ. Онъ ѣлъ непрестанно днемъ и ночью, заливая все настойкой изъ александринскаго листа. Его называли обжорой, но онъ нисколько не смущался и насмѣшливо отвѣчалъ: „ладно! мы поѣдимъ, а вы поглядите.“

За этимъ всегда слѣдовало нескончаемое перечисленіе находившейся въ его столѣ провизіи. „Вотъ килочки, сырокъ,—поддразнивалъ купецъ, называя предметы уменьшительными именами:—А вотъ колбаска, варенице и всякая штука..“ Въ заключеніе богадѣльникъ-богачъ громко прищелкивалъ языкомъ и снова продолжалъ прерванную жвачку.

— Обжора!—промелькнуло въ умѣ Габаева, котораго особенно раздражало чавканье купца. Онъ уже намѣревался уйти, какъ вдругъ недалеко отъ него раздался какъ бы таинственный шепотъ Кузи:

— „Я блаженъ мужъ, а не вскую шаташася“...

Габаевъ приостановился.

— Не приступай!—угрожающе продолжалъ Кузя, прижавшись спиной къ щитку кровати и поспѣшно отрещиваясь отъ воображаемой нечистой силы.

— Святошу разыгрываетъ,—насмѣшливо замѣтилъ Салкинъ, продолжая стоя жевать у своего стола.—Закатить бы горячихъ.. куда бы и юродство дѣвалось!..

А Кузя между тѣмъ, опустившись на колѣни, быстро шепталь отрывки изъ разныхъ молитвъ.

— Совсѣмъ повихнулся!.. со вздохомъ подумалъ Габаевъ и тотчасъ вспомнилъ слова стариковъ: „голова у него слабая, ну, значить, и не выдержитъ Епишкиной науки“...

Проходя средней палатой, Габаевъ ударился коленкой о кровать и, выругавшись, пошелъ дальше. Въ это время позади его раздался болѣзненный стонъ. Онъ вернулся и, присаживаясь на кровать больного, участливо спросилъ:

— Какъ поживаешь, дядя Максимъ? Я тебя потревожилъ...

— Ты, Габаевъ?—тихо спросилъ больной, приподнимаясь на подушкахъ.

— Да.. какъ твои дѣла?

— Въ одномъ положеніи,—со вздохомъ отвѣчалъ Максимъ, —а пуще того тревожатъ: кто палкой задѣнетъ, кто ногой.. А вчера Сигней залутался и повалилъ на столѣкружку съ водой.. а она.. понимаешь, прямо мнѣ на лицо..

— Народъ слѣпой и койка твоя на ходу,—мягко возразилъ юноша.

— То-то что на ходу,—согласился больной.—Ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя!

— А животъ какъ?—спросилъ Габаевъ.

— Да что!—безнадежно протянулъ Максимъ.—Смерть, что ли, приходила бы, а то вѣдь нѣтъ моей моготы. Какъ закрутить, такъ и думаешь, что вотъ-вотъ конецъ.. Что ни съѣшь, все назадъ. Совсѣмъ отоцалъ.. А харчи самъ знаешь какіе: въ ротъ не возьмешь.. Просилъ бульонцу—не дають и лекарства тоже.. ахъ да!—спохватился Максимъ,—нельзя ли достать тѣхъ порошковъ? Ужъ больно съ нихъ въ животѣ хорошо и ко сну клонить..

Габаевъ обѣщалъ исполнить просьбу больного и ушелъ отъ него.

До слѣд. книжки,

Всеволодъ Рязанцевъ.

Н. А. Иваничкій.

Жа Сухокъ.

(Изъ посмертныхъ стихотвореній.)

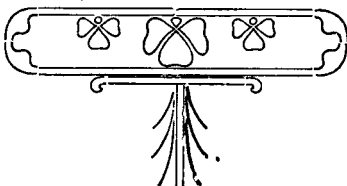
Глядится полночь голубая
Ко мнѣ въ открытое окно;
Въ лѣсахъ, надъ тихою рѣкою,
Безмолвно, пусто и темно.

Лишь тамъ, за красными горами,
Вдругъ что-то глухо застучить,
Въ лѣсахъ откликнется, и снова
Все страшно-тягостно молчить.

Но вотъ опять... и вырастаетъ,
Гудеть, грохочетъ надъ водой...
Я поднимаюсь въ изумлени,—
То пароходъ идетъ большой.

Рѣка шумить и набѣгаетъ
На берегъ и о камни бьетъ...
Рыбакъ-старикъ со злобой шепчетъ:
„Опять нелегкая несетъ!“

Николай Иваничкій.

Рабанга на Сухонѣ.

По Сухонѣ*)

I.

Нашъ пароходъ повернулъ влѣво и вошелъ въ Рабангскую Сухону. Сухона вытекаетъ изъ юго-восточной оконечности Кубенскаго озера, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ Святолуцкой волости, и до впаденія рѣки Вологды, называется Рабангской Сухоной или просто Рабангой. Далѣе Сухона на протяженіи версть 50, до впаденія рѣчки Двиницы, называется Сухонюю, и затѣмъ на всемъ остальномъ своемъ протяженіи до слиянія съ Югомъ носитъ наименованіе Великой Сухоны. На обыденномъ языкѣ Сухону дѣлятъ на Рабангскую и Двинскую. Повернувъ влѣво, въ Рабангскую Сухону, мы оставили на правой рукѣ Сухону Двинскую. Еще существуетъ такъ называемая Окольная Сухона, нѣкогда составлявшая большую излучину рѣки, имѣющую длины около 20 версть, а перешеекъ излучины 260 сажень. Но этомъ разстояніи въ 1242 году былъ сдѣланъ, по приказу князя Глѣба Бѣлозерскаго, перекопъ, образующій нынѣ настоящее ложе Сухоны. На пароходѣ кто-то увѣрялъ меня, что перекопъ сдѣланъ Петромъ Великимъ. Здѣсь, кстати замѣтить, что многое, сдѣланное другими и въ разное время, приписывается Петру Первому. Мощная личность царя-работника, обращавшаго на всякую мелочь свое вниманіе, въ народномъ представленіи заслонила другихъ историческихъ дѣятелей.

Рабангская Сухона значительно шире Вологды (отъ 50 до 60 сажень, тогда какъ Вологда, максимумъ 45 сажень), и ея теченіе величавѣе. У Сухоны есть своя особенность: она не всегда течетъ изъ Кубенскаго озера, а иногда и обратно. Это бываетъ весною, въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ и происходитъ оттого, что рѣки Вологда, Лежа и нѣкоторыя другія, впадающія въ Сухону недалеко отъ ея истока, вскрываются раньше, чѣмъ притоки Кубенскаго озера, и, поднявшись отъ тающихъ снѣговъ

*) Отрывокъ изъ очерка.

на двѣ-три сажени надъ меженнымъ уровнемъ, подпирають теченіе Сухоны, и она „обращается вспять“.

— А вотъ и коряки плывутъ,—промовила пожилая пассажирка.

— Какіе коряки?—спросилъ я.

— Мужики съ корою.

Лодки были высоко нагружены корою. Края лодки чуть-чуть не касались воды. Обиліе ивняка даетъ возможность крестьянамъ заработать „копейку“. Этотъ промыселъ былъ бы очень выгоденъ, если бы не существовало „эксплуатаціи“ со стороны скупщиковъ, да мужья не пропивали бы денегъ, полученныхъ за кору, содранную женами. У бабъ руки болятъ, съ рукъ кожа послѣзла отъ дранья ивы, а пьянчужка мужъ или отецъ продастъ, загуляетъ и пропьетъ денежки: часть-то ужъ обязательно, а случается и всѣ деньги оставить въ кабачкѣ или трактирѣ. Конечно, не все пропьетъ, но найдутся „добрые люди“ и оберутъ пьянаго.

Шныряли и рыбацьи лодки.

— Ушицы бы похлебать,—выразилъ кто-то желаніе.

— Можно заказать.

— Кухни на пароходѣ нѣтъ. Въ буфетѣ—водка, чай, да залежалая колбаса и, можетъ быть, вареная яйца, и то не всегда. А вотъ купите рыбу—уху сварять.

— Гдѣ же взять рыбы?

— Иногда рыбаки предлагаютъ. Однажды мы чудесную ушицу хлебали.

Сегодня рыбы не было, пришлось ограничиться чаемъ и булками. Мы заказали самоваръ, и намъ подали его въ общую каюту.

Мы сѣли за свободный столикъ. Два другіе уже занимали пассажиры, раньше насъ заказавшіе самовары. За столикомъ налѣво помѣщалась купеческая компанія, къ которой присоединился часовой мастеръ, а потомъ и женщина „крестьянскаго облика“, но „на купеческой линіи“. Барышня, читавшая „Ниву“, сѣла неподалеку отъ насъ, примкнувъ къ нашему самовару.

Среди купцовъ шли разговоры о лѣсныхъ дачахъ. Упомянули бывшее имѣніе моего дѣда. Это меня заинтересовало. Я спросилъ у одного изъ купцовъ объ имѣніи.

— Хорошее имѣніе-съ.

— Кто купилъ его?

— Да теперь наше.

— Дешево, поди, купили?

— Совсѣмъ за пустяки. Сынъ торопился... Это, стало, вашъ дяденька?

— Да, дядя. Зачѣмъ же онъ продалъ дешево? Въ деньгахъ онъ не нуждался, кажется.

— Не знаемъ-съ... А торопили... Тогда вообще дешево продавали.

— Дали бы и дороже?

— Безпремѣнно. Придержи тогда вашъ дяденька—надбавили бы. Теперь эта дачка лѣсная—капиталець хорошенькій.

Собесѣдникъ дохлебнулъ чай съ блюдечка и прибавиль:

— Не сидѣлось какъ-то господамъ на родномъ мѣстѣ... Все вонь тянуло... Оттого и размотали имѣнья.. И выкупныя и дачки... все протратили. А отъ этого только убытокъ.

— Себѣ же.

— И себѣ и вообще... Деревни запустили... все обрушилось. Рощи какія богатяя были, а гдѣ онѣ? Срубили все.

— И вы на срубъ купили?

— Да-съ... Намъ иначе къ чему же? Правду надо сказать, —признался купецъ:—на Руси у насъ это дѣло разорительно ведется.. И знаемо, какъ надо бы, а все постарому... потому барышъ бы взять!

— А лѣсовъ меньше стало.

— Обезлѣсивается губернія, что и говорить... Да развѣ только здѣсь? На Волгѣ то же самое... Отчего она и мелѣть-то, матушка.

— Послушайте, но вы могли бы иначе вести дѣло, если сами сознаете...

— Эхъ, сударь! Сознать сознаемъ, да привычка ужъ такая, ну, и жадность заѣла, такъ будемъ говорить прямо. Хочется поскорѣй взять съ барышемъ. А кто, впрочемъ, и держить.

— За границей иначе поставлено дѣло,—замѣтилъ кто-то изъ сосѣдней компаніи.

— Что за граница! Она не указъ,—отвѣтилъ одинъ изъ купцовъ.—Русскій человѣкъ любить свободу.

— Развѣ ея нѣтъ за границей?—сказаль я.

— Какая тамъ свобода! Тамъ одно стѣсненіе!—пренебрежительно произнесъ купецъ.—Былъ мой пріятель въ Финляндіи... Ужъ какая это за граница, и не настоящая, а чухонская, такъ сказать, маргариновая за граница, а ужъ русской воли нѣту! Не смѣй выругаться, а по уху съѣздить и не думай! Въ Москвѣ пріятель мой съ ногъ до головы полового пивомъ облилъ и горчицей лысину вымазалъ—и ничего: двѣ красенькія, и дѣло въ шляпѣ. А тамъ онъ салфеткой смазалъ чухну и чуть въ кутузку не угодилъ. Какая же это воля, къ черту!

— Да, такой свободы за границей меньше.

— Ужъ что говорить, русскій человѣкъ лучше другихъ!—сказаль мой собесѣдникъ.

— Чѣмъ?

— Прямой, безъ хитрости.

— Да, но за нимъ смотри и смотри.. А то сейчасъ подмѣнаетъ, обвѣситъ... „Заграница“ потеряла всякое довѣріе къ русскому человѣку.

— Совершенно вѣрно,—подхватилъ пожилой человѣкъ, сидѣвшій въ углу и до сего времени молча слушавшій разговоры.—Если Русь отчего гибнетъ и погибнетъ, такъ отъ недобросовѣстности... Какое-то повальное надувательство. И что обидно: образованіе не спасаетъ и не улучшаетъ людей...

— Ну, это уже черезчурь,—замѣтила дѣвушка.

— Нѣтъ-съ, сударыня: взгляните только въ жизнь. Мнѣ самому больно... Я вѣдь коренной русакъ, а стараюсь покупать у иностранца, заказывать иностранцу... Надежнѣе!..

Раздался свистокъ.

— Никакъ Рабанга?

— Да, это она,—отвѣтилъ мнѣ купецъ, владѣтель имѣнія моего дѣда.

Я допилъ чай и отправился наверхъ. За мной послѣдовали многіе изъ пассажировъ.

II.

Мы приближались къ селу. Какъ село—Рабанга невзрачна. Дома сѣрые, однообразной стройки, по большей части не опущенныя тесомъ, не выкрашенные, безъ балкончиковъ. Вообще въ сельской стройкѣ мало видно прогресса... Тонъ сѣрый, пейзажъ унылый. Настоящая сѣверная русская деревня. Только обиліе зелени да рѣка и придають красоту селу.

— Какое невзрачное село,—замѣтилъ я.

— Сѣро живутъ здѣшніе мужики,—отвѣтилъ незнакомецъ... —Далеко отъ столицъ, глушь. Ну, зато народъ проще, не такой прожженный...

— Бѣдны, должно быть?

— А гдѣ нонѣ богачи? Развѣ что кулаки... Деревня расплзается.

— Какъ расплзается?

— Да какъ платье по швамъ, такъ и она. Смотрѣть за нею некому. Пьянство всюду... Разгуль... Бога забыли.

Мы стали отчаливать. Я не пошелъ въ каюту и остался на палубѣ. Вскорѣ за Рабангой показался заводъ Соколова съ пристанью. Живописное мѣстечко. Заводъ этотъ для выдѣлки бумаги изъ дерева. Такъ какъ для постройки завода негдѣ достать по близости кирпича, то онъ дѣлался на мѣстѣ. На берегу сложены штабеля готоваго кирпича.

Почти сейчасъ же за Соколовскимъ заводомъ—деревня Карпово, лежащая возлѣ желѣзнодорожнаго моста черезъ Сухону.

Началась выгрузка бочекъ. Разъ, двѣ, три, четыре... восемь...

— Да съ чѣмъ же это?—спросилъ я у старика, стоявшаго на берегу.

— Съ водкой.

— Куда же столько?

— Нешто рабочихъ мало? Желѣзнодорожные, съ Соколовскаго завода опять... Сагиновъ знаетъ, что дѣлаетъ.

— Кто такой Сагиновъ?

— А чья земля... Раньше Понгову принадлежала, а у него Сагиновъ за 5.000 купилъ... Кабакъ, стало, и торговля.

— Значить, что добудутъ рабочіе, все и пропьютъ?

— Ужъ это какъ есть!..

— Скверно.

— Не пей, коли не хочешь... А торговцу что за дѣло... Ему бы барышъ былъ ..

„Деревня расплзается“,—вспомнились мнѣ слова мѣщанина. И некому нѣтъ до нея дѣла. Мужикъ пропиваетъ не только здоровье, но и совѣсть. Кому это больно? Кому дорого „чужое дитя“? Баринъ бѣжитъ изъ деревни, предпочитая землѣ службу, чиновникъ—всегда только чиновникъ. А Колупаевы, не друзья деревни. Это—хищники. Одна надежда на *хорошую школу и церковь*. И здѣсь большое „но“. Хорошо жить на *дачь*, ни о чемъ не думая, ни на что не обращая вниманія. *А жить въ деревнѣ*, вникать въ ея условія, задумываться объ ея судьбѣ—невыносимая мука, для того, кто любитъ родину, у кого въ груди бьется не индифферентное космополитическое сердце...

Двѣ вѣтряныя мельницы подошли почти къ самому мосту и словно застыли въ удивленіи. Мостъ воздушной стройки и красивъ.

Мы прошли подъ мостомъ. Впереди виднѣлась деревенька Юнца, небольшая, но красивенькая... Мыплыли ровно, не торопясь, останавливались довольно часто. Деревеньки попадались одна за другою. Вотъ Борокъ, Шатровово, Бохтюга (въ сторонѣ), Клыжево и дер. Паротино, гдѣ лѣсопильный заводъ Бѣляева. Это—цѣлый городокъ, кипящій жизнью. Заводскія зданія—каменные, громадныя. Кругомъ масса заготовленнаго матеріала. На рѣкѣ тѣснота отъ барокъ и плотовъ.

На берегъ высыпали парни и дѣвки, работающіе въ заводѣ.

— Ишь, сколько ихъ, красавицъ! Покупай на гривну, пару дадутъ!—остриль матросъ.

— Какъ здѣсь рабочая плата?—полюбопытствовалъ я.

— Дешевая... Работы иной нѣту. А дѣвкамъ деньгъ нужна...

— Почему дѣвкамъ? Ъсть всеѣмъ надо.

— Имъ нешто на хлѣбъ? Имъ на наряды... Избаловались нонѣ... Одѣваются, какъ городскія...

— Иная прочая даже курсетъ носить!

— Стегать бы ихъ!—сказалъ старый матросъ сердито.

— За что?

— А не балуйся!.. Въ избѣ-то стеколъ нѣту, корова безъ корму, а то и коровы нѣтъ, а ей подавай наряды...

Вездѣ это горе. Потянулась деревня за городомъ, „да не въ ту сторону“, по выраженію одного лейкинскаго героя. Именно „не въ ту“.

Когда мы, отчаливъ отъ пристани, завернули за мысъ, мой сосѣдъ сообщилъ мнѣ, что „скоро и шлюзъ“.

— Значить и озеро?

— Да, отъ шлюза до озера всего восемь верстъ.

III.

Мы медленно приближались къ шлюзу. Ворота его уже были распахнуты. Пароходъ вошелъ, и мы очутились въ небольшомъ закрытомъ со всеѣхъ сторонъ пространствѣ, облитые лу-

чами показавшагося солнца. Сдѣлалось душно. Мы были словно взяты въ плѣнъ этими людьми, стоявшими по сторонамъ шлюза. Пылкая фантазія могла нарисовать что угодно. Глубокая тишина нарушалась только карканьемъ воронъ, гнѣзда которыхъ густо усыяли деревья бульвара по бокамъ шлюза. Сторожъ, имѣвшій видъ угрюмаго тюремщика, „поѣхалъ“ на закрывавшихся воротахъ, стоя на придѣланномъ къ нимъ балкончикѣ. Онъ заперъ ворота, перешелъ на балкончикъ вторыхъ воротъ, отперъ ихъ и опять „поѣхалъ“. Нашъ пароходъ занялъ почти всю камору.

Открылись ворота, и мы вышли на „вольную воду“.

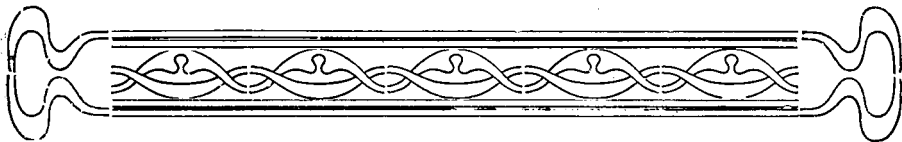
Надѣво отъ насъ виднѣлась на устьѣ Сухоны плотина, преграждающая естественное теченіе рѣки. Шлюзъ, называющійся Знаменитымъ, и плотина устроены въ 1834 году съ цѣлью удерживать воду озера на высококомъ горизонтѣ. Между тѣмъ, послѣ такого сооруженія вода въ Сухонѣ и въ озерѣ значительно упала противъ прежняго. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? По словамъ мѣстныхъ жителей, до построенія Знаменитаго шлюза вода уходила изъ озера и, подпираемая водами рѣкъ Вологды и Лежи, разливалась по лугамъ, оставляя на нихъ иль, и потомъ стекала чистою; теперь же она производитъ осадки на днѣ озера.

— Вѣрно ли это объясненіе?—спросилъ я у старика, жителя села Устье.

— Оно точно, пожалуй,—отвѣтилъ устьянецъ.—Но главная бѣда отъ безлѣсицы. Когда лѣса-то окруженные были въ сохранности, снѣгъ въ нихъ таялъ исподволь, и бѣжали въ озеро ручьи тихіе да приточки. А теперь и не то. Снѣга таютъ быстро, вода катится въ озеро бурно, отъ береговъ-то отмывается земля и заваливаетъ дно въ озерѣ. Надо бы беречь Божье добро разумно, а мы лѣса дремучіе измотали, вотъ и озеро страдаетъ изъ-за этого.

Шерра—сѣренькая деревенька, съ плохими домишками. Ея имя извѣстно, благодаря лѣсопильному заводу, стоящему возлѣ нея. Убогая деревянная часовенка, прилѣпившаяся къ двумъ домишкамъ, наводитъ на невеселыя думы. Бѣдны ли жители, или „имъ все равно“? Хотя бы заводъ пришелъ на помощь. Или и ему все равно, и часовня, построенная еще тогда, когда люди „кое-что помнили“, скоро совсѣмъ разрушится? Герценъ, стоя передъ миланскимъ соборомъ и изумляясь тому, что столько денегъ ухлопано на постройку собора, пришелъ къ слѣдующему выводу: „люди охотно жертвуютъ на то, что имъ совсѣмъ не нужно“. А что нужно? Неужели то, что можетъ удержать деревню отъ „расползанія“,—лишнее въ жизни?

За Шеррой идетъ большая коса, далеко вдавшаяся въ воду; это—Святая Лука, на которой стоитъ церковь во имя евангелиста Луки. Около церкви церковный домъ, и больше никакихъ жилыхъ строеній. Храмъ стоитъ одиноко среди зелени. Село того же названія въ сторонѣ. Это мѣстечко Сухоны въ срединѣ жаркаго лѣта такъ пересыхаетъ, что по дну рѣки можно ѣхать въ телѣгѣ съ большимъ возомъ.

ДЕНЬГИ *).

Принципъ денежнаго обращенія и значеніе денегъ въ области народнаго хозяйства опредѣлилъ уже знаменитый греческій ученый Аристотель: „Это есть посредствующій товаръ, говоритъ онъ,—для облегченія мѣны между двумя дружными товарами“. На низкихъ ступеняхъ культуры люди прибѣгаютъ къ мѣнковой торговлѣ, т.-е. обмѣниваютъ товаръ на товаръ (сапоги на полотно, бусы на бананы и т. д.). И сейчасъ этотъ видъ мѣны сохранился у дикарей. Базаровъ у нихъ зачастую не существуетъ, и каждый, кому нуженъ тотъ или другой предметъ, ищетъ его у сосѣдей. Это не представляетъ особыхъ затрудненій потому, что потребности первобытнаго человѣка очень ограничены: пища, одежда, жилище—вотъ все, что нужно дикарю. Эти предметы онъ изготовляетъ самъ себѣ. Со временемъ, однако, у него развиваются потребности, и тогда ужъ онъ прибѣгаетъ къ мѣнѣ. Путешественникъ Бекеръ описываетъ картину мѣны среди негритянскихъ расъ, живущихъ вокругъ большихъ озеръ восточной Африки. По утрамъ странствующіе торговцы обходятъ деревни, ежеминутно выкрикивая:—„Табакъ! Табакъ! Двѣ пачки табаку за бусы или *simbés* (раковины, иначе называющіеся *sauris*)“.—„Молоко! Молоко! Продается молоко за бусы или соль“.—„Масло! Продается масло по пять *jenettos* (красныя бусы) свертокъ“.—„Соль за желѣзные копы! Соль за желѣзные копы!“ и т. д.

Разумѣется, такой видъ торговли можетъ удовлетворить негра съ его незначительными потребностями и небольшимъ количествомъ нужныхъ предметовъ. Но вскорѣ, при развитіи количества предметовъ потребленія, такой способъ обмѣна оказывается крайне несовершеннымъ. Одинъ товаръ приходится обмѣнивать на сотни и тысячи другихъ; никакая человѣческая память не въ состояніи запомнить, въ какой пропорціи надо отдавать тотъ или другой товаръ, хотя у многихъ племенъ дикарей и существуютъ спеціальныя оцѣнщики-посредники. Обыкновенно, такой коммерсантъ съ дѣтства предназначается кланомъ для роли торговаго посредника между этимъ кланомъ и сосѣдами. Онъ, постоянно совершая за всѣхъ членовъ клана мѣну съ представителями другихъ племенъ, пріобрѣтаетъ большой опытъ въ дѣлѣ сравненія цѣнностей, но, разумѣется, это очень далеко отъ нашего способа расцѣнки товаровъ при куплѣ-продажѣ. Неудобство примитивнаго способа мѣны и вызвало естественный переходъ къ такому способу обмѣна, при которомъ всѣ товары обмѣнивались бы предварительно на какой-нибудь одинъ. Такимъ товаромъ сначала былъ скотъ, какъ наиболѣе распространенный, затѣмъ шкуры и мѣха и, наконецъ, металлы (сначала желѣзо, потомъ мѣдь и наконецъ, серебро и золото).

Выборъ товара, играющаго роль денегъ, зависитъ главнымъ образомъ, отъ степени его полезности. Драгоцѣнные металлы и явились такимъ товаромъ. Общераспространенная страсть людей къ украшеніямъ дѣлаетъ этотъ товаръ интернаціональнымъ; присматриваясь внимательно къ жизни первобытныхъ наро-

*) См. „Дн. Писат.“, Февр., „Среди друзей и враговъ“.

довъ, мы видимъ, что они питають наибольшее пристрастіе къ оружію и украшеніямъ. Главнѣйшая цѣль ихъ жизни—пріобрѣтати съ помощью войны, а значить, оружія, рабовъ и женщинъ, чтобы свалить на ихъ плечи трудъ и украшать себя различными, съ ихъ точки зрѣнія красивыми, ракушками, блестящими предметами, расписывать себя красками, сооружать невѣроятныя, даже съ точки зрѣнія современныхъ дамскихъ модъ,—прически, татуировать тѣло и т. д. Драгоценный металлъ обладаетъ многими свойствами: онъ легко перевозимъ съ мѣста на мѣсто, благодаря своей цѣнности по сравненію съ вѣсомъ; не портится, какъ товары обрабатывающей промышленности; не гниетъ, какъ продукты земли; можетъ быть въ любую минуту превращенъ въ какой-угодно другой товаръ, благодаря своей общераспространенности, а также принимается правительствомъ въ видѣ налоговъ. Ни одинъ изъ существующихъ товаровъ, кромѣ денегъ, не заключаетъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя дѣлають благородные металлы способными быть посредниками обмѣна, ибо: одни товары представляютъ потребительную цѣнность не для всѣхъ, т. е. не всѣмъ нужны; другіе слишкомъ громоздки, и потому трудно перевозимы съ мѣста на мѣсто; третьи быстро подвергаются разрушенію; четвертые теряють часть своей цѣны, будучи раздробленными на части (какъ, напр., драгоценныя камни); пятые же не такъ прочны, какъ золото и серебро; шестые—могутъ быть производимы въ какомъ угодно количествѣ, а потому и цѣна ихъ будетъ подвергаться сильному и рѣзкимъ колебаніямъ, производство же драгоценныхъ металловъ ограничено вслѣдствіе рѣдкости рудниковъ; кромѣ того, драгоценныя металлы превосходно воспринимають оттискъ, по которому узнается ихъ родъ, номинальная цѣнность и вѣсъ чистаго металла; наконецъ, они легко распознаваемы: золото—по удѣльному вѣсу, серебро—по звуку. Деньгами слѣдовательно, будетъ называться такой предметъ, который служить: 1) общимъ орудіемъ обмѣна, т. е. при переходѣ товара изъ рукъ въ руки будетъ передаваться не самый товаръ, а деньги въ томъ количествѣ, которое выражаетъ стоимость товара; 2) мѣриломъ мѣновыхъ цѣнностей, т. е. при куплѣ—продажѣ всякій товаръ будетъ оцѣниваться не на товаръ (сапоги на гвозди, одежда на хлѣбъ и т. д.), а на деньги (сапоги—шесть руб. сотня гвоздей—пятьдесятъ копеекъ, костюмъ—двадцать руб. и т. д.); 3) законнымъ платежнымъ средствомъ, т. е. общезвѣстнымъ и общепризнаннымъ; 4) орудіемъ сбереженія; такимъ товаромъ и является золото и серебро. „Если,—говоритъ К. Маркъ,—золото и серебро по своей природѣ не деньги, то деньги по своей природѣ—золото и серебро“.

Поытаемся нарисовать картину мѣновой торговли, какою она приблизительно должна была быть безъ изобрѣтенія денегъ. Это наглядно намъ уяснить и роль, которую играютъ деньги при современномъ хозяйственномъ строѣ, и выяснитъ тѣ услуги, которыя онѣ оказываютъ современному человѣчеству.

Только тогда, когда близкій намъ человѣкъ умираетъ или предметъ уничтожается, то-есть мы его безвозвратно теряемъ, только тогда мы бываемъ въ состояніи оцѣнить вполне правильно, чѣмъ онъ былъ для насъ; только тогда вполне ясно мы оцѣниваемъ какъ его достоинства, такъ и недостатки. Поытаемся это положеніе примѣнить и къ другому близкому намъ предмету—деньгамъ. Представьте себѣ на минуту, что денегъ вовсе нѣтъ. Положимъ, я кузнецъ. У меня готова сдѣланная мною бричка, я хочу получить за нее нужный мнѣ хлѣбъ. Какъ я поступлю при тѣхъ условіяхъ, которыя мы на минуту допустили? Я, конечно, отправляюсь къ производителю хлѣба, земледѣльцу, и предложу ему замѣнить мою бричку, которую я на этотъ предметъ привезъ съ собой изъ дому. Оказывается, бричка ему не нравится или вовсе

нужна. Вотъ вамъ первый случай, доказывающій, что только однѣ деньги представляютъ безусловно для всѣхъ потребительную цѣнность. Деньги земледѣльцу были бы, конечно, нужны, а бричка можетъ быть нужной, но можетъ и не быть нужной. Я отправляюсь къ другому, но этотъ другой самъ пошелъ куда-то предлагать свой хлѣбъ за нужную ему соху, и его женѣ—нарядъ. Побуждаемый перспективой предстоящаго голода, личною энергіей и вѣрой въ возможность сбыть въ концѣ-концовъ продуктъ своего труда—бричку, я отправляюсь къ третьему; но судьбы людей неповѣдимы: онъ, оказывается, умеръ на-дняхъ, и потому, разумѣется, ни въ какіе переговоры объ обмѣнѣ своего хлѣба на мою бричку вступить не можетъ. Однако, добыть хлѣбъ все-таки нужно; я продолжаю въ родѣ Чичикова, ѣздить по своимъ сосѣдямъ, но моя бричка вездѣ по разнымъ причинамъ оказывается „мертвой душой“; наконецъ, мнѣ говорятъ, что былъ здѣсь одинъ помѣщикъ и предлагалъ хлѣбъ за бричку, но что онъ уѣхалъ обратно къ себѣ за 500 верстъ отсюда. Ѣхать такую даль и везти свою бричку я не могу, это слишкомъ трудно.

Вотъ второй примѣръ, показывающій, что не всякій товаръ можетъ замѣнить деньги, потому что онъ трудно перевозимъ съ мѣста на мѣсто.

Я живу въ Кіевской губерніи. Засухи погубили весь хлѣбъ въ этой губерніи, и сами земледѣльцы, для того чтобы засѣять свои поля, отправились обмѣнивать свой скотъ на сѣмена въ сосѣднюю губернію, гдѣ урожай удался. Это уже значительно ближе, чѣмъ ѣхать къ помѣщику, ищущему бричку. Такимъ образомъ, я съ бричкой тоже отправляюсь для ея обмѣна въ сосѣднюю губернію. По дорогѣ бричка моя, въ достаточной мѣрѣ пострадавшая при моихъ поискахъ,—портится, ломается, и я остаюсь безъ брички, стало быть, безъ возможности получить нужный мнѣ хлѣбъ.

Теперь становится яснымъ третье положеніе, что не всѣ товары могутъ замѣнить деньги, потому что они не такъ прочны, какъ золото и серебро.

Разсмотримъ четвертое положеніе: я сдѣлалъ бричку, но нахожусь въ за-видномъ положеніи человѣка, которому въ данный моментъ ничего не надо: у меня есть запасъ жизненныхъ продуктовъ, одежда, жилище и т. д.; но въ будущемъ мнѣ все это, конечно, понадобится. Ставлю я свою бричку въ сарай до менѣе безпечальныхъ дней. Приходятъ ко мнѣ мясникъ, домовладѣлецъ, сапожникъ, портной, и каждый предлагаетъ свои продукты за нужную имъ мою бричку, но я обезпеченный бифштексами, квартирой, обувью и одеждой, отказываю имъ ибо или мнѣ сейчасъ эти предлагаемые предметы не нужны, или я ихъ не могу взять про запасъ и сберечь до черныхъ дней, потому что они могутъ испортиться къ тому времени. Когда же наступили эти дни, то оказалось, что бричка моя—отъ времени, подъ дѣйствіемъ разрушающихъ силъ природы—попортилась, и цѣнность ея стала сомнительною. Слѣдовательно, не всякій товаръ можетъ замѣнить деньги, потому что онъ легко подвергается разрушенію, въ противоположность деньгамъ, надѣленнымъ болѣе чѣмъ маусанловымъ вѣкомъ.

Я снова принимаюсь за работу, дѣлаю новую бричку и думаю: теперь я буду умнѣй и при первой же возможности вымѣню свою бричку на что попало. И—о, радость—только что окончилъ бричку, какъ мнѣ говорятъ, что недалеко живущій отъ меня земледѣлецъ вуждается въ бричку и желаетъ дать за нее хлѣбъ. Везу бричку. Но прежде за такую бричку давали въ обмѣнъ 20 пудовъ хлѣба, а теперь только десять, потому что кто-то изобрѣлъ способъ дѣлать брички лучше и дешевле.

Отсюда понятно пятое сложеніе, что товары подвергаются сильнымъ и рѣзкимъ колебаніямъ въ цѣнѣ, чего не бываетъ съ деньгами.

Положеніе шестое: правительство моей родины для своихъ государственныхъ расходовъ взимаетъ съ обывателей подати. Какъ оно должно поступить, если денегъ нѣтъ? Оно должно тогда объявить, что каждый гражданинъ, для уплаты причитающихся съ него податей, обяжется къ такому-то сроку доставить въ государственное казначейство: свинью во столько то пудовъ вѣсомъ, а если ея нѣтъ, то либо телятъ, либо куриць, либо 10 паръ сапогъ и т. д. Прежде это такъ и было. Изъ законовъ аѳинскаго законодателя Дракона (624 г. до Р. Х.) намъ извѣстно, что граждане Аѳинъ штрафовались не свыше 20 воловъ или коровъ, а въ римской республикѣ законъ предоставлялъ право государственному чиновнику штрафовать гражданъ до 30 коровъ и 2-хъ овецъ. При томъ количествѣ жителей, которое существовало тогда, и при тѣхъ формахъ хозяйственной и общественной жизни, такой способъ уплаты государственной и судебной повинности былъ возможенъ,—но теперь онъ, разумеется, былъ бы немыслимъ. Можете себѣ нарисовать картину, какую представляло бы тогда собой государственное казначейство и сложность процедуры такого взиманія податей!

Отсюда выводъ, что только однѣ деньги могутъ служить достаточно удобнымъ платежнымъ средствомъ также и при взиманіи податей, потому что ихъ не надо ни взвѣшивать ни оцѣнивать ихъ стоимость и т. д. Оттискъ на каждой монетѣ показываетъ ея мѣновую цѣнность; храненіе монеты даже въ огромномъ количествѣ не представляетъ особой трудности; такихъ удобствъ не представляетъ собою, какъ мы видимъ, ни одинъ товаръ. Несомнѣнно, что всѣ тѣ гуся, свиньи, коровы и курицы, которые поступали бы въ видѣ уплаты повинностей, потребовали бы невѣроятныхъ усилій со стороны чиновниковъ не только при ихъ оцѣнкѣ и приемѣ, но и послѣ этой операціи: пришлось бы заботиться объ ихъ прокормленіи и содержаніи.

Въ тѣ древнія времена, о которыхъ я уже говорилъ, это приблизительно такъ и было. Полученный государствомъ скотъ пасся до того времени, пока не употреблялся государственными властями для различныхъ общественныхъ надобностей и, главнымъ образомъ, для жертвоприношеній.

Прежде, когда экономическая жизнь людей была несложна, отсутствие денегъ не причиняло большихъ неудобствъ. Люди сами для себя и ткали, и шили, и хлѣбъ растили, и охотой мясо добывали. Когда же экономическая жизнь общества стала сложною и потребовался такой способъ обмѣна продуктовъ, который бы устранялъ всѣ изложенныя нами выше неудобства, тормозящія этотъ обмѣнъ, а съ нимъ вмѣстѣ и развитіе промышленности и торговли, люди принуждены были прибѣгнуть къ такому способу, который облегчилъ бы дѣло обмѣна. Надо было придумать такой товаръ, который обладаетъ всѣми необходимыми свойствами облегчить торговлю: легко перевозимъ съ мѣста на мѣсто; не портится, какъ товары обрабатывающей промышленности, не гниетъ, какъ продукты земли, можетъ быть въ любую минуту превращенъ въ какой-угодно другой товаръ, слѣдовательно, принять въ обмѣнъ любымъ производителемъ, желающимъ сбыть продукты своего производства, а также можетъ быть принятъ правительствомъ въ видѣ налоговъ. Такой товаръ, войдя въ общее употребленіе, станетъ всѣмъ оказывать неоцѣненныя услуги посредника, вездѣ будетъ принятъ съ распростертыми объятіями, и общая любовь и симпатіи сдѣлаются его удѣломъ. Всѣ станутъ въ силу этого оцѣнивать свой трудъ, свои товары и все, что предназначается для купли-продажи на этотъ посредническій товаръ, потому что всѣ существующіе товары оцѣнить для обмѣна однимъ какимъ-нибудь товаромъ гораздо легче, чѣмъ установить мѣновое отношеніе всѣхъ товаровъ ко всѣмъ товарамъ. Такимъ товаромъ стали деньги.

И правда: золото и серебро всё же нужны, такъ какъ люди любятъ наряжаться, и лучшимъ украшеніемъ считаютъ золотыя и серебряныя вещи. Следовательно, всякій охотно приметъ за свой товаръ драгоценный металлъ.

Сто или больше рублей легко можно перенести въ карманъ, а, напр., муку, мясо и т. д. на сто рублей не только въ карманъ не запрятать, а и на спинѣ не донесешь.

Золото и серебро можетъ жить вѣка и всегда останется золотомъ и серебромъ, а мясо, мука, овощи долго не пролежать, — испортятся; значитъ золото и серебро годны для хранения, всё другіе товары негодны.

Деньгами, следовательно, будетъ называться такой товаръ, который служитъ: 1) общимъ орудіемъ обмѣна, т. е. всё его охотно принимаютъ въ уплату за свои товары; 2) мѣриломъ мѣрныхъ цѣнностей, т. е. всякій при продажахъ и покупкахъ будетъ оцѣнивать на деньги свой товаръ, т. е. говорить, что онъ желаетъ за него получить рубль, два и т. д., а не поступать, какъ дикари, у которыхъ нѣтъ денегъ и потому они оцѣниваютъ товаръ на товаръ, т. е. шкуру отдають за нѣсколько бусъ, клыки слона за нѣсколько бутылокъ водки и т. д. 3) законнымъ платежнымъ средствомъ, т. е. всё, а въ томъ числѣ и казна, обязаны будутъ принимать ихъ при всякихъ раслатахъ, платежѣ налоговъ, при казенныхъ подрядахъ, городскихъ и земскихъ сборахъ и т. д., 4) орудіемъ сбереженія. Если мы вздумали бы накопить богатство и стали бы сберегать, скажемъ, хлѣбъ, мясо, платье, обувь, то, разумѣется, для всего этого понадобятся бы амбары, склады, ледники, подвалы и т. д. въ большомъ количествѣ. Это сопряжено съ громадными неудобствами и расходами, тогда какъ деньги, выражающія собою тысячи урожаевъ, десятки тысячъ головъ скота, платья, обуви, могутъ помѣститься въ небольшомъ сундукѣ. Милліонъ рублей золотомъ займетъ такое же пространство, какое займетъ какая-нибудь сотня другая пудовъ хлѣба стоимостью, значить, въ какія нибудь двѣ-три сотни рублей.

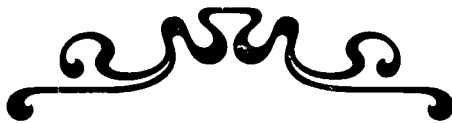
Н. Денисюкъ.

*
* * *

Въ синѣющую даль рѣка умчала льды,
И въ берега вошли разгнѣванныя воды,
Но разрушенія стихійнаго слѣды
Надолго не дадутъ забыть о дняхъ невзгоды.

И смуты ураганъ пронесся—и затихъ;
И въ воздухъ ужъ нѣтъ удушливаго смрада,—
Но сколько брошено на дно сердець людскихъ
Сѣмянъ губительнаго яда!

А. Кругловъ.

Римскій Форумъ и Капитолій.

День въ древнѣмъ Римѣ.

(Съ нѣмецкаго)

Какъ современный Парижъ, Римъ временъ Имперіи былъ міровымъ центромъ, прибѣжищемъ всего свѣта. Какъ теперь стремятся въ Парижъ русскіе, англичане, нѣмцы, итальянцы, греки, поляки и испанцы, такъ въ то время стекались въ столицу міра фракійцы, сарматы и египтяне, британцы, арабы, обитатели Сициліи и эфиопы. Всѣ нарѣчія раздавались въ Римѣ, гдѣ можно было встрѣтить и костюмы всѣхъ націй. Всякій искалъ счастья въ Римѣ и туда стремилось безчисленное множество купцовъ, ремесленниковъ, художниковъ, докторовъ, философовъ, поэтовъ, артистовъ и акробатовъ; туда-же влекло мошенниковъ и искателей приключеній. Въ Вѣчный городъ пріѣзжало такъ же много путешественниковъ исключительно ради удовольствія и для наслажденія, такъ какъ Римъ превосходилъ своимъ великолѣпіемъ и блескомъ всѣ другіе города; въ немъ сосредотачивалось все замѣчательное и прекрасное. Любители искусствъ науки и литературы, могли въ Римѣ развить умъ, обогатиться знаньемъ въ бібліотекахъ и аудиторіяхъ, въ музеяхъ, въ обществѣ ученыхъ. Въ настоящее время въ Парижѣ свыше двухъ милліоновъ населенія, но въ Римѣ того времени считалось еще болѣе жителей; а такъ какъ улицы въ немъ были узки, то легко себѣ представить какая давка, толкотня, тѣснота царила въ городѣ.

Раннимъ утромъ начинался уличный шумъ. Первыми появлялись булочники, громкимъ крикомъ предлагая свой товаръ, который они носили въ сѣткахъ и корзинахъ; за ними слѣдовали

ремесленники, имѣющіе право заниматься своимъ шумнымъ дѣломъ прямо на улицахъ города; школьники, крича и буйствуя, направлялись къ прецептору; тянулось шествіе кліентовъ, настоящее переселеніе народовъ; они спѣшили на утренній поклонъ къ своимъ патронамъ. Магазины, лавки, кабаки, выдвинувшіеся далеко въ улицу, постепенно наполняются народомъ и прохожимъ остается все меньше мѣста для свободнаго движенія. Отдѣльныхъ лицъ нельзя уже разобрать, толпа движется впередъ сплошной волной. Самое непріятное въ городѣ это густая пыль; она наполняетъ улицы вплоть до верхнихъ этажей домовъ, смѣшиваясь съ дымомъ и чадомъ кухмистерскихъ. Послѣ дождя бываетъ еще хуже. Немногія мостовыя города плохи до невозможности; между домами образуются глубокія, широкія лужи грязи, хотя поставлень эдиль, обязанностью котораго является слѣдить за чистотой и порядкомъ улицъ. Большую опасность для прохожаго представляютъ носильщики тяжестей „гарулы“. Съ бочками, досками, балками, тюками проталкиваются они сквозь толпу, задѣвая, кого попало и еле успѣешь отскочить въ сторону, какъ получаешь сильный толчекъ: это рабъ, несущій на головѣ жаровню, не стѣняясь пробиваетъ себѣ путь; а тамъ тянется цѣлое шествіе муловъ, загораживая дорогу. Посреди улицы отдыхаютъ у выгруженной ноши дюжія, вьючныя животныя, а съ ними ихъ погонщики, отличающіеся удивительной грубостью. Съ крикомъ пробиваютъ себѣ дорогу бифійскіе, иллирійскіе или германскіе рабы,—они несутъ въ носилкахъ своего господина, который, вѣроятно, спитъ, лежа за спущенными занавѣсками. Скрипя, тащутся повозки, нагруженныя огромными глыбами мрамора, предназначеннаго для построекъ или мастерскихъ скульптора.

Какъ разнообразны, какъ пестры костюмы! Вотъ человекъ въ гладкой, бѣлоснѣжной тогѣ — это римлянинъ; онъ избѣгаетъ малѣйшаго прикосновенія; складки его одѣянія — его гордость. Здѣсь же разгуливаетъ философъ; его башмаки свободно и плохо зашнурованы, его желаніе — блеснуть неряшливостью. Многіе римляне носятъ иноземные костюмы: греческіе или азіатскіе, щеголяя пестротою красокъ. Но большинство шатающихся составляютъ рабы всевозможныхъ націй и окрасокъ. Они посланы своими хозяевами за водой, молокомъ, хлѣбомъ или виномъ, за мясомъ или овощами. Все это покупается или на рынкѣ, или же у странствующихъ торговцевъ, расхваливающихъ свой товаръ громкими крикливыми голосами. За тѣмъ въ толпѣ много грековъ разныхъ профессій, пришедшихъ въ Римъ искать наживы; тутъ грамматикъ, прорицатели, геометры, художники, скульпторы, акробаты, врачи и кудесники, шуты и танцовщики. Въ большинствѣ — это народъ несимпатичный.

Несравненно интереснѣе другіе иноземцы: вотъ испанецъ въ черномъ плащѣ; рядомъ — галлъ, закутанный во что-то полосатое; тутъ же армянинъ, выдающій себя за астролога. Пестротой отличаются и арабы, ведущіе съ величественно-гордой осанкой императорскихъ слоновъ, покрытыхъ пестрыми

коврами. Люди съ длинными бородами и восточными носами — несомнѣнно евреи. Они ведутъ кочевую, цыганскую жизнь. Съ ними всегда корзины съ съѣстными припасами, солома или сѣно для ночлега, ибо у нихъ нѣтъ постояннаго пристанища. Вдругъ раздается вой и шумная стукотня; это жрецы Изиды, въ бѣлыхъ полотняныхъ юбкахъ, выступаютъ торжественнымъ шествіемъ съ изображеніемъ своей богини. Народъ съ благоговѣніемъ подается назадъ. За ними слѣдуетъ кавалькада всадниковъ императорской лейбъ-гвардіи въ великолѣпной обмундировкѣ; бѣлокурые всадники съ цвѣтущими лицами — это германцы, красивые, статные и самоувѣренные.

Толкотня становится невыносимой, мы ищемъ убѣжища въ тавернѣ, хотя мѣсто это оказывается мало подходящимъ для насъ. Присмотрѣвшись къ посѣтителямъ, различаемъ здѣсь: ремесленниковъ, носильщиковъ, погонщиковъ муловъ и извозчиковъ, — тутъ всевозможный сбродъ! Всѣ они сидятъ за столами и кутятъ; — многіе играютъ въ кости. Вошедшіе флейтисты съ танцовщицей и египетскіе укротители змѣй, привлекли всеобщее вниманіе. Намъ это не нравится, мы идемъ дальше и останавливаемся передъ книжной лавкой; она заполнена книгами и объявленіями о вновь вышедшихъ сочиненіяхъ и стихахъ. Этотъ товаръ привлекаетъ немногихъ. Больше всего публики столпилось у ювелировъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, граверовъ по слоновой кости; рѣзчики драгоценныхъ камней и торговцы восточнымъ жемчугомъ пользуются не меньшимъ успѣхомъ. Какое собрано здѣсь множество вещей дѣйствительно прекрасныхъ! Какъ сверкаютъ кубки, кольца, ожерелья, браслеты и серьги, украшенныя отшлифованными аметистами и искрящимися брилліантами. Какъ жадно рассматриваютъ женщины все это великолѣпіе. Очень тонкой работы разные предметы: изъ слоновой кости статуэтки, вѣера, сосуды, пергаментные листки, а такъ-же бронзовая утварь, горшки, лампы, оружіе и пряжки, вотъ товаръ, который доставилъ-бы не мало чести и парижскому базару. Совсѣмъ какъ въ Парижѣ, есть и тутъ магазины, гдѣ продаются румяна и бѣлила, мушки, вода красоты, средства для бѣлизны кожи, для удаленія веснушекъ и морщинъ, краска для волосъ.

Идемъ дальше: любоваться свѣжими фруктами. Ихъ привозятъ сюда изъ предмѣстій на ослахъ и телѣжкахъ. Но многіе фрукты привезены издалека: груши, наримѣръ, изъ Греціи, Нумидіи и Александріи; яблоки изъ Сиріи и Африки. Какъ свѣжи гранаты, крупны вишни, какъ ароматны персики! Все это сегодня украситъ столъ богатаго римлянина. Большими грудями лежатъ финики, винныя ягоды, орѣхи. Это закупается рабами съ шумомъ и крикомъ, многіе ждуть у садовниковъ заказанныхъ вѣнковъ изъ душистыхъ цвѣтовъ, долженствующихъ сегодня вечеромъ украсить головы гостей ихъ господъ.

Изъ одного магазина несетъ благоуханіе счастливой Аравіи. Мы находимся на благовонной улицѣ; товары сюда прибываютъ изъ Іудеи, Аравіи и внутренней Азіи. Какъ хорошо пахнутъ

нардомъ, благовонными мазями, розовымъ и миртовымъ маслами. Если ты нуждаешься въ платьѣ—иди на слѣдующую улицу, тамъ въ магазинахъ цѣлое богатство всевозможныхъ матерій. Вотъ это пурпурное сукно соткано изъ драгоценной пурпурной шерсти; платье изъ такого сукна стоитъ отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей. Дороги также сирійскіе и финикійскіе товары, мягкія шелковыя матеріи, затканныя золотомъ, или же съ золотымъ шитьемъ. Гальскія шерстяныя ткани дешевы. Покупателями этого товара являются крестьяне, рыбаки и вообще бѣдный людъ. Продаются также и готовые платья.

Насъ поражаетъ новый, на этотъ разъ неприятный запахъ; онъ несется изъ сырныхъ лавокъ, гдѣ продается много разныхъ сортовъ этого излюбленнаго римлянами продукта. Вотъ одинъ изъ рабовъ покупаетъ кусокъ простого сыра, другой предпочитаетъ сыръ козій изъ Сициліи, весьма хорошаго качества; но самый любимый сыръ,—это копченый. Для гастрономовъ имѣются сорта бифійскіе, гальскіе и привезенные изъ Альпъ. Большое оживленіе въ гастрономическихъ лавкахъ. Превосходны фракійскія куры, испанскіе павлины, фазаны, дрозды, журавли. Не мудрено, что все это пользуется такимъ успѣхомъ у публики. Испанскія устрицы, ветчина и рыба раскупаются съ меньшей быстротой. Торговля съѣстными припасами обширна и выгодна. Римъ обладаетъ огромнымъ желудкомъ.

Между тѣмъ насталь шестой часъ, по нашему времени полдень; на улицахъ стало тише, всѣ разошлись по домамъ, такъ-какъ это былъ часъ обѣда.

Въ седьмомъ часу предаются послѣобѣденному отдыху, но дѣла сената, на рынкѣ и занятія въ судахъ прекращаются не ранѣе девятого, десятого часа. Въ этотъ послѣобѣденный отдыхъ публика гуляетъ. Наше вниманіе привлекаютъ римскія дамы, щеголяющія дорогими туалетами и невообразимо высокими прическами. Онѣ окружены толпой услужливыхъ, расфранченныхъ кавалеровъ, вся гордость которыхъ заключается въ изящныхъ прическахъ и выхоленныхъ бородахъ. Какой тутъ аромат, пахнетъ всевозможными благоухающими помадами, сколько тутъ тщеславія! Это-ли Римъ, это-ли сыновья той волчицы, которые съ мечемъ въ рукахъ завоевали весь миръ? Что сказали-бы Ромуль при видѣ этой толпы?

Намъ становится не по себѣ и мы направляемся вдоль рѣки, къ гавани. Тутъ все кипитъ жизнью. Крики корабельщиковъ, купцовъ, носильщиковъ! Грудами сложены товары, пришедшіе изъ Средиземнаго моря по Тибру. Первое мѣсто занимаетъ зерновой хлѣбъ изъ Сициліи и Сардиніи, соль съ востока, строевой лѣсъ изъ Индіи, драгоценный мраморъ изъ Греціи, Египта и Нумидіи. То тутъ, то тамъ кучи испанской шерсти или испанской матеріи, стекольный товаръ, огромныя амфоры, наполненныя виномъ; торговля виномъ занимаетъ въ древнемъ Римѣ первое мѣсто.

Солнце закатывается, и чернь, въ видѣ отдыха послѣ работъ, собирается на углахъ улицъ, на насыпяхъ, у Форума, но преи-

мущественно у цирка. Тутъ много интереснаго. Уличные фокусники, атлеты, акробаты пользуются большимъ вниманіемъ публики и дѣла ихъ идутъ недурно. Гремить музыка: флейта и струнные инструменты, кастаньеты и тамбурины; толпа сирійскихъ, египетскихъ и испанскихъ танцовщицъ старается развлечь публику граціозными движеніями. Здѣсь въ пыли и шумѣ настоящій рай для черни.

Начинаетъ темнѣть, а улицы Рима не безопасны. Появляется ночная стража, показываются рабы съ фонарями,—это купцы возвращаются домой, закрывъ магазины и лавки. Улицы и площади заняты теперь разнымъ сбродомъ, подчасъ очень опаснымъ: бандитами и ворами. Здѣсь остается только тотъ, кто находитъ удовольствіе въ уличномъ безчинствѣ; къ нимъ присоединяется молодежь, сыновья знатныхъ семействъ. Въ одеждѣ простыхъ рабовъ, въ шляпахъ, надвинутыхъ на глаза, они проводятъ время въ кабачкахъ самого низшаго разряда, бьютъ прохожихъ, бросаютъ ихъ въ воду, вообще безчинствуютъ. Все это, конечно, не можетъ происходить безъ шума и если присоединить ко всему этому пѣнье пьяныхъ, тревогу отъ часто происходившихъ въ Римѣ пожаровъ, постоянный стукъ телѣжекъ, развѣзжающихъ по улицамъ, то нужно сознаться, что это „пристанце всего свѣта“ было мѣстомъ весьма безпокойнымъ и сильные міра оказывались вполнѣ правыми, удаляясь, по возможности, въ деревню для отдыха и восстановленія здоровья.

Перев. **Е. Полушкина.**

Мелодія.

Потянуло прохладой съ росистыхъ полей...
 Гдѣ-то щелкнулъ въ кустахъ и замолкъ соловей...
 И зеркальная гладь потемнѣла пруда...
 И, мигая, зажглась въ тихомъ небѣ звѣзда...
 Отблескъ солнца кой-гдѣ на крылахъ облаковъ
 Умиралъ, потухалъ, улыбаясь безъ словъ...
 И лился ароматъ засыпавшихъ цвѣтовъ
 Въ безпредѣльный просторъ тихо рвѣющихъ сновъ...
 На мгновенье тѣ сны прилетали къ цвѣтамъ
 И, роняя слезу, уносились къ звѣздамъ...
 И дышали цвѣты ароматами грезъ,
 И сверкали они брилліантами слезъ...

Филаретъ Черновъ.

Пережитое.

(ЖИТЕЙСКІЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ).

VII. *).

Я очень любилъ стихи съ дѣтства и рано началъ упражняться въ „стихописаніи“: Когда я бралъ книги изъ библіотеки, я въ каждой книгѣ прежде всего искалъ стиховъ. Я любилъ ихъ учить наизусть, многія стихотворенія Кольцова, Никитина и Пушкина зналъ на память. У Кольцова мнѣ особенно понравился „Лѣсъ“, у Никитина „Бурлакъ“, а у Пушкина „Буря мглою небо кроетъ“: Я стихи любилъ *пѣть*, и когда мой дискантъ раздавался по комнатамъ, няня говорила:

— Опять завылъ... и что поешь?

— Стихи!

— Батюшкова, что-ли? Вонъ онъ помѣшался отъ нихъ.

— Вовсе не Батюшкова... а другихъ... и совсѣмъ не отъ стиховъ онъ помѣшался.

— Ну, съ большого ума!.. Видно, Бога забылъ... ученые то всѣ безбожники...

— А папа?

— Ну, чего покойника тревожить!.. А и онъ... неладно дѣлалъ... загубилъ себя... и теперь жилъ бы да жилъ...

— А развѣ онъ былъ безбожникъ?

— Кто тебѣ говорить? Пристанеть! Онъ стиховъ не сочинялъ...

— Такъ и всѣ сочинители безбожники?

Няня махала рукой.

— Вотъ присталь... не рада, что и сказала!.. Ну, вой-вой... а лучше бы, если бы ты молитвы пѣла.

Въ Вологдѣ, благодаря энергіи секретаря Статистич. Комитета, Ф. А. Арсеньева (очень даровитаго этнографа—писателя), Н. Я. Соболева и священника В. Ретровскаго открылась Публичная Библіотека. Для Вологды это было большимъ событіемъ. Библіотека начала работать прекрасно. Въ кабинетѣ для чтенія—многіе не находили себѣ мѣста.

Захотѣлось и мнѣ записаться въ библіотеку.

Но мама несочувственно встрѣтила мое желаніе.

*) См. „Дневн. Писателя“, Декабрь, 1907 г. стр. 55.

— Зачѣмъ тебѣ? А развѣ мало гимназической библіотеки?

— Тамъ и читать нечего.

— Пустяки! Внимательно читай... тамъ книги на выборъ... а въ этой—всякія... другихъ тебѣ и не слѣдуетъ читать.

Я настаивалъ.

— Лѣтомъ... какая же гимназическая библіотека?

— Лѣтомъ и не надо. Отдыхай... силъ набирайся.

— Не все же гулять!..

Няня качала головой.

— Эжъ, ты: словно „съ ножемъ къ горлу“ пристанешь!.. Ну... и умѣешь же допекать!

— Мама согласится.

— Да развѣ ты отстанешь, пока по твоему не сдѣлають!

Мама дѣйствительно уступила. Мнѣ въ этомъ случаѣ помогъ семинаристъ Михаилъ Михайловичъ Куклинъ, братъ дьякона—хозяина дома, въ которомъ мы жили. М. М. Куклинъ въ роли репетитора мѣсяца два помогаль мнѣ готовиться къ экзамену изъ латинскаго языка. „Спокойный, кроткій и не требовательный молодой человѣкъ“—какъ говорила мама, М. М. ей понравился и внушилъ къ себѣ довѣріе. Когда она передала ему о моемъ желаніи записаться въ библіотеку, онъ одобрилъ это желаніе.

— Отчего же не записаться ему, Раиса Александровна? Пусть читаетъ... у него любовь къ словесности... чтеніе и развиваетъ... и приучаетъ къ лучшему выраженію мыслей... Для сочиненій пригодится.

— Онъ и то все въ сочинители собирается, сказала няня, находившаяся при разговорѣ.

— Ну, мало ли куда онъ собирается! съ улыбкой замѣтила мама:—онъ и въ казаки хотѣлъ... и въ монахи...

— Впечатлительный онъ,—сказалъ Куклинъ. А писателемъ можно быть во всякомъ званіи и на всякой должности. Вѣдь Лермонтовъ—военный. Стихи писалъ и Григорій Богословъ...

— А няня говорить, что Батюшковъ отъ стиховъ помѣшался! воскликнуть я.

— Ну, ври на няньку! стыди ее! Развѣ я къ тому?

— Что тутъ гадать... будетъ тѣмъ, чѣмъ Богъ назначилъ... На всякой должности можно быть человѣкомъ, надо только Бога помнить, да служить вѣрой и правдой родинѣ, сказала вѣско мама.

И добавила:

— Ну, запишись въ библіотеку... только вы, Михаилъ Михайловичъ, имъ руководите!

— Охотно.

Мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ библіотеку.

Оказалось, что нуженъ залогъ. А у меня его не было.

— Значитъ, нельзя? спросилъ я.

Библіотекарь, К. А. Лахминъ, промолвилъ:

— Вы гимназистъ?

— Да.

— Дайте вотъ честное слово, что въ случаѣ порчи, потери книги—внесете ея стоимость.

— Даю! Я не буду портить.

— Хорошо, я скажу Флегонту Арсеньевичу: онъ, вѣроятно, разрѣшитъ безъ залога.

На другой день я узналъ, что Арсеньевъ „разрѣшилъ“.

Я сиялъ отъ радости.

На первый разъ я взялъ „Ледяной домъ“ Лажечникова и этотъ романъ мы читали съ Куклинымъ вмѣстѣ.

Я позволю себѣ подробнѣе остановиться на личности Куклина, впоследствии инспектора-учителя, автора учебниковъ и очень хорошихъ рассказовъ для дѣтей.

Въ то время М. М. былъ въ богословскомъ классѣ семинарии. Онъ пописывалъ стихи и шутя слылъ среди товарищей „за пѣту“. М. М. читалъ свои стихи, изъ которыхъ мнѣ особенно нравилось его подражаніе Некрасову:

„Что ты жадно глядишь на сигару...“

Куклинъ, такъ сказать, „подогрѣлъ“ меня, и я съ жаромъ началъ писать стихи, подражая Пушкину, Кольцову, Никитину, и самому Куклину. Мы какъ-то ходили съ нимъ въ цыганскій таборъ. Вернувшись домой, я принялся писать „Цыганъ“. Тутъ были и мои наблюденія, и много подражанія Пушкину—въ содержаніи... Поэму я не кончилъ, но отдѣльные стихи Куклинъ одобрялъ, замѣтивъ:

— Ты маленькое пиши пока... не сразу за поэму!

Началъ я было еще „Кавказскаго Плѣнника“—и, тоже не кончилъ. За то мнѣ очень удалось стихотвореніе „Рыбакъ“, которое долго валялось въ чернякѣ, потомъ было мной обдѣлано и въ 1875 году, помѣщено въ „Дѣтскомъ Читеніи“ („Близъ Прилукъ, въ убогой хаткѣ...“).

Куклинъ жилъ у брата, не имѣя отдѣльной комнаты. Онъ помѣщался на печкѣ, гдѣ былъ его „кабинетъ и спальня“. Обѣдалъ онъ, какъ и всѣ, въ кухнѣ. У брата была большая семья. Для чтенія, а главное для „творческой“ работы—М. М. по зимамъ „забирался“ въ баню, а весной и ранней осенью жилъ на чердакѣ, гдѣ была „клѣтушка“, съ окномъ, изъ котораго открывался чудный видъ на окрестности города. Въ маѣ, а иногда и ранѣе, „поэтъ“ перебирался „на дачу“, т. е. съ печки въ „клѣтушку“.

Здѣсь онъ „творилъ“ и писалъ головоломныя сочиненія по разнымъ предметамъ семинарскаго курса. И здѣсь же мы съ нимъ читали классиковъ, отцовъ Церкви, и вели „философскія разсужденія“, по выраженію невѣстки, жены дьякона, которая нерѣдко прерывала эти философскія бесѣды, крича снизу:

— Эй, сочинитель-философъ! Иди-ка, покачай зыбку... а мнѣ надо пошить!...

И М. М. шелъ качать зыбку, а я отправлялся домой. Но случилось, что М. М. надо было кончать классное сочиненіе, и тогда онъ говорилъ мнѣ:

— Иди—покачай!

И я шель за него качать зыбку. Но по возможности я уклонялся отъ этого „занятія“.

На каникулы М. М. уѣзжалъ на родину, въ Никольскій уѣздъ. Отправка нѣсколькихъ бурсацкихъ лодокъ сопровождалась шумнымъ праздникомъ. За много дней до отплытія ѣздили обыкновенно на лодкахъ за городъ—для „смоленія лодокъ“. Устраивали пирь, который часто кончался „маленькой войной“ съ солдатами таможи, такъ какъ семинаристы расхищали казенныя дрова для пожоговъ. Эти похождения дали мнѣ мысль написать поэму „Бурсацкіе походы“. Поэма въ прозѣ была мною написана до половины. М. М. игралъ роль—Тараса Бульбы. Можетъ быть, я и кончилъ бы поэму, но затерявъ начало, я не захотѣлъ возобновлять его и оставилъ мысль объ окончаніи.

Благодаря Куклину, я познакомился со многими семинаристами и между прочимъ съ Михаиломъ Ивановичемъ Левитскимъ, который неподражаемо читалъ сатирическую поэму мѣстнаго Ювенала—Сиротинина. Она называлась „Долгоносые“ и при сильномъ стихѣ отличалась мѣткими характеристиками многихъ мѣстныхъ дѣятелей и яркостью картинъ вологодской жизни. Несомнѣнно талантливый человекъ, Сиротининъ „загубилъ себя“, какъ говорили про него. Кончивъ семинарію, онъ поступилъ въ священники, не чувствуя совсѣмъ призванія къ пастырству. Его тянуло въ даль, къ шумной и разнообразной жизни. Онъ началъ мечтать о путешествіи. Куда? Все равно! Повидать свѣтъ, пожить „на волгѣ“. Но это было неисполнимо: и служба мѣшала и не было денегъ. И вотъ онъ надумалъ проситься въ „морскіе попы“, какъ онъ выражался въ одномъ письмѣ. Не долго думая, онъ подалъ прошеніе въ стихахъ на имя Великаго Князя Константина Николаевича, отъ котораго могло зависѣть опредѣленіе въ священники флота. Я уже сказалъ, что Сиротининъ владѣлъ хорошо стихомъ, и блески юмора, мѣстами аттическая соль дѣлали его стихи—увлекательными. Великій Князь (разсказываю по слухамъ) одобрилъ стихи, но нашель, что „такіе стихи“ писать въ рясѣ неудобно. Однако, Сиротининъ получилъ денежное пособіе. Во флотъ онъ все же не попалъ. Вскорѣ онъ разстригся и поступилъ на частную службу. Въ это время онъ и написалъ поэму „Долгоносые“. Написанная колоритнымъ стихомъ, хотя и смахивающая на памфлетъ, поэма имѣла въ городѣ большой успѣхъ и разошлась въ сотняхъ списковъ. Отмѣченная оригинальностью, поэма безусловно свидѣтельствовала о талантѣ автора. Но сынъ переходной эпохи, попавшій не на свою колею, онъ, послѣ разстриженія, сразу какъ-то „сдалъ“, началъ сильно пить и погибъ, не проявивъ ничѣмъ инымъ своего дарованія. Надо добавить, что все (очень немногое, впрочемъ) имъ напечатанное въ малоизвѣстныхъ изданіяхъ—блѣдно и слабо. Онъ силенъ только въ томъ, что не могло появиться въ печати.

М. И. Левитскій искренно скорбѣлъ о Сиротининѣ.

-- Такъ гибнуть наши! говорилъ онъ. Вѣдь и Помяловскій погибъ благодаря пьянству... Это... ужасно!

Но и самъ М. И. погибъ, во цвѣтѣ лѣтъ, отъ скоротечной чахотки. А литературное дарованіе было у него. Его разсказъ „Женитьба семинариста“, который онъ читалъ намъ, прямо превосходень, и мало уступить разсказамъ Помяловскаго. Въ разсказѣ много тонкаго юмора. М. И. началъ и еще какую-то повѣсть изъ семинарскаго быта... Но куда дѣвались его рукописи—неизвѣстно. Ихъ забралъ братъ Иванъ... но онъ, кажется, тоже вскорѣ умеръ. Мнѣ очень жаль, что „Женитьба семинариста“ не попала въ печать. Она обратила бы на себя вниманіе не менѣе, чѣмъ „Похожденія семинариста Хлопова“ Старостина въ „Дѣлѣ“.

Въ 1869 году я близко сошелся съ Осиповымъ, а за симъ и съ кружкомъ „прогрессистовъ“, или иначе „писаревцевъ“. Это знакомство имѣло большое вліяніе на меня.

По словамъ Куклина я перешелъ въ „иную вѣру“. Это очень мѣтко сказано.

А. Кругловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Все пріумолкло, затихло вокругъ;
 Все потонуло во тьмѣ безконечной.
 Изрѣдка только проснувшійся звукъ
 Слуха коснется волной быстротечной:

Гдѣ-нибудь стукъ запоздалыхъ колесъ,
 Гдѣ-нибудь звонъ бубенцовъ залихватскихъ...
 Хочется крѣпкихъ объятій мнѣ братскихъ,
 Хочется искреннихъ радостныхъ слезъ!..

Въ сердцѣ нѣтъ прежнихъ сомнѣній и мукъ,—
 Въ немъ замираетъ дневная тревога...
 Все пріумолкло, затихло вокругъ...
 Вѣрится въ счастье и вѣрится въ Бога!..

Сергѣй Хазовъ.

П И К Н И К Ъ .

(НАВРОСОКЪ).

Дождь прошелъ гдѣ то стороной, но кругомъ все освѣжѣло, вздохнуло. Потянуло въ даль, за городъ... Собирались недолго—захватили самоваръ, закусокъ, гитару и на двухъ повозкахъ поѣхали за рѣку. Выбрались изъ города—на небѣ темно: огромная туча повисла надъ лѣсомъ и рѣкой, и вотъ-вотъ замороситъ дождемъ. Ужъ не вернуться ли назадъ? Э, нѣтъ: народъ молодой, дождя не боится. Какъ свѣжо, какъ легко дышется! Стучитъ подъ колесами деревянный мостъ, промелькнула мимо избушка сторожа, и вотъ по пыльной луговой дорожкѣ повозки катятся быстро, ровно, безъ стука. По одну сторону—рѣка, притихшая, спокойная, и, кажется, болѣе глубокая, чѣмъ всегда. По другую—блѣднозеленый лугъ. Онъ сейчасъ безъ красокъ, потому что на небѣ нѣтъ солнца, и только молодая, смоченная росой, блеститъ ярко, какъ солнечная... Вдали вырисовывается лѣсокъ—на свѣтломъ фонѣ неба зелень его кажется картинкой, нарисованной на бѣломъ полотнѣ... Туча отстала, и отсюда видно, какъ спустилась она надъ рѣкой голубой частой сѣткой, сквозь которую смутно проступаютъ горы на томъ берегу, городскія строения и далекая сѣрая степь. А какъ хорошо кругомъ, какъ пахнутъ земли, травой, лѣсомъ! Дорога пролегаетъ между огородовъ. Огромныя пространства тускло зеленѣютъ пышными огуречными всходами, неподвижно замерли высокіе золотые подсолнухи. Бабы съ подобранными платьями ходятъ по огородамъ и рвутъ огурцы въ ведра. Вонъ за тѣми лозами, около озера, смотрите—какая красивая зеленая куча огурцовъ! А дальше—длинная полоса засѣянная маками. Какія краски! Бѣлыя, розовыя, синія, темныя—какъ нѣжная ткань принакрыли онѣ землю. Смотришь на нихъ и почему то вспоминаешь Троицу, веселый праздникъ весны, высокія церкви, унизанныя цвѣтными плетениями, благоуханные пестрые букеты..

Проѣхали огороды, лѣсокъ все ближе и ближе. Вотъ и канава, по которой течетъ вода на сосѣдную мельницу. На мостикъ не поѣхали—слишкомъ далеко! — Спустились прямо съ обрывистаго песчанаго бережка и чуть не перевернулись. Барышни подняли визгъ и хотѣли прыгать въ воду, но экипажи уже благополучно вынырнули на другой берегъ и сразу очутились въ лѣсу. Здѣсь, навѣрно, прошелъ дождь: съ листьевъ падаютъ крупныя капли воды. Но все ярко, какъ весной. Словно кто то недавно прошелъ здѣсь съ зеленой краской и подкрасилъ листья и траву. Недоставало солнца, чтобъ все это вспыхнуло веселымъ изумруднымъ огнемъ. Но солнце выглянуло—откуда то съ края небосклона, около самой тучи—въ тотъ моментъ, когда экипажи выѣхали на берегъ рѣки. Боже, какъ это вышло красиво! Каждая дождевая слезинка загорѣлась алмазомъ, и все выступило ярче, моложавѣе—лѣсъ, трава, небо. Рѣка заискрилась—словно большая нѣжная одежда, по которой разсыпаны мелкіе дорогіе камешки...

Выбирали мѣсто долго, и, наконецъ, порѣшили на песчаной площадкѣ, высоко поднимавшейся надъ рѣкою. Здѣсь разстелили ковры, зажгли костры. Вечерній звонкій воздухъ задрожалъ отъ ауканій и смѣха, а кто то ушелъ въ сторону, по рѣкѣ, и тамъ зашѣлъ громкою веселую пѣсню... Молодежь вздумала построить шалашъ—изъ вѣтокъ, травы, цвѣтовъ. Надламывали гибкія сочныя вѣтки и плели въ кружево, какъ плетень, потомъ соединяли вмѣстѣ и шалашъ росъ—большой, зеленый, душистый... Сверху набросали травы, а внутри повѣсили вѣнки изъ дикой мяты и цвѣтовъ. Хозяевами сдѣлались барышни и любезно приглашали кавалеровъ въ свою „гостиную“—откушать чаю...

Нѣкоторые спустились къ самой водѣ, закинули удочки и замерли. Рыба разыгралась послѣ дождя и плещется тяжело, звонко, протяжно... Скоро на берегъ вылетаетъ длинная серебряная сулка. Она бьется и хочетъ съ крючка, въ воду. Ее снимаютъ съ удочки, рѣшаютъ, что съ ней дѣлать, и бросаютъ опять въ рѣку: плыви! И видно, какъ она рѣжетъ воду и пропадаетъ въ глубинѣ. Вода ясная, безъ морщинки. Тихо отразилось въ неей небо, прибрежные кустарники, люди... Гдѣ то высоко, высоко, въ небѣ, плыветъ коршунъ, и видно, какъ отпечатался онъ въ водѣ—нѣжно и ясно. Поднялся еще выше—подъ самыя облака, а кажется, что онъ упалъ на самое дно, и свѣтлая волна захлестнула его...

Вернулись изъ лѣса старшіе и привели съ собою мальчугана-пастуха, краснаго отъ солнца и купанья. Пока господа пьютъ чай, онъ рассказываетъ про лѣсъ, про то, какіе звѣри водятся въ немъ. И ужъ какъ же онъ смѣется надъ неопытными городскими рыбаками: развѣ здѣсь можно ловить рыбу? Здѣсь ни въ жизнь не поймаетъ! Вонъ туда, за песчанымъ выступомъ, тамъ вода глубокая, холодная. Тамъ рыбъ вольнѣе, она тамъ и водится прямо стадами. Дѣдушка Ивменичъ всегда тамъ закидываетъ свои удочки, а онъ ужъ знаетъ, гдѣ лучше ловить...

Вечеръ темнѣетъ. Солнце отгорѣло у края земли и потухло. Тѣни полегли вездѣ—по рѣкѣ, въ лѣсу, на томъ берегу... Квак-

нула лягушка, другая, третья,—цѣлый концертъ. Потянуло сыростью. Тихо. Въ вышинѣ робко проглянула первая звѣздочка и спряталась, и только тонкіе золотые лучи, какъ волосенки ребенка, обозначились тамъ, гдѣ спряталась она... Потомъ опять выглянула—посмѣлѣе, и уже осталась совсѣмъ на тихомъ бѣломъ небѣ...

На самомъ берегу разложили костеръ. Ломали прибрежные молодые дубки и бросали въ огонь. Вѣтки трещали, окружались золотыми каймами и превращались въ раскаленные угли... Вздумали выхватывать изъ огня пылавшія вѣтки и разбрасывать по по деревьямъ: вѣтки летѣли, какъ метеоры, осыпая дерево красными искрами, засѣдали въ густыхъ вершинахъ и тамъ просвѣчивали, какъ фонари. Рѣвка отразила въ себѣ зарево костра, и робко золотилась, и тихо роптала, словно ей не хотѣлось бѣжать отъ веселаго золотого костра въ ночную даль...

Подходила ночь. Уже нельзя было рассмотреть прирѣчныхъ горъ. Только были слышны звуки: квакали лягушки и тихо омывала свои берега рѣвка...

И въ это время откуда то донеслось пѣніе. Гдѣ то далеко—далеко, внизъ по рѣкѣ, пѣли два голоса—одинъ низкій, почти мужской, другой—тонкій, золотистый, какъ лучъ солнца... Низкій бархатный голосъ обнималъ тонкій, золотистый, какъ зеленые берега обнимаютъ прозрачную воду, и они дрожали вмѣстѣ—въ печальной вечерней мелодіи...

— Это барышни съ ерофеевской мельницы,—говоритъ пастухъ.—Одна замужемъ была, мужъ померъ недавно, теперь пріѣхала на мельницу. Другая—молодая... Живутъ однѣ на мельницѣ...

— Что жъ, онѣ каждый вечеръ такъ поютъ?

— Каждый вечеръ!.. Выйдутъ на бережокъ, сядутъ и запоютъ... Каждый вечеръ поютъ!..

Голоса попережнему доносились ровно, не повышаясь и не понижаясь. И попережнему—словно высокіе зеленые берега—крѣпко, охватили нѣжную прозрачную рѣку... О чемъ такъ тосковали? Кому открывали свою печаль: лѣсу, горамъ, рѣкѣ?

Стало грустно, глубоко грустно. И какъ то вышло само собой, что самый маленькій членъ компаніи—еще безусый, постоянно смѣющийся студентъ близко-близко подвинулся къ сидѣвшей рядомъ гимназисткѣ и крѣпко пожалъ ей руку. И она отвѣтила. И оба поняли, что они не одиноки и никогда не будутъ пѣть такъ, какъ поютъ теперь надъ рѣкою одинокія грустныя сестры...

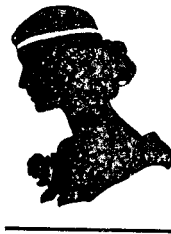
Небо свѣтлѣетъ. Тамъ и сямъ вспыхиваютъ на немъ огоньки и рѣвка покорно отражаетъ ихъ, какъ раньше отражала солнце и веселый день. Въ ночной тьмѣ она кажется бархатной, и звѣзды на ней—какъ великолѣпные переливающиеся сапфиры...

Все смолкло. Ночь пришла и чутко, прозрачнымъ сномъ, уснула земля. Только тамъ, у ерофеевой мельницы, тосковали двѣ прекрасныя незнакомыя сестры...

И такъ сразу тянетъ изъ лѣса, отъ рѣки, въ шумный городокъ... Скорѣе къ веселымъ огонькамъ, которые мерцаютъ на горѣ, по ту сторону рѣки, въ крайнихъ домикахъ города...

Быстро собираются и молча, точно отъ опасности, уѣзжаютъ домой...

Р. Кумовъ.

* *
*

Весна! И сердце встрепенулось
На встрѣчу утренней зари,
И снова въ немъ любовь проснулась
И воздвигаетъ алтари ...

Какъ дивно струны зазвучали
О возрожденьи красоты...
Весна! И нѣтъ былой печали:
Въ саду—цвѣты, въ душѣ—мечты!

Дм. Варлыгинъ.

Что надо строевому офицеру.

Не мало шума надѣлалъ появившійся въ „Новомъ Времени“ фельетонъ нашего талантливаго публициста, М. Меньшикова, который говоритъ о бѣгствѣ офицеровъ арміи изъ строя.

Регистрируя число бѣглецовъ 3¹/₂ тысячами, названный публицистъ одною изъ главныхъ причинъ такого бѣгства считаетъ тѣ „глубоко несправедливыя привиллегіи офицеровъ Генеральнаго Штаба и гвардіи, которыя вносятъ глухое озлобленіе въ офицерство остальной арміи и заставляютъ его бѣжать изъ службы“.

Считая школу, особенно высшую, основнымъ разрушителемъ общества и дѣлая оговорку, что таковая военная все же лучше гражданской, онъ тѣмъ не менѣе нападаетъ на послѣднюю въ лицѣ Академіи Генеральнаго Штаба и, ссылаясь на авторитетъ безызвѣстнаго военнаго писателя Е. П. Мартынова, выноситъ приговоръ, что „она питомцамъ своимъ кромѣ невѣроятныхъ претензій и привиллегій ничего болѣе не даетъ“. вмѣсто того, чтобы быть въ нашемъ, окруженномъ врагами, государствѣ самымъ передовымъ, самымъ совершеннымъ учрежденіемъ, академія только портитъ военное дѣло, прививая офицерству не военное образованіе, а военную отсталость. Причина—крайне схоластическое направленіе, при которомъ „буква книги засушила духъ“ и породила то книжничество, которое „нигдѣ не надѣлало столько бѣдъ, какъ въ источникѣ военной власти—высшей военной школѣ“.

И вотъ, вслѣдствіе такой постановки дѣла, питомцы академіи являются какими-то отвыкшими отъ строя книжниками, нервнослабыми, неуравновѣшенными, разучившимися военному искусству, вынесенному даже изъ среднихъ школъ.

А что, по мнѣнію М. Меньшикова всего хуже, такъ это то, что вотъ такихъ людей „назначаютъ начальниками ихъ товарищей, сажаютъ на головы строевикамъ, которые обречены въ мирное время оплачивать невѣжество военныхъ карьеристовъ своею судьбою, а во время войны свою кровью“.

Заканчиваетъ свою статью М. Меньшиковъ слѣдующими словами: „Вотъ одна изъ самыхъ главныхъ причинъ бѣгства офицеровъ изъ арміи: когда все перестроилось наоборотъ, когда худшие ставятся выше лучшихъ,—можетъ-ли примириться съ этимъ живая часть офицерства? Не будучи въ силахъ измѣнить тяжелыя условія, бѣгутъ отъ нихъ“.

Будучи совершенно чужды мысли полемизировать съ почтеннымъ авторомъ, мы, единственно лишь съ цѣлью болѣе или менѣе правильнаго освѣщенія возбужденнаго имъ вопроса, позволимъ себѣ высказать также и свое объ этомъ мнѣніе.

Офицеры наши дѣйствительно недовольны своимъ положеніемъ и многие стремятся уйти изъ строя, однако-же число выбывшихъ (по свидѣтельству

М. Меньшикова—3¹/₂ тысячи) никоимъ образомъ не можетъ быть выразителемъ степени такого стремленія. Въ образованіи его весьма важную роль сыграли какъ новый порядокъ аттестованія, такъ и установленная послѣ войны до 1 января 1907 года усиленная, такъ называемая — совокупная, пенсія, которая и установлена-то была съ цѣлью омолодить армію, своею выгодною побуждая многихъ оставить службу. И такъ, само военное министерство приняло мѣры къ тому, чтобы изъ строя ушло возможно большее число офицеровъ (замѣтьте, совокупная пенсія установлена только для строевыхъ); что-же тутъ удивляться, что мѣры эти дали желанные результаты, и что число „бѣглецовъ“ такъ сильно возросло. Не лишнее будетъ добавить, что огромнѣйшій процентъ этихъ бѣглецовъ составляюгъ не оберъ, а именно штабъ офицеры, т.-е. сравнительно высшіе строевые чины, а среди нихъ необычайно значительное количество командировъ отдѣльных частей. Очень много также уходящихъ командировъ бригадъ, начальниковъ дивизій и вообще генераловъ.

Не будь наличія указанныхъ нами выше правительственныхъ мѣръ, число ушедшихъ, надо думать, значительно понизилось бы, не достигнувъ, пожалуй, даже тысячи.

Чтобы не быть голословнымъ приведемъ свѣдѣнія, взятые нами въ одной изъ дозвій, гдѣ съ 1 января 1907 года и по 1 апрѣля 1908 года въ силу упомянутыхъ выше двухъ причинъ вышло: ради пенсій 17 человекъ и по аттестациі 4, въ силу-же иныхъ условій всего лишь 4 человекъ, да умеръ 1.

Однако-же и поставленное нами (въ 3¹/₂—4 раза уменьшенное противъ указываемаго М. Меньшиковымъ) число бѣжавшихъ также, безъ сомнѣнія, сильно приподнято противъ обычнаго тѣмъ невозможными условіями, которыя переживаетъ наша армія послѣ неудачной войны, въ періодъ нынѣшняго смутнаго времени. Это не отрицаетъ и самъ М. Меньшиковъ; который говоритъ: „*Великой армии допустить себя разбить безъ отмищенія, безъ побѣды—это такая психологическая катастрофа, послѣдствія которой оценить невозможно*“. Или далѣе: „*Какую самоубийственную ошибку, хуже всякаго преступленія, дѣлаетъ болышой народъ, не исчерпавъ силъ для борьбы. Въ какое жалкое разложенье духа и тѣла онъ впадаетъ, въ какое низкое сумасшествіе страха!*“

Взглядъ нашего русскаго общества на свою армію, и до войны не достаточно уравновѣшенный, послѣ нея, говоря вообще, на столько понизился, что это не могло не отразиться на психической сторонѣ нашего офицерства, особенно въ первое время, когда столь мучительны были недавно полученныя раны, когда духъ былъ такъ угнетенъ, когда столь живъ былъ позоръ пораженія...

Много надо было силы воли, любви къ военному дѣлу и свѣтлой надежды на лучшее будущее тѣмъ, которые хотя могли и хорошо пристроиться внѣ военной службы, но которые, подобно часовому на посту, не считали себя вправѣ покинуть ее въ столь неописуемо тяжелое время. Къ тому-же въ это время отъ нихъ требовалась хотя и не подходящая имъ по духу, но столь необходимая для водворенія спокойствія въ странѣ полицейская служба. Долгъ повелѣвалъ остаться... И они остались. Остались, не смотря на наличіе столь тяжелыхъ условій, не смотря на наличіе полупрезрительнаго, полунасмѣшливаго отношенія къ себѣ болышей части нашего общества.

Однако-же были и другіе. Эти, подавляемые къ тому-же матеріальной нуждой, рады были бы бросить сдѣлавшуюся столь незаманчивой военную службу, но подавляющее большинство ихъ не имѣло выхода... Не чѣмъ было внѣ этой службы существовать, такъ какъ пристроиться гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ ока-

залось очень трудно. А своих средств нѣтъ. Не помирать-же съ голоду. Не будь такой реальной удерживающей причины, число бѣглецовъ даже и изъ отличныхъ офицеровъ, безъ сомнѣнія, сильно бы возросло, такъ какъ служба и быть ихъ, непривлекательные и въ прежнее время, послѣ войны сдѣлались еще непривлекательнѣе...

Чтобы тамъ ни говорили о различныхъ влеченіяхъ, какъ бы высоко ни ставили идейную сторону жизни, а основой благополучія каждаго человѣка всегда было и будетъ возможно полное матеріальное обезпеченіе. Безъ него останутся довольны своею судьбою развѣ исключительныя личности, да и то лишь одинокіе. „Одна голова не бѣдна, а бѣдна—такъ одна!“

Этой то основы всякаго благополучія и не хватаетъ нашему строевому офицеру.

Если получаемое содержаніе является до нѣкоторой степени достаточнымъ при первыхъ шагахъ его служебной дѣятельности, то уже черезъ 5—10 лѣтъ недостатокъ средствъ ощутителенъ и ярко отражается на всѣхъ сторонахъ его служебной и общественной жизни.

Лучшее матеріальное обезпеченіе, являясь неразрывно связаннымъ лишь съ высшимъ служебнымъ положеніемъ, естественно вызываетъ стремленіе къ скорѣйшему движенію по службѣ, а невозможность такого движенія по причинамъ, о которыхъ скажемъ ниже, порождаетъ недовольство служебной карьерой и зависть къ тѣмъ, кто сравнительно скоро продвигается впередъ.

Тотъ же недостатокъ средствъ неразрывно связанъ и съ положеніемъ, занимаемымъ въ обществѣ, гдѣ, какъ извѣстно, для офицеровъ выработался даже особый терминъ—„благородныхъ нищихъ“, и гдѣ зять-офицеръ не считается особой находкой. Люди невысокаго происхожденія, имѣющіе сравнительно даже небольшой капиталъ, (какъ купцы 3 гильдіи, мелочные торговцы и т. п.), и тѣ считают дѣломъ и незавиднымъ и легкимъ приобрѣсти себѣ „благороднаго“ зятя въ лицѣ нашего армейскаго офицера. Они сильно задумаются прежде, чѣмъ дать согласіе свое на такой бракъ, зная, что дочерямъ ихъ въ будущемъ, быть можетъ, придется терпѣть нужду и жизнь ихъ тогда клиномъ сойдется.

Недостаточность отпускаемыхъ на содержаніе офицерамъ средствъ является, на нашъ взглядъ, одною изъ главныхъ причинъ не вполне соответствующаго по качествамъ комплектованія ихъ.

Мы уже указывали рѣше*), что около $\frac{2}{3}$ нашихъ армейскихъ офицеровъ не имѣютъ средняго образованія, и что 0% окончившихъ военныя училища еще менѣе. Корпусъ этихъ офицеровъ комплектуется молодыми людьми, либо окончившими кадетскіе корпуса и по проторенной, такъ сказать, дорогѣ попавшими въ военныя училища, либо не имѣющими средне-образовательнаго ценза и считающими для себя военную карьеру не только достаточной, но даже, на первыхъ порахъ, пожалуй, заманчивой.

Хотя справедливость требуетъ замѣтить, что и среди нихъ многіе и даже очень многіе отвѣчаютъ своему назначенію, особенно теперь при поднятіи образовательнаго ценза юнкерскихъ училищъ, но рѣчь о призваніи тутъ можетъ идти развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ.

Такимъ же исключеніемъ являются вполнѣ образованные энергичные люди, не получившіе военнаго воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ, но все таки по тѣмъ или инымъ соображеніямъ рѣшившіе посвятить себя военной службѣ.

*) „Дневникъ Писателя“, 1903 г. Январь: „Русскій народъ какъ военный сила“.

Впрочемъ и тѣ и другіе, при нынѣшнихъ условіяхъ, вскорѣ оставляютъ строй, въ лучшемъ случаѣ уходя либо въ военныя академіи, либо на штабныя (административныя) должности, а въ худшемъ совсѣмъ оставляя почти ничего не дающую имъ строевую военную службу.

Содержаніе младшаго офицера, какъ молодого только что начавшаго самостоятельную жизнь человѣка, мы считаемъ достаточнымъ. Но время беретъ свое; жизнь, особенно офицерская, предъявляетъ свои права; являются постоянныя все увеличивающіеся вычеты изъ содержанія и средствъ не хватаетъ. Прибавка жалованія при производствахъ въ чины поручика и штабсъ-капитана слишкомъ ничтожна. Поневолѣ начинаетъ одолевать мысль „скоро-ли получу роту?“ Рота представляется какой-то манной небесной! Получилъ—и наступила благодать... Но это опять таки только на первое время. Привыкъ къ новому содержанію—жизнь опять потребовала прибавки и опять съѣдаетъ мечта „скоро-ли произвести въ подполковники?“ Честолюбіе здѣсь играетъ, конечно, нѣкоторую роль, но, увы, далеко не первую. На первомъ же мѣстѣ, какъ почти всегда въ жизни, стоятъ деньги.

Вотъ почему, на нашъ взглядъ, было-бы и весьма желательно, и весьма справедливо принять нѣсколько иную систему матеріальнаго обезпеченія офицеровъ.

Отмѣтивъ существующее у насъ присвоенное каждому чину жалованіе, но оставивъ присвоенныя должностямъ хотя бы и уменьшенныя столовыя и квартирныя деньги, можно взамѣнъ перваго установить для всѣхъ военно-служажихъ (безразлично строевыхъ, административныхъ или какихъ либо иныхъ) одинъ общій такъ сказать основной окладъ жалованія и затѣмъ узаконить особыя для каждое прослуженное пятилѣтіе прибавки, хотя бы въ размѣрѣ 150—200 рублей въ годъ.

Тогда офицеръ, не признаваемый почему либо способнымъ командовать ротой, батальономъ или отдѣльною частью, но признаваемый однако-же вполне пригоднымъ для оставленія на своей должности младшаго офицера, ротнаго или батальоннаго командира, все таки будетъ получать постепенныя прибавки къ содержанію и будетъ до нѣкоторой степени доволенъ своимъ положеніемъ.

Такой порядокъ облегчитъ весьма трудную задачу выдвигенія по службѣ только достойнѣйшихъ, такъ какъ при этомъ условіи высшія должности до нѣкоторой степени потеряютъ свою заманчивость и недовольство обойденныхъ соотвѣтственно уменьшится.

Такой порядокъ будетъ также справедливъ, такъ какъ прослужившіе, напримеръ, 25 лѣтъ и занимающіе различныя должности ротнаго, батальоннаго и полковаго командировъ офицеры, будучи всѣ до нѣкоторой степени обезпечены прибавкою къ жалованію за пять пятилѣтій, будутъ получать однако-же различное по должностямъ содержаніе (различныя по должностямъ столовыя и квартирныя деньги).

Парализуя принципъ старшинства, котораго мы пока еще держимся, (хотя бы для людей болѣе или менѣе одинаково аттестованныхъ, не придавая значенія отгѣнкамъ аттестацій), такой порядокъ до нѣкоторой степени обезпечитъ болѣе быстрое движеніе по службѣ достойнѣйшихъ офицеровъ.

Во всякомъ случаѣ онъ обезпечитъ это движеніе гораздо вѣрнѣе, чѣмъ проэктируемое М. Меньшиковымъ лишеніе Генеральнаго Штаба и гвардіи ихъ привилегій.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о гвардіи, мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ по поводу Генеральнаго Штаба.

Привилегіи Генеральнаго Штаба М. Меньшиковъ считаетъ не справедливыми главнымъ образомъ потому, что академія, при установленныхъ въ ней программахъ курса и методахъ обученія, никуда не годна. Она, по его мнѣнію, не совершенствуетъ офицеровъ въ военномъ дѣлѣ, а напротивъ того выпускаетъ никуда не годныхъ совершенно разучившихся военному искусству и отставшихъ отъ строя книжниковъ.

Не будемъ отрицать тѣхъ, приводимыхъ Е. И. Мартыновымъ и повторяемыхъ вслѣдъ за нимъ М. Меньшиковымъ, совершенно не идущихъ къ дѣлу мелочей и разныхъ схоластическихъ формулъ и выраженій, которыя въ наше время дѣйствительно попадались въ нѣкоторыхъ академическихъ учебникахъ, но смѣемъ увѣрить, что они, какъ особенные курьезы, своевременно отмѣчались всеми учащимися и на память никогда не заучивались, развѣ только кѣмъ нибудь для потѣхи. Къ заучиванію ихъ не встрѣчалось впрочемъ и надобности, такъ какъ самый способъ производства экзаменовъ, при которомъ подготовляющимся къ отвѣту по билету разрѣшалось пользоваться конспектомъ, дѣлалъ совершенно излишнимъ заучиваніе мелочей. Вопросы же предлагаемые помимо билета по всему курсу не носили на себѣ мелочного характера.

Совершенно согласны съ тѣмъ, что засорять руководства такимъ матеріаломъ не слѣдуетъ, но такихъ учебниковъ было немного, всего лишь два—три.

За то, въ той-же академіи были такіе ясно и обстоятельно изложенные курсы, какъ Стратегія—Леера, Тактика—Гудима-Левковича, Администрація—Редигера, Военная исторія—Орлова и имъ подобные.

Приводимыя нами возраженія отнюдь не доказываютъ, что академическая программа была и есть безукоризненна. Она безусловно нуждается въ обновленіи, особенно теперь, когда выяснились новыя требованія службы, сообразно съ которыми одни предметы можно исключать, другіе ввести вновь, на третьи, наконецъ, обратить больше вниманія; самый объемъ курсовъ пересмотрѣть, кое что посократить, но кое что и прибавить...

Однако это уже другой вопросъ, котораго мы не имѣемъ въ виду касаться.

Мы здѣсь говоримъ только о томъ, что академія никакъ не могла разучить питомцевъ своихъ военному искусству, вынесенному ими изъ среднихъ школъ, и что поэтому едва-ли было бы справедливо лишать ихъ тѣхъ привилегій, которыя у нихъ пока еще остались.

Да и привилегіи-то эти не такъ ужъ велики, какъ ихъ принято раздувать многими!

Ничтожные оклады содержанія, въ связи съ необходимостью тянуться вслѣдствіе сильно повышеннаго противъ строевыхъ офицеровъ общественнаго положенія заставляютъ многихъ заниматься кромѣ службы какимъ либо „отхожимъ промысломъ“, т. е. отнимаютъ у нихъ большую часть необходимаго для отдыха свободнаго времени, почему дѣлаютъ жизнь ихъ далеко незаманчивой.

Самое движеніе по службѣ, на которую указываютъ какъ на особую привилегію въ настоящее время на столько затормозится, что привилегія эта обратится въ ничто, особенно если строевые офицеры будутъ получать повышенія исключительно лишь за свои достоинства, безъ малѣйшаго даже намека на старшинство, къ чему безусловно пора перейти.

Роту въ полку, батальонъ въ дивизию, а затѣмъ и кандидатство на отдѣльную часть необходимо предоставлять, ввѣ всякихъ соображеній о старшинствѣ, тому, кого комиссія найдетъ наиболѣе достойнымъ изъ всѣхъ строевыхъ офицеровъ занять эту должность.

Тогда дѣльные энергичные строевые офицеры не только не будутъ отста- вать отъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, а даже, напротивъ того будутъ всегда итти впереди ихъ.

Доказать это не трудно.

Офицеръ можетъ считаться вполне подготовленнымъ къ командованію ро- тою уже на 7—8 году службы. Тогда его слѣдуетъ зачислять въ кандидаты на роту, производя изъ Подпоручиковъ въ Поручики; чинъ Штабсъ-Капитана, при этомъ можно уничтожить, а получившихъ роту производить прямо въ Капитаны. Для подготовки къ командованію батальономъ нашъ законъ считаетъ вполне достаточнымъ командованіе ротой въ теченіе трехъ лѣтъ. Наконецъ для зачи- сленія въ кандидаты на полкъ необходимо пятилѣтне командованіе баталь- ономъ.

Принимая во вниманіе все сказанное, мы считаемъ вполне возможнымъ, при принятіи новаго порядка, назначеніе дѣльных энергичныхъ офицеровъ рот- ными командирами на 8—10 году ихъ службы, батальонными на 12—15 году и, наконецъ, полковыми на 18—20 году. Менѣе энергичные, но все же вполне достойные будутъ при этихъ условіяхъ достигать тѣхъ должностей примѣрно на 12—15 году—роты, на 18—20—батальона и на 20—25—полка. Будутъ, ко- нечно, и такіе, которые получаютъ эти должности соответственно на 18—25— 30 годахъ, но дальѣ этого итти ужъ не слѣдуетъ, почему будутъ и такіе, ко- торые совсѣмъ не получаютъ ротъ, батальоновъ или полковъ, но свои прибавки къ содержанію они все таки получаютъ и до нѣкоторой степени будутъ обеспе- чены.

Офицеръ Генеральнаго Штаба обыкновенно кончаетъ академію не ранѣе какъ на 7—8 году службы, хотя есть не мало и такихъ, которые кон- чаютъ ее на 12-мъ и даже позже. Послѣ окончанія академіи онъ получаетъ содержаніе почти равное (нѣсколько менѣе) содержанію ротнаго командира. За- тѣмъ Капитаны Генеральнаго Штаба прежнихъ выпусковъ производились въ Подполковники не ранѣе какъ по прослуженіи въ чинѣ Капитана 3 лѣтъ, а нынѣшніе производятся въ Подполковники по выслугѣ послѣ окончанія академіи 6 лѣтъ, что на дѣлѣ оказалось почти одно и тоже. Тѣ и другіе при условіи выполненія цензоваго командованія ротой и не иначе, какъ на свободную Штабъ- офицерскую вакансію, отсутствіе которой часто задерживаетъ производство. Со- держаніе Подполковника Генеральнаго Штаба почти равно (немного менѣе) со- держанія батальоннаго командира. Изъ Подполковниковъ въ Полковники офицеры Генеральнаго Штаба прежнихъ выпусковъ производились черезъ 4, нынѣшнихъ черезъ 3 года, т. е. примѣрно на 18—21 году службы. Только тогда, при условіи выполненія ценза, они дѣлаются кандидатами на полкъ.

Очередь полученія полковъ Полковниками Генеральнаго Штаба въ насто- ящее время пока еще такова, что назначенія получаютъ пробывшіе въ чинѣ 4 года (Полки только что начали получать тѣ Полковники Генеральнаго Штаба, которые произведены въ этотъ чинъ на Пасху 1904 года (28 Марта), ранѣе же получали произведенные 6 Декабря 1903 года.)

Однако-же назначенія эти скоро сильно замедлятся, такъ какъ съ одной стороны число Полковниковъ Генеральнаго Штаба, произведенныхъ въ этотъ чинъ въ 1904 году значительно болѣе числа таковыхъ производимыхъ въ пре- жніе годы, а съ другой—количество полковъ предоставленныхъ Генеральному Штабу сильно уменьшилось (Приказомъ по военному вѣдомству 1903 года

№ 211 предоставлялось изъ общаго числа 15 назначеній Гвардін—2, Генеральному Штабу—6, Армін—6 и офицерамъ переменной службы—1. Теперь же предоставляется, согласно приказа по военному вѣдомству 1907 г. № 53, изъ общаго числа 22 вакансій Гвардін—3, Генеральному Штабу—6, Армін—12 и офицерамъ переменной службы—1. Эта очередь въ теченіе года повторится, примѣрно, 3—4 раза.)

Такимъ образомъ офицеры Генеральнаго Штаба въ ближайшемъ будущемъ будутъ получать полки примѣрно на 24—27 году службы, нѣкоторые даже позже, что является далеко не заманчивымъ.

Новую норму ввели какъ разъ въ то время, когда очередь получать полки подошла крупнымъ производствомъ въ Полковники 1903 и 1904 годовъ (1903 г.—53 чел., а 1904 г.—72 чел.), и когда общее число офицеровъ Генеральнаго Штаба незадолго передъ тѣмъ увеличилось, т. е. когда движеніе и безъ того, само собою, вслѣдствіе увеличенія количества кандидатовъ затормозилось.

Введеніе этой нормы еще болѣе затормозитъ движеніе по службѣ рѣшительно всѣхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, т. е. сильно уменьшитъ ту единственную привиллегію передъ строевыми, о которой такъ много говорятъ, и которая, по мнѣнію М. Меньшикова, служила главной причиной бѣгства строевыхъ офицеровъ изъ армін.

Эта привиллегія Генеральнаго Штаба, при установленіи новаго порядка выдвигенія по службѣ строевыхъ, не будетъ, какъ мы показали выше, особою помѣхою для этихъ послѣднихъ. Уничтоженіе же этой привиллегіи, безъ установленія новаго порядка производства строевыхъ, будучи несправедливо по отношенію офицеровъ Генеральнаго Штаба, отразится лишь едва замѣтнымъ образомъ на карьерѣ строевыхъ, такъ какъ быстрому движенію ихъ по службѣ мѣшаютъ, главнымъ образомъ, они же сами во всей своей совокупности, представляя изъ себя огромное число кандидатовъ. Вѣдь на 50 младшихъ офицеровъ въ полку всего лишь 16 ротъ, а для 16 капитановъ всего лишь 4 батальона и т. д.

Но новый порядокъ выдвигенія по службѣ достойнѣйшихъ возможенъ лишь при условіи матеріальнаго обезпеченія офицеровъ, хотя бы путемъ проектируемыхъ нами прибавокъ по пятнадцатимъ.

Эта мѣра безусловно удержитъ на службѣ дѣльныхъ, энергичныхъ, преданныхъ военному дѣлу офицеровъ.

Будутъ уходить развѣ только такіе, которымъ наше дѣло окажется не по душѣ...

Ну, а такимъ—скатертью дорога!

М. Дорманъ.

Лѣтнія удовольствія

Вологжанъ.

И. Д. Александровъ.

(изъ воспоминаній о 70—80 годахъ).

Прежде чѣмъ говорить о лѣтнихъ развлеченіяхъ вологжанъ, я познакомлю читателя въ краткихъ чертахъ съ физісноміей самаго города, не касаясь его историческаго прошлаго. Слѣдуетъ замѣтить, что съ внѣшней стороны городъ Вологда ужасно консервативенъ; странствуя по немъ цѣлые дни въ концѣ 1906 г., я нашелъ здѣсь все по-старому, какъ было и 30 лѣтъ тому назадъ: уцѣлѣла неприкосновенно не только масса домовъ, свидѣтелей моего ранняго дѣтства, но даже окраска ихъ, вывѣски и надписи; только жалкіе фонари замѣнились висячими электрическими, да появилась масса телефонныхъ, телеграфныхъ и иныхъ столбовъ, въ которыхъ нынѣ можно заблудиться; богатая зелень сильно разрослась, превративъ много улицъ въ чудныя, тѣнистыя аллеи, каковы, напр., Козлена, Калачная и др. Вологда построена на болотахъ, притомъ довольно топкихъ, вслѣдствіе чего влаги здѣсь всегда избытокъ: послѣ дождей всюду пестрятъ огромныя лужи,—на площадяхъ, возлѣ домовъ, въ садахъ и огородахъ,—на коихъ полощатся обывательскія утки. Мѣстами верхній тонкій слой почвы, искусственно укрѣпленный, лежитъ на массѣ жидкой грязи и при ходьбѣ по немъ колыхается. Иногда онъ трескается или проламывается, и грязь изливается наружу. Такія зыбучія мѣста встрѣчались здѣсь не только по окраинамъ города, но даже и въ центрѣ его.

Въ планѣ городъ имѣетъ фигуру неправильнаго шестиугольника съ хвостомъ, причемъ р. Вологда, извинаясь съ сѣв.-зап. на юго-вост., дѣлитъ его на двѣ неравныя части, большую—на правой по теченію сторонѣ, и меньшую—на лѣвой; обѣ части сообщались двумя деревянными мостами, въ верстѣ одинъ отъ другого (Красный и Соборный). Впослѣдствіи Соборный мостъ былъ замѣненъ пловучимъ, который служилъ прекраснымъ дополненіемъ къ нашимъ путямъ сообщеній и, какъ образецъ строительнаго искусства конца XIX вѣка, попалъ... въ „Стрекозу.“ Большая часть города въ свою очередь дѣлится мутной и во-

плочей рѣчонкой Золотухой тоже на двѣ части. Дома въ городѣ, въ общей массѣ, преобладали деревянные, небольшіе, въ одинъ и два этажа, съ балконами и верандами. Каменныхъ было десятка три—четыре и всѣ они въ большинствѣ случаевъ были заняты или присутственными мѣстами, или же учебными и городскими учрежденіями, частныхъ—весьма мало.

Что невольню бросалось въ глаза при первомъ взглядѣ на городъ, такъ это обиліе церквей и деревьевъ, благодаря чему онъ издали казался огромнымъ монастыремъ, особенно лѣтомъ, когда дома утопаютъ въ густой зелени березъ, тополей, липъ и ольхъ, растущихъ въ городскихъ огородахъ, палисадникахъ и садахъ, а надъ зеленью высятся бѣлыя церкви, сіяя крестами и куполами. По множеству церквей Вологдѣ смѣло можно противопоставить Москву. Помимо обилія зелени, Вологда славится и понынѣ еще чуднымъ, тѣнистымъ бульваромъ, который тянется въ общей сложности около трехъ верстъ и въ лѣтнее время всегда полонъ публики.

Улицы города, довольно прямыя, были плохо вымощены булыжникомъ, но далеко не всѣ, причемъ сохранились очень небрежно. Отсутствие хорошихъ сточныхъ канавъ дѣлало то, что въ дожди грязь заливала сплошь улицы и обращала ихъ въ болота, а въ жаркую погоду грязь обращалась въ пыль и при сильныхъ вѣтрахъ носилась по городу и обволакивала его своеобразнымъ туманомъ. Большинство городскихъ площадей вовсе не были вымощены и весной и осенью превращались въ топкія болота, крайне неудобныя для всякаго рода передвиженій. Въ этомъ отношеніи классической грязью отличалась (да и по сіе время отличается) Казанская площадь, гдѣ находился зеленой рынокъ; тутъ вполнѣ можно было брать грязевыя ванны. Лѣтомъ же эти площади покрывались травой, на которой съ флегматичнымъ видомъ паслись обывательскія коровы, а ребятишки играли въ бабки, свайку и городки. Характерной чертой Вологды являлись узкіе деревянные мостки, взамѣнъ панелей, сохранившіеся въ полной неприкосновенности и по нынѣ. Ширина мостковъ была такова, что двое встрѣчныхъ пѣшеходовъ съ трудомъ могли разойтись; кромѣ того, уровень мостковъ противъ cadaго дома былъ разный, вслѣдствіе чего ходьба по нимъ ночью требовала особаго навыка, во избѣжаніе паденія или вывиха ноги, въ особенности, если принять во вниманіе проломы и провалы, встрѣчавшіеся на каждомъ шагу. Такъ какъ подпочвенной воды здѣсь всегда наблюдался избытокъ, то всѣ канавы,—непремѣнная принадлежность cadaго дома,—всегда были полны грязной воды, которая въ жары зацвѣтала, гнила и издавала своеобразный аромать. Въ такомъ же состояніи находились и всѣ пруды. Впрочемъ, при отсутствіи у обывателей въ то время какихъ бы то ни было понятій о гигиенѣ, санитарное состояніе города было ужасно и оставляло желать очень многого.

По мизерности домовъ, окраины Вологды скорѣе напоминали какой-нибудь посадъ или большое село, но никакъ не гу-

бернскій городъ, гдѣ сосредоточены были различныя правительственныя учрежденія. Патриархальность сказывалась не только въ наружности города, но и въ названіяхъ нѣкоторыхъ пунктовъ и улицъ его, которые указывали на топографическія особенности ихъ, какъ, напр., Никола на глинкахъ, Леонтьевскій ручей, Спасъ на болотѣ, Подлѣсная, Владычная слобода, Бхаловы кузнецы и т. п.

Наружности города вполне соответствовала и жизнь его обывателей. Строго говоря, общественной жизни и общихъ интересовъ у жителей Вологды и въ поминѣ не было; всѣ сидѣли по своимъ угламъ, и всѣ интересы каждаго заключались, главнымъ образомъ, въ изысканіи способовъ для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей; жили по поговоркѣ: „день прошелъ, и слава Богу.“ Если же обывателямъ иногда и приходила фантазія выбраться изъ своего угла, то они группировались въ небольшіе кружки, чуждавшіеся и злословившіе другъ друга. Скука, сплетни и нелѣпные слухи царили невозбранно во всѣхъ слояхъ мѣстнаго общества. Не смотря однакоже на это, вологжане изстари отличались рѣдкимъ гостепримствомъ и хлѣбосољствомъ, хотя эти прекрасныя качества и сводились преимущественно къ чае—и—винопитію и истребленію съѣстнаго въ гомерическихъ размѣрахъ.

Какія-же, спрашивается, удовольствія и развлеченія были лѣтомъ въ распоряженіи вологжанъ? Еще зимою давались спектакли въ плохонькомъ театрѣ, изрѣдка устраивались балы въ дворянскомъ и чиновничьемъ клубахъ, всегда шумно и весело проводились святки, о чемъ я говорилъ въ предыдущемъ очеркѣ, но лѣтомъ наступало полное затишье, хотя мѣстные обыватели, народъ крайне добродушный и скромный въ своихъ требованіяхъ, довольствуясь малымъ, и старались, по мѣрѣ силъ и возможности, развлекаться всѣмъ, что имѣлось подъ руками. Слѣдуетъ замѣтить, что вологжане любили пользоваться свѣжимъ воздухомъ и лѣтомъ не упускали случая насладиться скудными дарами нашей сѣверной природы, тѣмъ болѣе, что о дачной жизни тогда и понятія не имѣли.

Коснувшись лѣтнихъ удовольствій, сначала я опишу тѣ, которыя не выходили за предѣлы города.

Универсальнымъ занятіемъ лѣтомъ являлось гулянье на бульварѣ, куда ежедневно стекалась со всего города публика со всѣми чадами и домочадцами и здѣсь взадъ и впередъ апатично бродила, бесѣдуя о своихъ дѣлишкахъ и отчаянно судача.

Иногда на бульварѣ игралъ гарнизонный оркестръ, который услаждалъ нетребовательный вкусъ публики разными маршами. Бывали и представленія—какихъ-нибудь заѣзжихъ акробатовъ. Бульваръ и Соборная горка служили не только для отдохновенія публики, но и мѣстомъ объединенія молодежи обоого пола, которая знакомилась тутъ между собой.

Кромѣ бульвара, народнымъ развлеченіемъ служилъ т. н. Самаринскій садъ, расположенный на окраинѣ города близъ вокзала, гдѣ давались кое-какія представленія.—и самый вокзалъ,

куда ежедневно также стекалась публика по вечерамъ встрѣчать приходившіе поѣзда.

Вологжане лѣтомъ любили проводить время на лонѣ природы, осуществляя свои стремленія въ формѣ различныхъ загородныхъ прогулокъ пѣшкомъ и на лодкахъ въ подгороднія села: Ковырино, Прилуки, Турундаево.

Для загородныхъ прогулокъ вологжане группировались въ компаніи и при этомъ, куда бы ни отправлялись, постоянно запасались солиднымъ количествомъ разныхъ закусокъ, а также и выпивкой, кои и истребляли на мѣстахъ гуляній, гдѣ-нибудь на лонѣ природы, подъ развѣсистыми елями и березами, возлѣ самовара. Изъ подгородныхъ мѣстъ въ описываемое время наибольшей симпатіей вологжанъ пользовалось село Ковырино, принадлежавшее богатому помѣщику А. П. Набалову и славившееся своей чудной березовой аллеей, тянувшейся среди хлѣбныхъ полей версты на 1½, почти отъ города, и огромнымъ садомъ. Въ послѣднемъ, до сыта нагулявшись, всегда можно было найти за 20—30 коп. объемистый самоваръ. Дорогой любители собирали въ аллеѣ грибы и ягоды. Прогулки въ Ковырино, также, какъ и въ другія мѣста, всегда завершались традиционнымъ усиленнымъ чаепитіемъ и закуской, послѣ чего шло возвращеніе въ городъ.

Путешествіе въ Прилуки (Спасо-Прилуцкій монастырь, гдѣ находится могила поэта К. Н. Батюшкова) и Турундаево предпринимались большею частію на лодкахъ. Послѣднія доставались всегда у Краснаго моста, у нѣкоего Сотникова, гдѣ всегда можно было найти три-четыре десятка, всякихъ размѣровъ, фасона и окраски, отдаваемыхъ на прокатъ всего за одинъ сребренникъ въ сутки. Обиліе лодокъ у моста объяснялось тѣмъ, что вологжане любили развлекать себя катаньемъ на лодкахъ. Тутъ также собирались компаніи въ 10—15 душъ обоого пола, прихватывалась кѣмъ-нибудь изъ молодежи гармоника, подъ незатѣйливый аккомпаниментъ которой всѣ любили спѣть что-нибудь изъ русскихъ пѣсенъ. До этихъ веселыхъ поѣздокъ былъ особенно падокъ мелкій чиновный людъ, весьма обильный въ Вологдѣ. Иногда во время этихъ поѣздокъ выходило не мало курьезовъ и недоразумѣній, въ родѣ *поправки* причесокъ своимъ женамъ подгулявшими главами семействъ или принудительной высадки всего экипажа на необитаемый правый берегъ (недоѣзжая Прилукъ) какимъ-нибудь намѣкшимъ забіякой, попавшимъ въ компанію.

Первая самая оживленная поѣздка въ Прилуки всегда предпринималась 3 іюня (день Димитрія Прилуцкаго), когда въ монастырѣ былъ праздникъ и совершался изъ города крестный ходъ. Въ этотъ день монастырь и прилежащая къ нему селенія Прилуки и Коровничье буквально захлебывались отъ наплыва горожанъ, коимъ нерѣдко не хватало даже мѣстъ для чаепитія, а рѣка отъ города и до монастыря день и ночь пестрѣла множествомъ лодокъ съ разряженной публикой.

При поѣздкахъ въ Турундаево (внизъ по теченію) привалы

дѣлались наичаще въ усадебномъ саду Сорокина, куда былъ свободенъ доступъ для горожанъ, рѣже—въ крестьянскихъ избахъ. Если въ компаніи преобладала молодежь, то иногда оставались гдѣ придется, въ любомъ пунктѣ берега, и здѣсь, прямо на травѣ, подъ открытымъ небомъ, происходили подъ пѣсни или гармонику оживленные танцы и разныя игры.

Въ этихъ поѣздкахъ на лодкахъ было много своеобразнаго прелести, даже поэзіи, въ особенности въ первую половину лѣта въ періодъ дивныхъ бѣлыхъ ночей, когда, какъ говорится, зарею зарей сходится и ночь короче воробьиного носа.

Даже кладбища (въ особенности Введенское и Богородицкое) въ хорошую лѣтнюю погоду привлекали къ себѣ много публики, главнымъ образомъ по праздникамъ, которая гуляла здѣсь между могилами, читая отъ нечего дѣлать надгробныя надписи и эпитафіи, нерѣдко въ стихотворной формѣ.

Кромѣ описанныхъ мною удовольствій, носившихъ нѣкоторый оттѣнокъ общественности, существовали развлечения и занятія исключительно мужскія, какъ, напр., охота и рыбная ловля, насчитывавшія сотни любителей и заядлыхъ поклонниковъ среди вологжанъ. Оба эти занятія въ описываемое время процвѣтали, ибо дичь и рыбы подъ Вологдой водилась масса, и успѣхъ былъ всегда обезпеченъ.

Этимъ я и закончу мое повѣствованіе. Хотя въ лѣтнія удовольствія были чрезвычайно просты, незатѣливы и, пожалуй, безсодержательны, но зато онѣ были чужды натянутости, искусственности и скуки.

Л. Александровъ.

Среди друзей и враговъ.

„Хорошія книги—наши друзья;
дурныя—враги“.

Littera docet, littera nocet.

Книжное обозрѣніе.

I.

За счастье дѣтей.

(Д. И. Введенскій. *За счастье дѣтей*. Вопросы христіанскаго воспитанія.)

Мы хотимъ поговорить о сборникѣ Д. И. Введенскаго подъ тѣмъ же названіемъ, касающемся вопросовъ христіанскаго воспитанія дѣтей, изд. Уч. Сов. при Св. Синодѣ. Это объемистая книжка свыше 23-хъ печатныхъ листовъ, преслѣдующая благородную цѣль—ратовать за счастье дѣтей, которыхъ теперь безжалостно лишаютъ его. Но не надо смотрѣть на эту книгу, какъ на систематическій курсъ педагогики. Это лишь откликъ на педагогическіе запросы нашего времени, а потому трудъ чуждъ сухого изложенія учебника. Въ немъ авторъ всегда отправляется отъ живой современной дѣйствительности, отъ печальныхъ явленій въ дѣтской жизни... Углубляясь въ исторію, онъ въ ней ищетъ отвѣтовъ на мучительные вопросы, но въ то же время не упускаетъ изъ вида и новѣйшихъ изысканій въ области педагогики.

Каждое дѣло измѣряется по его результатамъ. Такъ и дѣло воспитанія человѣчества. Поэтому авторъ подводитъ итоги воспитанія на зарѣ христіанства и указываетъ на его блестящіе результаты въ лицѣ сонма людей вѣры и подвига, каковы: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Амвросій Медиоланскій, Климентъ Александрійскій и мн. др. Всѣ они были не только хорошо

обучены наукамъ, но и хорошо наставлены, воспитаны, за что платили горячею любовью своимъ учителямъ. Такъ Григорій Неокесарійскій, выйдя изъ школы Оригена, сравнивалъ себя съ Адамомъ изгнаннымъ изъ рая. Но примѣръ любви къ воспитателю выразился еще ярче при казни въ Римѣ христіанскаго философа св. Іустина, за которымъ добровольно послѣдовали все ученики его школы, которые и были тоже казнены.

Такъ велико значеніе учителя въ дѣлѣ воспитанія и древность рекомендовала относиться къ нимъ со строгимъ выборомъ.

Кромѣ учителей важное вліяніе на дѣтей оказывала семья и главное—матери. Не только у всѣхъ святыхъ мужей, но даже и у всѣхъ выдающихся и талантливыхъ людей были хорошія и одаренныя матери: Анеуса у Іоанна Златуста, Эммелія у Василія Великаго, Нонна у Григорія Богослова, Моника у блаж. Августина и мног. др.

Видъ добродѣтельной Анеусы, которая овдовѣвъ въ 20 лѣтъ отказалась отъ личной жизни для воспитанія сына, такъ поразилъ языческаго ритора Ливанія, что онъ воскликнулъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ:

— Ахъ, какія у христіанъ женщины!

„Любовь, а гдѣ нужно молитвенныя слезы и святая скорбь—вотъ основа истиннаго воспитанія“, говоритъ авторъ, передавъ исторію спасенія Моникою своего сына съ пути порока.

Естественно, что такіе воспитатели и матери развивали въ ученикахъ и дѣтяхъ стремленіе къ христіанскому самосовершенствованію, не пренебрегая и науками свѣтскими.

Въ тѣ времена, какъ и въ наше, очень много и говорилось и писалось о воспитаніи. Но идеалы языческіе рѣзко расходились съ идеалами христіанскими. Тогда какъ первые старались стяжать блага земныя: богатства, почести и славу,— послѣдніе стремились снискать блага небесныя и утверждали въ дѣтяхъ религіозность съ самыхъ младенческихъ лѣтъ, обучая ихъ пѣнію псалмовъ объясняя имъ значеніе христіанскихъ праздниковъ. Слѣдствіемъ этого,—по признанію Григорія Богослова,—у нихъ съ другомъ Василіемъ Великимъ были двѣ дороги изъ дома—„превосходнѣйшая—въ храмъ, и другая—не равнаго достоинства—къ свѣтскимъ наставникамъ. Прочія же дороги: на зрѣлища, праздники, ристалища, собранія—мы предоставляли желающимъ“.

Столь высокая религіозная настроенность друзей объясняется воспитывающимъ вліяніемъ церкви, въ которой оживляется воспоминаніе о земной жизни Іисуса Христа.

Переходя къ современности, авторъ напоминаетъ что О. М. Достоевскій ясно сознавалъ все великое значеніе семьи и ея глубоко воспитательное значеніе на дѣтскую душу. Его Алеша Карамазовъ внушаетъ дѣтямъ:

„Нѣтъ выше и сильнѣе, здоровѣе и полезнѣе впредь для жизни, какъ хорошее какое нибудь воспоминаніе и особенно вынесенное еще изъ дѣтства, изъ родительскаго дома... Если много набрать такихъ воспоминаній съ собою въ жизнь, то спасенъ человѣкъ на всю жизнь. Даже иногда и одно хорошее воспоминаніе можетъ послужить намъ во спасеніе... Можетъ быть оно его отъ великаго зла удержать!“

Потому важно запастись этимъ, что въ дѣтской душѣ отъ природы заложены инстинкты добра и, зароненное въ нее малое доброе сѣмя, когда нибудь принесетъ и добрый плодъ. Все сказанное относится не только къ дѣтской душѣ, но также и къ народной. Достоевскій говоритъ: „Берегите и народъ, оберегайте его, ибо нашъ народъ—Богоносецъ“.

Но школа перестала справляться съ психологіей дѣтей и преждевременно начинаетъ ихъ головы такою мудростію, съ которой мозгъ не въ силахъ справиться и—устаевъ. „Откуда преждевременное разочарованіе въ жизни и полный разладъ съ нею, говоритъ Д. П. Введенскій:—и каждая новая смѣна поколѣній даетъ большій и большій процентъ дѣтей, перестающихъ быть счастливыми въ самую беззаботную пору жизни“.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не жаль дѣтей, которые, въ подражаніе взрослымъ, устроили собраніе, по сообщенію газеты „Иверія“, гдѣ малолѣтній ораторъ, поднятый на руки, чтобы его всѣ видѣли, произнесъ:

— „Братья и товарищи! У насъ много враговъ, они хотятъ насъ поглотить, но мы ихъ встрѣтимъ молодцами! Да здравствуетъ братство и свобода!“

Можетъ ли идти дальше этого извращеніе дѣтства! Къ учителямъ такіа дѣти относятся съ порицаніемъ, какъ у насъ то было въ Ковенской гимназій. А когда еще воспитатели стремятся вытравить въ дѣтской душѣ имя Божіе, то дѣти кончаютъ трагически, какъ Лйонель въ „Исторіи дѣтской души“, или же вступаютъ на путь порока и преступности. Ибо чѣмъ инымъ объяснить все возрастающій и поражающій прогрессъ преступности среди современнаго юнаго поколѣнія, какъ не отсутствіемъ вѣры и нравственной дисциплины? Объ этомъ свидѣлствуютъ не рѣдко сами дѣти, какъ напр. Госманъ на судѣ въ Оберкирпфѣ, объяснившій свои преступления тѣмъ, что ему никто въ дѣтствѣ не внушалъ правилъ нравственности и дисциплины.

Въ противоположность древности, современность стремится отучить дѣтей отъ религіи, считая ее пережиткомъ и безжалостно губить непроизвольно все хивающія въ дѣтскихъ душахъ святаа искры религіозности. А между тѣмъ храмъ—это мѣсто сладостнаго успокоенія и возобновленія для намученныхъ нервовъ и скорбящей души. Безъ храма человекъ выростетъ въ одиночествѣ: не къ кому обратиться со своимъ горемъ, не откуда почерпнуть силъ при страданіяхъ. По этому дѣти вырастающіе безъ храма—поистинѣ несчастные дѣти. Не мудрено, что не устоявъ въ жизненной борьбѣ, они предаются пьянству, которое широкой волной разлилось по Руси. Отчасти это объясняется упадкомъ авторитета школы. Общеизвѣстны печальныя педагогическія правила, по которымъ взрослые не идутъ къ дѣтямъ, а *манятъ* ихъ за собою, въ свою среду. А современная политика партій вовлекаетъ въ свой водоворотъ не только взрослыхъ но и дѣтей. Этотъ разлагающій взглядъ на воспитаніе, къ несчастію, проникъ даже и въ семью, которой Самъ Спаситель придавалъ чрезвычайно важное значеніе, считая ее символомъ всего священнаго. „Иисусъ Христосъ, такъ мало касавшійся въ Своемъ ученіи политики и соціальныхъ вопросовъ,—ишетъ Д. И. В—скій:—часто и въ притчахъ и въ бесѣдахъ придавалъ институту семьи важное значеніе. Все Его богословіе можно назвать прославленіемъ семьи. Богъ, по ученію Евангелія, это Отець, а человекъ Его дитя и дитяти преподается Отцомъ драгоцѣннѣйшее примирительное благовѣстіе объ Отеческой любви... Это-то священное начало примиряющей любви, правило заботливой понечительности отцовъ о дѣтяхъ, общества о „малыхъ сихъ“ и отнимается у современныхъ намъ дѣтей, которыя, какъ жертва молоду, умерщвляются въ своемъ чистѣйшемъ существѣ и приносятся во всеожженіе беззаконной тираніи—тому неумолимому идолу, который именуется „будущимъ экономически-благоустроеннымъ обществомъ“. Духовное оздоровленіе въ дѣтскую среду могутъ внести лишь школы съ такими воспитателями, какъ Рачинскій. Онѣ же могутъ вести борьбу и съ пьянствомъ, показывая весь вредъ его. На ряду со школами должны вступить въ борьбу и благотворительныя общества во главѣ съ Церковью. Задача всѣхъ этихъ факто-

ровъ посѣять въ дѣтскихъ душахъ сѣмена вѣры и, взростивъ ихъ, возбудить „теченіе встрѣчное противъ теченія“, которое вступило-бы въ борьбу съ наплывомъ темнаго варварства „натискомъ времени“. Что, какъ не варварство подобное звѣрство: шли парни зимою черезъ лѣсъ и повстрѣчали женщину съ ребенкомъ. Изъ одного хулиганскаго озорства они раздѣли до нага бабу и привязали ее къ дереву. Разумѣется баба съ ребенкомъ замерзла. Д. И. Введенскій—приводитъ въ заключеніе прозекъ одного сельскаго священника, объ образованіи изъ взрослога женскаго населенія „арміи самоспасенія“. Исходя изъ поговорки: „Какова мать таковъ народъ“, пастырь предлагаетъ доучивать дѣвушекъ въ особыхъ школахъ правиламъ вѣры, домоводства и гигиены. Такія жены будутъ вліять благотворно на мужей и непремѣнно поднимуть свою семью какъ въ религіозномъ, такъ и культурномъ отношеніи.

Мы нарочно такъ подробно остановились на этой замѣчательной книгѣ, желая заинтересовать ею читателя. Теперь много пишется и здра по вопросамъ воспитанія, а потому трезвыя, здравыя мысли высказанныя въ сборникѣ заслуживаютъ полнаго вниманія какъ со стороны воспитателей, такъ и родителей. Надо именно вникнуть въ сущность вопроса, чтобы отнестись къ нему съ должной серьезностію. Авторъ, очевидно, много работалъ надъ „болевыми вопросамъ“, и потому то обнаружилъ, при солидномъ знаніи дѣла, и солидное отношеніе въ разрѣшеніи вопросовъ воспитанія твердою рукою и съ большимъ талантомъ защищая „счастье дѣтей“. Эту книгу, прекрасную по мыслямъ и богатую фактическимъ жизненнымъ матеріаломъ, желательно видѣть въ каждой русской семьѣ.

А. Догановичъ.

II.

Далекіе годы.

(Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассень. 3 тома.)

„Изъ дальнихъ лѣтъ“—это воспоминанія покойной Татьяны Петровны Пассекъ, писательницы для дѣтей и основательницы журнала „Игрушечка“. Первоначально они появились въ „Русской Старинѣ“ (1876 года) и такъ какъ представляли собою довольно широкую картину московской жизни тридцатыхъ годовъ, вдобавокъ въ нихъ скользили силуэты такихъ лицъ, какъ Герценъ, Огаревъ и Утинъ, то не мудрено, что вызвали общественный интересъ и оживленные замѣчанія со стороны старожиловъ и библиографовъ. Помнимъ, напр., Дм. Дм. Голохвостова (въ „Русскомъ Архивѣ“, 1876, книга 2).

Первое изданіе „Изъ дальнихъ лѣтъ“ давно распродано и попадаетъ только у антикваровъ и букинистовъ, которые, памятуя одиннадцатую заповѣдь: „не зъвай“, подняли цѣну „воспоминаній“ до 15 рублей. Фирма Маркса, бросивъ на рынокъ второе (5 р. 50 к.) изданіе, съ портретами, конечно, уронила цѣну перваго, которое представляетъ теперь только интересъ „премьеры“.

Съ первыхъ строкъ мемуаристки развертывается родословную книгу Яковлевыхъ, подготавливая появленіе Ивана Яковлевича Яковлева и знаменитаго сына его Алекс. Ив. Герцена. Портретъ Яковлева вырисовывается немногими штрихами: большой, но вѣдый умъ, добрая душа и стойкій характеръ. „Воспитанный французомъ-гувернеромъ, какъ называла, родственникомъ Вольтера, овѣ-

говорилъ правильнѣе по-французски, нежели по-русски, и не дочиталъ до конца ни одной русской книги. Услышавши, что императоръ Александръ читалъ исторію Карамзина, самъ попробывалъ-было прочитать ее, но съ первыхъ-же страницъ закрылъ и не открывалъ больше никогда. Изъ русскихъ литераторовъ онъ уважалъ только Державина и Крылова: перваго за то, что написалъ стихи на смерть ихъ дяди, князя Мещерскаго; втораго за участіе вмѣстѣ съ нимъ въ дуэли Николая Николаевича Бахметьева, на которой онъ былъ секундантомъ“.

Вообще, натура черствая и вовсе не „поэтическая“.

Т. П. Пассекъ.

Кто видѣлъ портретъ Герцена, работы К. Горбунова, тотъ согласится, что есть не мало внѣшняго сходства у отца съ сыномъ, и Герценъ не Богъ вѣсть какъ привлекателенъ... Его матерью была „красивая брюнетка“, родившаяся въ Штутгартѣ, Генриетта-Вилгельмина-Луиза Гаагъ, по словамъ однихъ нѣмка, по словамъ-же другихъ—еврейка. Вопросъ открытый. Пассекъ не разрѣшила его. Бѣжавъ въ Россію изъ безотраднaго родительскаго дома, Гаагъ,—пишетъ Пассекъ,—съ Ив. А. Яковлевымъ „остановились на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Александра Алексѣевича Яковлева. 1812 года, 25 марта, въ бель-этажѣ этого дома у Генриеты родился сынъ; его назвали Александромъ по крестному отцу Александру Алексѣевичу, а по Ивану Алексѣевичу—Ивановичемъ, усыновившему его какъ воспитанника. Фамилію ему дали Герценъ, подразумѣвая, что онъ *дитя сердца*“... И все. Алекс. Ив. Герцень—„Herzchen“...

Саша, ласкательное „Шушка“, родился слабымъ, тщедушнымъ. Свидѣтельница дѣтскихъ лѣтъ Герцена, Пассекъ описываетъ ихъ занимательно и съ тою нѣжною любовью къ этому послѣднему, которою онъ вообще избалованъ. Охваченная обаяніемъ личности творца „Вылого и Думъ“ и издателя „Колокола“, наша интеллигенція до сихъ поръ продолжаетъ сочинять только акаенсты въ честь Герцена, хотя онъ былъ человѣкомъ, какъ и я, и вы,—какъ и всѣ-мы, и стало-быть не можетъ составлять исключенія для критики. Обаяніе обаяніемъ и останется, однако—не пора-ли всесторонне да поглубже выикнуть въ Герцена, какъ это болѣе или менѣе удалось г. М. О. Гершензону съ характеристикой Чаадаева. Человѣческіе недостатки, свойственные общественному дѣятелю, не должны страшить истолкователей его. О Герцень предпологаетъ издать особый трудъ проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій.

Дѣтство А. И. Герцена, какъ и самой Т. П. Пассекъ, протекало въ кра-

сивой, пестрой, великолѣпной панорамѣ Москвы, которая много разъ вспоминалась историческими журналами. И есть что вспоминать: какія фигуры, какіе типы!... Все вышукло, колоритно, ярко такъ, какъ теперь и во снѣ не снится. Разъ дѣйствіе разсказа уносится изъ Бѣлокаменной,—и начинаютъ мелькать бытовые картины на деревенскомъ или провинціальномъ фонѣ, воскресаютъ тѣ условія и возможности, при которыхъ Крыловы, Некрасовы и мало-ли кто еще!—наблюдали, поучались, клали на себя печать народа. Пассекъ видѣла Волгу, городишко на ней Корчеву,—дѣвочка пропитывалась русскимъ духомъ, мыслила и, поэтому, можетъ-быть, все больше и больше начинала понимать, цѣнить и любить Герцена, сердечнаго, любящаго, пылкаго. Не ему-ли да Вадиму Пассеку посвящены лучшія страницы „Изъ дальнихъ лѣтъ?“ (Любопытно, однако, отмѣтить склонность Герцена къ неприятнымъ, какъ выражается Пассекъ,—*espiegleries* (шалостямъ), когда проявлялась даже жестокость. Наслѣдственная черта?)

Семейство Пассекъ входитъ въ кругъ воспоминаній, какъ талантливая, изящная и нѣжная плеяда появляется на лазурномъ небосводѣ. Т. П. (тогда еще Яковлева: дочь Петра Алексѣевича. Отсюда выводъ: съ Герценомъ они были двоюродный братъ и сестра;) рисуетъ мягкіе, чисто-акварельные образы братьевъ Дюмида и Вадима Пассековъ. За второго изъ нихъ она вышла замужъ 1832 года, а 10 лѣтъ спустя потеряла его: Вад. Вас. скончался (34-хъ лѣтъ отъ роду). Если Дюмядъ Пассекъ памятенъ, какъ храбрый воинъ, героически погибшій на Кавказѣ въ стычкѣ съ горцами и авторъ „Сравненія Карла XII съ Пегромъ Великимъ“, то В. В.—чть, братъ его, не забудется, какъ незаурядный, трудолюбивый и въ свое время извѣстный писатель-этнографъ. Его „Очерки Россіи“ (5 книгъ съ атласомъ рисунковъ его и брата)—теперь рѣдкостная и цѣнная книга. Ее не скучно перелистывать. Въ предисловіи къ „Литературному вечеру“, сборнику, составленному въ память В. В. Пассека изъ трудовъ писателей, „которые скорбѣютъ о довременной потерѣ этого достойнаго человѣка“, нѣтъ пристрастныхъ словъ. Пробѣгите страницы сборника и вы увидите, что скорбѣли Снегиревъ, Вельтманъ, Загоскинъ, Огаревъ, Шевыревъ, Н. Языковъ, К. Павлова, Бакунина, Н. Сатинъ, Я. Полонскій, Подолинскій, Ѳ. Глинка и друг.

Появленіе на страницахъ книги семьи Пассекъ оживляетъ ихъ галлерей многихъ другихъ извѣстныхъ лицъ. Съ одной стороны Шамиль и наши кавказскіе орлы, бойня, кровь, истребленіе человѣчества; съ другой стороны—умственная жизнь, запросы духа, литература, наука, профессора, студенты. Пассекъ живописно представляетъ все, что бросалось въ поле ея зрѣнія или касалось ея чуткаго слуха. Событія и картины живо проходятъ передъ читателемъ, событія и картины; какъ льдины въ половодье, налѣзаютъ другъ-на-друга, встаютъ горами, а съ ними встаетъ, возстаетъ, возстанавливается цѣлая эпоха, богатая контрастами: свѣточами и тьмой, рабствомъ и свободолюбіемъ.

Сколько милыхъ образовъ! сколько дорогихъ тѣней!.. Достойны вѣчнаго блаженства, кто, любя отчизну, прожилъ жизнь съ печалью и гнѣвомъ; но развѣ оно отнимется и у кроткихъ? Лажечниковъ (авторъ „Васурмана“, „Ледяного дома“ и „Послѣдняго Новика“), рано угасшій Станкевичъ, Ѳ. Глинка (эта „Божья коровка“), Вельтманъ, Витбергъ, Даль, Загоскинъ и другіе *кроткіе* длинной вереницей проходятъ чрезъ горнило памяти Т. П. Пассекъ, только рѣзче подчеркивая контуры Герцена, Бѣлинскаго, Грановскаго и пожалуй отчасти Кетчера, Сатина и другихъ.

Александръ Даврентьевичъ Витбергъ,—злополучный строитель храма Хри-

ста Спасителя на Воробьевыхъ горахъ въ Москвѣ,—выдвигается здѣсь во всей красотѣ и чистотѣ своего нравственнаго облика. Со смерти честнаго и необыкновенно-талантливаго Витберга (1855 г.) о немъ писано уже не мало; пятна (случайныя и „дружескія“) съ солнца его порядочности и честности давно уже смыты безпристрастіемъ, но объ этомъ скандинавѣ съ русскою душой можно еще многое написать, и, сколько намъ извѣстно, Ѳ. А. Витбергъ готовить обстоятельный трудъ о своемъ выдающемся отцѣ. Пассекъ права: да, „Витбергъ извѣдалъ всѣ муки, которыя могутъ быть знакомы только людямъ, обладающимъ даромъ творчества: чувствовать, что могъ-бы привести въ восторгъ всѣхъ красотою своихъ созданий, величіемъ и блескомъ идей, воплощенныхъ въ прекрасныя формы, и въ то же время ограничиваться изображеніемъ ихъ на бумагѣ, зная, что никогда онѣ не воплотятся въ тѣ формы, которыя увѣковѣчили-бы ихъ для потомства.“ Фигуры Витберга и Герцена, фигуры трагическія, рѣзко выдѣляются среди остальныхъ у Пассекъ, не исключая Огарева, Бакунина и Утияна. Тѣ проскальзываютъ силуэтами, метеорами или чѣмъ хотите безъ особаго захвата читателя. Это вызываетъ какъ-бы досаду на скудость автора, но „враждебное“ чувство тотчасъ и улеглось, какъ волна въ минуты морской дремы, когда подумаешь: а вѣдь какая галлерея портретовъ знаменитостей захвачена! и какъ далеко и широко разбрасываются эти воспоминанія,—понистіяѣ „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“... И тогда прощайшь одностороннюю характеристику Герцена, и торопливое сужденіе о Катковѣ, и только упоминаніе о Съченовѣ, Менделѣевѣ и другихъ славныхъ покойникахъ, которые были скупы на слова, когда дѣло касалось тоже воспоминаній.

Въ концѣ-концовъ, „Изъ дальнихъ лѣтъ“—очень занимательная и содержательная книга, которую неоднократно пользовались и наши большія энциклопедіи. „Всѣ роды искусства хороши кромѣ скучнаго“, выразился Вольтеръ, а Пассекъ какъ-разъ и не любила и избѣгала скуки. Она знала тоску, скорбь и одиночество, но не скуку.

Въ трехъ томахъ ея воспоминаній 1168 страницъ убористой печати; это цѣлый годовой томъ „Нивы“, „Родины“, „Сѣвера“, и на каждой страницѣ отыщешь что-нибудь цѣнное, любопытное, глядишь: новый милый силуэтъ! Каза-лось-бы, повѣданъ пустенькій случай, аяъ-раскусишь его и получишь знаменательное, „типичное“ ядро орѣха, и орѣха-то „истинно-русскаго!“

Вотъ напримѣръ:

Лѣтомъ 1845 года Герценъ съ женою жили въ Соколовѣ, имѣніи Дивова; неподалеку занималъ дачу знаменитый актеръ М. С. Щепкинъ; каждую недѣлю, дня на два, на три пріѣзжали Грановскій и Коршъ... Иногда съ Коршемъ и Грановскимъ пріѣзжалъ въ Соколово П. В. Анненковъ, издатель Пушкина. Всѣ любили и уважали его,—онъ этого и стоилъ. Однажды при Анненковѣ всѣ друзья отправились полежать на берегу рѣки подъ деревьями, велѣли принести себѣ туда шампанскаго. Подъ горой, на которой они расположились, текла рѣка, а за рѣкой виднѣлись поля, на которыхъ золотились рожь и овесъ. Жара была страшная. Въ полѣ работали крестьяне. Анненковъ, держа въ рукахъ бокалъ шампанскаго и указывая на работавшихъ, шутя сказалъ: „а, право, пріятно, лежать подъ деревьями, попивать шампанское и глядѣть, какъ въ полѣ идутъ работы; жарко имъ, должно-быть! ну, да за то намъ хорошо!“—„Право отлично“,—подтвердили другіе, захотали, да вдругъ и стихли. Всѣ почувствовали себя неловко. Грановскій бросилъ бокалъ и отвернулся.

— Ну, братецъ,—сказалъ Е. Ѳ. Коршъ, обращаясь къ Анненкову:—отравилъ ты намъ жизньъ.

Эпоха, быть какъ на ладони. Ну, какъ-же послѣ этого не цѣнить воспоминаній Т. П. Пассекъ!? Они нужны справочникъ для историка литературы, для бытописателя Россіи первой половины XIX вѣка, для историческаго романиста... Вообще, они много даютъ, но я хотѣлъ-бы указать еще на одну ихъ особенность,—въ воспоминаніяхъ не звучитъ ни сердитыхъ, ни злобныхъ нотокъ. Отчего это, я не знаю, потому что не зналъ Т. П. Пассекъ, можетъ-быть, это оттого, что, долго живя на свѣтѣ, умная женщина все сумѣла понять, и понявши, все простить. А можетъ-быть, незлобіе—черта старыхъ русскихъ женщинъ? Софья въ „Горѣ отъ ума“ упрекаетъ Чацкаго за то, что онъ добра ни о комъ не говоритъ... Пассекъ не вглядывается ни въ кого изъ тѣхъ, о комъ пишетъ, такъ, чтобы замѣтить его „волюющія черты.“ Съ тонкой деликатностью, безъ страстности, она касается разлада своего мужа *съ западниками*, хотя это событіе имѣло значительныя послѣдствія для Вад. Вас. Пассекъ. Буренинъ, а не она, ярко освѣтилъ это событіе. Или хотя-бы эти строки изъ перваго тома (стр. 123, о своемъ дѣтствѣ): „больше всѣхъ мы лжили слушать Милорадовича и еще больше любили самого его. Намъ нравилось его открытое, благородное лицо, пріятный взглядъ, живой разговоръ съ рѣзкой мимикой и громкимъ смѣхомъ, его блестящій мундиръ, высокій султанъ на шляпѣ, звѣзды на груди, множество крестовъ на шеѣ. Онъ иногда снималъ кресты и давалъ намъ ими играть. Случалось, что Саша (т. е. Герценъ), играя крестами, ровнялъ нѣкоторые на полъ, на другой день, убирая комнату, ихъ находили и отсылали къ Милорадовичу, который уѣзжалъ, не замѣчая утраты.“

Несмотря на рядъ десятилѣтій, воспоминанія остались живой, занимательной и нужной книгою. Видно, настоящій талантъ живучѣе нѣсколькихъ „земскихъ давностей.“ Жаль, что не приложенъ алфавитный указатель: онъ необходимъ.

Павель Россіевъ.

III

Неказовой герой.

Мищенко.—Изъ воспоминаній о Русско-Японской войнѣ.

В. А. Апушкина.

Изд. Березовскаго. Ц. 1 р. 25 к.

Передъ нами очень интересная книга воспоминаній о Русско-Японской войнѣ В. А. Апушкина, бывшаго официальнымъ корреспондентомъ одной официальной газеты, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ ходомъ военныхъ событій и близко узнать многихъ дѣйствующихъ лицъ.

Первая книжка этого автора посвящена ген. Куропаткину, а вторая—ген. Мищенко. Рисунъ портретъ этого генерала, заслужившаго себѣ столь добрую славу въ народѣ, при чемъ на имени его не осталось ни малѣйшаго пятнышка, авторъ стремится дать разгадку личнаго обаянія Мищенко на окружающихъ. Народная душа такъ же чутка, какъ и дѣтская и обмануть ее нельзя. Не даромъ говорится: гласъ народа—гласъ Божій. Самая главная заслуга генерала въ томъ, что онъ сумѣлъ внушить солдатамъ вѣру въ себя. Они безгранично вѣрили ему во всемъ, начиная отъ самыхъ мелочей, вплоть до крупныхъ вещей.

— Мищенко заведеть, но и выведеть!—говорили солдаты и всюду слѣпо шли за своимъ вождемъ.

Одаренный острой проницательностью и чуткостью, генералъ всегда вѣрно угадывалъ моментъ и дѣйствовалъ какъ бы на вѣрняка. Личное мужество, хладнокровіе, самообладаніе въ соединеніи съ желѣзной волей—создавали ему успѣхъ на ряду съ популярностью, не смотря на всю незначительность его положенія въ началѣ войны: онъ былъ начальникомъ лишь небольшого передового отряда, несшаго развѣдочную службу сначала въ Корей, а потомъ въ Манчжуріи. Надо было обладать талантомъ, чтобы выдвинуться на этомъ посту. Лишь при концѣ войны Мищенко получилъ самостоятельный отрядъ и самостоятельное назначеніе.

Генералъ Павелъ Ивановичъ Мищенко.

Но помимо боевыхъ заслугъ значеніе Мищенко очень велико въ смыслѣ чисто воспитательномъ. Онъ основательно изучилъ психологію своихъ подчиненныхъ и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы преподать имъ добрый урокъ. Такъ, полковника Зимина онъ посылаетъ добыть изъ подъ занятой Японцами Сяндзи раненыхъ офицеровъ: Токмакова и Краснопольскаго. И Зиминъ исполняетъ это съ опасностью для своей жизни, зная, что „не исполнить приказанія Мищенки нельзя“. Въ служебныхъ требованіяхъ генералъ очень строгъ и взыскателенъ. Еще съ большимъ трудомъ достали трувь добровольца-француза Бюртена, павшаго геройскою смертію подъ ханшиннымъ заводомъ въ Инкоу.

Солдатъ Мищенко училъ человѣколюбивому обращенію съ врагомъ: зря его не убивать, сдавагося падить, раненому всячески помогать, и за зло платить добромъ, памятуя всегда, что мы христіане, а они язычники.

И уроки генерала доходили до солдатскаго сердца.

Вотъ казакъ Дорофей Першинъ при атакѣ японскаго разъѣзда погнался за японцемъ, который ужалъ съ лошадыю въ оврагъ.

Першинъ настигъ его. Но тотъ уже всталъ и съ саблей ждалъ противника. Першинъ не застрѣлилъ его, а ради *честнаго боя* такъ же спѣхнулся и съ шашкою бросился на японца. Оба они оказались прекрасными бойцами и фехтованіе вышло очень продолжительнымъ, пока, наконецъ, Першинъ не одолѣлъ врага.

Война оказалась у Мищенко прекрасной школой для солдатъ, научивши ихъ мужеству, строгой дисциплинѣ, поднявши въ нихъ патріотизмъ. Эти хорошія качества были присущи не только его старымъ служакамъ, но ихъ немедленно усваивали и части молодня, являшіяся для укомплектованія отряда. У Мищенко не было лѣтяевъ или трусовъ, его солдатъ былъ образцовый, готовый на всякія жертвы, на любые подвиги—солдатъ—герой, какъ у Скобелева и Суворова.

Самъ Мищенко являлся для нихъ любимымъ „батькой“—отцомъ-командиромъ. Апушкинъ говоритъ, что „желаніе драться“ составляло духовную сущность Мищенко, который умѣлъ вдохнуть это же и солдату. Мищенко по натурѣ настоящей боевой генералъ, и дѣйствительно „воевалъ по настоящему“ въ точности исполняя каждую поставленную его отряду боевую задачу, примѣняя при этомъ всю широту присущей ему инициативы.

— „Чуть немножко, знаете, тяжело, такъ сейчасъ и отступать,—негодующе говорилъ Мищенко,—такъ-съ нельзя воевать!“

Его отрядъ, составленный изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, походилъ на Запорожскую Сѣчь, жилъ такъ же объединенно, какъ одна семья, гдѣ товарищество было боевое, самое настоящее. И это являлось такъ же плодомъ воспитанія Мищенко.

— „Научная, теоретическая подготовка въ нашемъ дѣлѣ много значить,—говорилъ онъ:—Но если не имѣть желанія и стремленія драться, и драться какъ бы ни пришлось—дѣлы не имѣетъ; ну, а со слабой подготовкой, но съ сердцемъ, исполненнымъ жаждою схватки, съ душою, провизкнутою чувствомъ долга, сдѣлать можно много.“

Такъ этотъ боевой генералъ понимаетъ свои обязанности и такъ готовится къ войнѣ своихъ солдатъ.

Какъ о выдающемся полководцѣ о Мищенко писали много, но никто раньше Апушкина не отмѣтилъ его столь же выдающихся способностей „воспитателя“. Поэтому знакомство съ разбираемой книгой очень важно. Освѣщать такія замѣчательныя личности, какъ Мищенко и дѣлать ихъ родными и близкими каждому русскому сердцу, (а не только героямъ его сподвижникамъ: хоружему Макарову и казаку Пятыхъ)—имѣемъ высокое воспитательное значеніе для народа въ смыслѣ поднятія патріотизма и развитія чувства долга.

Книжка украшена многими фотографіями и рисунками и читается съ захватывающимъ интересомъ.

Для полноты знакомства съ книжкою приведемъ выдержку съ трогательнымъ описаніемъ казачьихъ похоронъ.

„Въ 9 часовъ утра назначены были похороны жертвъ боя,—пишетъ авторъ:—все казаковъ 4-й сотни, взрубленныхъ въ Снядею и доставленныхъ Зиминнымъ. Подъ горою, за бивакомъ, выстроился въ пѣшемъ строю развернутымъ фронтомъ Читинскій полкъ. Передъ фронтомъ его поставили убогій деревянный столикъ, взятый изъ брошенной китайской фанзы. На столъ поставили

чей-то походный небольшой образок и передъ нимъ затеплили одинокую тонкую восковую свѣчу.

Тѣла убитыхъ лежали врядь передъ столомъ, завернутыя въ пыновки изъ соломы, долженствовавшія замѣнять имъ гробъ.

Пришелъ священникъ Барнаульскаго полка, пришелъ самъ Мищенко и весь его штабъ, раздалась команда—„Шапки долой, на молитву!“—И хоръ трубачей заигралъ „Коль славень“...

Полились торжественные, величаво-спокойные звуки этого гимна. И жизнь всего бивака замерла, пока они лились и уносились въ голубое небо, тумана взоры слезами умиленія и скорби, волнуя сердце и щема его неясной болью.

Отзвучали они—началась литія. Вотъ и „вѣчную память“ пропѣли 3—4 любители пѣвчихъ. Священникъ благословилъ тѣла, къ нимъ приблизились товарищи-казаки, положили ихъ на носилки, украсили ихъ домовины зеленою травою, сорванною на поляхъ Манчжуріи, подняли на плечи и вынесли впередъ, вытянувшись въ нитку. Впереди становятся пѣвчіе... Процессія уже готова тронуться. Еще разъ звучитъ гимнъ „Коль славень...“ и за послѣднимъ аккордомъ его раздается команда полковника Павлова—„Шагомъ маршъ!“

Мы идемъ: пѣвчіе, носилки, священникъ, генераль со штабомъ, полкъ. Чередуясь, музыка играетъ похоронный маршъ, пѣвчіе поютъ „вѣчную память“.

Навстрѣчу процессіи бѣгутъ съ бивака и становятся шпалерами оренбуржцы, барнаульцы, артиллеристы-забайкальцы и пограничники. Мы идемъ мимо бивака и поднимаемся на крутую, высокую гору, у подножія которой онъ раскинулся.

На скатѣ ея ждетъ хоръ музыки барнаульскаго полка, и звуки его марша сливаются, перебиваютъ трубачей-четинцевъ.

Мищенко тутъ же благодарно, жметъ руку командиру барнаульцевъ, полковнику Добротину, за этотъ знакъ вниманія къ его казакамъ.

Солнце жжетъ все сильнѣе. Медленно, съ трудомъ поднимаемся мы въ гору, подъ его палящими лучами. Тамъ, на вершинѣ ея, вырыта одна для всѣхъ, общая, братская могила.

Подшли къ ней и—остановились.

— Эхъ, не догадались захватить съ собой веревки,—съ укоризной говорить Мищенко, которому, видимо, хочется, чтобы все было чинно и благолѣпно.

Но 4 казака уже соскочили въ могилу и готовятся принимать на свои руки трупы товарищей.

Священникъ послѣдній разъ кадитъ надъ трупами, послѣдній разъ звучитъ „вѣчная память“—и ихъ начинаютъ бережно спускать въ могилу съ носилокъ. Но не хотятъ они, мертвые, разставаться съ этимъ Божьимъ міромъ и отъ этого свѣтлаго, ликующаго дня уходить во тьму могилы въ далекой чужой сторонѣ. Кровь изъ ранъ просочилась сквозь соломенные циновки, прилипли они своими изрубленными спинами, головами и проколотыми животами къ полотну носилокъ, отдирать приходится. И молча дѣлаютъ казаки это тяжелое дѣло—и вотъ всѣ мертвые опущены въ могилу. И вылѣзли изъ нея живые, генераль беретъ горсть земли и бросаетъ ее въ яму.

— Да будетъ вамъ манчжурская земля своею и легкою,—говоритъ онъ вполголоса.

Его примѣру слѣдуютъ всѣ, кто толпою собрался вокругъ могилы,—и комья сухой земли глухо стучатъ тамъ, внизу, по соломеннымъ гробамъ-цыновкамъ.

Пока надъ братскою казачьею могиллою насыпають холмъ могильный, Мищенко, стоя передъ фронтомъ полка, держитъ рѣчь казакамъ:

— Ребята,—говоритъ онъ,—гнусный врагъ вчерашняго числа дозволилъ себѣ надругаться надъ трупами нашихъ убитыхъ и раненыхъ. Это гнусно, это подло—но я увѣренъ, что вы не поддадитесь чувству злобы и мести и не станете дѣлать того же надъ японцами ранеными. Вы будете помнить, что врагъ, который уже лежитъ, убитый или раненый, на землѣ, не воинъ, котораго надо бить, съ которымъ надо сражаться, а человѣкъ, котораго надо лечить. И потому платите имъ за зло добромъ.

И, сдѣлавъ паузу и оглянувшись на могильный холмъ, выраставшій за его спиною, генераль закончилъ свою благородную рѣчь:

— Теперь, когда мы похоронили честно нашихъ товарищей, скажемъ—вѣчная память имъ, мертвымъ, а слава живымъ!

Музыка покрыла слова эти тушемъ.

— Ведите полкъ домой, да съ хорошимъ бодрымъ, веселящимъ маршемъ, —скомандовалъ Мищенко Павлову, когда умолкли звуки туша.

— На войнѣ горевать, унывать долго не слѣдуетъ... Бодрость духа нужна. Бодрить людей надобно...—говорилъ онъ миѣ, когда мы спустились съ горы внизъ на бивакъ, уловивъ на моемъ лицѣ выраженіе вѣкотораго изумленія такой быстрой смѣнѣ настроеній.

И Мищенко постоянно бодритъ свои войска. Онъ въ постоянной заботѣ о ихъ нуждѣ, и всѣ интересы дѣла онъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ и обо всемъ подумаетъ раньше всѣхъ.

Замѣтивъ войскового старшину Пѣшкова, генераль подозвалъ его къ себѣ:

— Прикажете,—распорядился онъ,—этимъ четыремъ казакамъ, что укладывали трупы въ могилу, сейчасъ же идти на рѣку вымыться и переменить бѣлье. Присмотрите за этимъ.—И чтобы приказаніе это было крѣпче, онъ повторяетъ его командиру полка, а затѣмъ и самимъ казакамъ.

Спустившись внизъ, въ долину, гдѣ бивакъ, мы всѣ бросаемъ прощальный взглядъ на гору, на вершинѣ которой одиноко бѣлѣется надъ казачьею могилою наскоро сколоченный крестъ“.

Таковъ настоящій наказовой герой, которымъ гордится Русь.

А. Догановичъ.

IV.

Разсказы Данилина.

Книга 2-я. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 1 р.

Это уже второй сборникъ разсказовъ И. Данилина. Имя этого писателя извѣстно въ литературѣ. Онъ съ успѣхомъ дебютировалъ въ „Наблюдателѣ“ очерками изъ жизни столичныхъ рабочихъ, бытъ которыхъ хорошо изучилъ. Съ тѣхъ поръ его разсказы появлялись въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ: „Рус. Мысли“, „Рус. Вѣд.“, „Рус. Сл.“, „Утрѣ“, „Сѣверѣ“ и мн. др.

Разбираемый второй сборникъ разсказовъ имѣетъ тотъ же характеръ, что и первый. Это дѣлая галерея лицъ, преимущественно рабочихъ, со всѣми присущими имъ недостатками и достоинствами. Въ разсказѣ „Ваня—Сея“ выведенъ ординарный мастеръ, сознающій свое ничтожество, прозванный товарищами

въ насмѣшку Ваня—Сеня вмѣсто Иванъ Семеновъ. Но обижаться ему „не по чину“, надъ нимъ издѣвается и хозяинъ, а мастеръ заискивающе смотритъ тому въ глаза, исполняя всѣ его причуды, и боится быть выброшеннымъ на улицу. Полнымъ антиподомъ этого забитаго человѣка является Зобовъ, искусный мастеръ своего дѣла, но забулдыжный пьяница съ сильно развитымъ однако чувствомъ себялюбія. У Зобова нѣтъ и поминна настоящаго самолюбія и профессиональной гордости, какъ у западнаго рабочаго, гдѣ культура выше. Зобовъ не допускаетъ, чтобы хозяинъ обижалъ рабочаго, или унижалъ его, забывая, что онъ самъ себя неизмѣримо унижаетъ пьянствомъ, приравнивая себя къ животному.

Съ такими же извращенными понятіями и Панкратычъ въ разсказѣ того же названія. Это тоже пьяница-рабочій, который взялъ себя какъ бы привиллегію читать непрошено мораль своимъ хозяевамъ, за что тѣ лишаютъ его мѣсты. Передъ читателемъ проходитъ цѣлая серія подобныхъ рабочихъ, которымъ еще такъ далеко до настоящей сознательности! Зато въ нихъ много кичливости и чванства, но нѣтъ нравственной выдержки и приспособляемости къ жизни. По этому и при хорошихъ условіяхъ на большихъ фабрикахъ, рабочіе не умѣютъ скопить себя на старость и попадаютъ въ положеніе Семенова въ разсказѣ „Все въ прошломъ“. Работа перестала уже спориться въ рукахъ бѣднаго старика. Администрація допекаетъ его штрафами да сбавками, съ которыми онъ по неволѣ мирится, изъ боязни быть выгнаннымъ на улицу, гдѣ ему придется только христорадничать, чтобы не умереть съ голода.

Такова неприглядная обстановка п жизнь рабочихъ, въ чемъ они, впрочемъ, и сами много виноваты. Обнажая недостатки и бичуя пороки трудящагося пролетаріата, Данилинъ жалѣетъ рабочихъ за ихъ слабость и темноту, выбиться изъ которой у нихъ такъ мало стремленія. Не желая трудиться надъ личнымъ самосовершенствованіемъ, и въ то же время завидуя лучшей жизни, рабочіе преисполняются стихійною ненавистью и злобой сначала къ предпринимателямъ, а потомъ и ко всѣмъ достаточнымъ людямъ вообще. Захватное право во всѣхъ видахъ и формахъ находить для себя очень благодарную почву на фундаментѣ этихъ чувствъ. Но въ возникновеніи этихъ недобрыхъ чувствъ въ рабочихъ Данилинъ обвиняетъ также и иныхъ хозяевъ фабрикъ и мастерскихъ, въ родѣ Ефима Жукова въ разсказѣ „Аккуратный“. Это такой антипатичный субъектъ, возникшій на почвѣ эксплоатаціи меньшаго брата, дисконтеръ и обманщикъ, что его не переносятъ не только рабочіе, но даже и собственные дѣти: сынъ сбѣжалъ отъ отца, будучи не въ силахъ видѣть слезы раззоряемыхъ семействъ при выскахъ съ нихъ по векселямъ. А зять злобится на старика за его обманъ въ приданомъ. Мстительный Ефимъ собирается надуть всѣхъ родственниковъ даже и послѣ своей смерти, раздачей капитала и имущества по монастырямъ. Данилинъ показываетъ, что въ такихъ хозяевахъ нѣтъ настоящей сознательности, какъ и въ рабочихъ.

Таковы безотрадныя факты дѣйствительности, занесенныя авторомъ на страницы литературной лѣтописи, при чемъ обрисовка среды сдѣлана очень мѣтко. Хотя авторъ выводитъ и много отрицательныхъ лицъ въ своихъ разсказахъ, но благодаря умѣло направленному на нихъ фокусу освѣщенія, вызываетъ въ читателѣ скорѣе не отвращеніе, а чувство глубокаго сожалѣнія и даже состраданія къ ихъ умственному и нравственному убожеству.

Нѣсколько слабѣе разсказовъ этого характера—символическій разсказъ Данилина: „Радость жизни“, въ которомъ ощущается недостатокъ образовъ. Сила автора не здѣсь... Всѣхъ разсказовъ въ сборникѣ 22. Изданъ онъ очень красиво; и какъ внѣшностью, такъ и содержаніемъ производитъ хорошее впечатлѣ-

нѣ, будя мысль и заставляя задуматься надъ поставленными „пролетарскими диллемами“, и надо всей современной соціальной безурядицей.

А. Догановичъ.

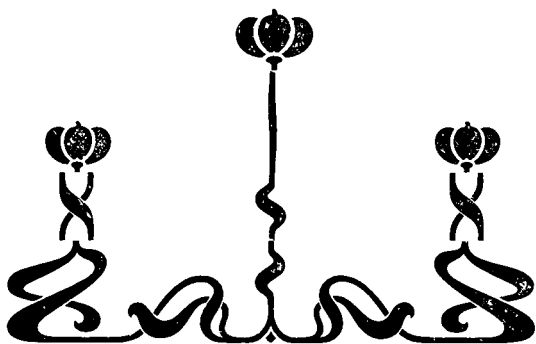
V.

Полезная книга.

Критическая литература о произведеніяхъ графа А. К. Толстого. Съ портр. и биографич. очеркомъ. Составилъ Н. Денисюкъ. Изд. А. С. Панафидиной. (2 вып., цѣна каждаго 1 р.).

За что бы ни брался Денисюкъ—онъ всегда исполняетъ свой трудъ добросовѣстно и очень умѣло. Также точно выполнена имъ и эта работа. Очевидно, онъ просмотрѣлъ внимательно критическую литературу о нашемъ крупномъ, и все еще недостаточно оцѣненномъ поэтѣ, и далъ полный сборникъ статей, такъ или иначе освѣщающихъ личность и творчество автора „Іоанна Дамаскина“. Очень цѣненъ указатель, при помощи котораго легко находить отзывы о томъ или иномъ отдѣльномъ произведеніи А. К. Толстого. Очень недурень биографическій очеркъ поэта, написанный составителемъ. Болѣе обстоятельной биографіи пока еще нѣтъ вовсе. Денисюкъ сообщаетъ не только биографич. данныя, но и даетъ характеристику поэта, опредѣляетъ его историческое значеніе. Здѣсь составитель высказываетъ нѣсколько вѣрныхъ мыслей и восстанавливаетъ правильнѣе взглядъ на поэта, выясняя довольно ярко самобытный обликъ „вѣщаго баяна“. Книга издана прекрасно, и слѣдуетъ поблагодарить издательницу какъ за эту книгу, такъ и за ранѣе вышедшія въ свѣтъ: „Критич. литература о А. Н. Островскомъ“ и „Крит. литер. о Щедринѣ“. Всѣ эти книги—прекрасныя пособія при чтеніи и изученіи названныхъ авторовъ. Онѣ желательны въ каждой библиотекѣ.

Кргл.

Журнальные замѣтки.

I.

О журналѣ и газетѣ.

Недавно одинъ „газетчикъ“...

Но позвольте объяснить, почему я ставлю слово газетчикъ въ кавычки. Я хочу показать различіе между писателемъ, литераторомъ и газетчикомъ. Въ газетѣ можетъ печататься писатель, литераторъ, художникъ слова. Но есть именно только „газетчики“, не писатели, а газетчики, хотя бы они и состояли членами кассы взаимопомощи литераторовъ. Съ каждымъ годомъ число газетчиковъ увеличивается. Они нужны. Я не хочу никого унижать, а хочу только разграничить понятія. Какое униженіе, если репортера вы назовете репортеромъ, газетчикомъ, а не писателемъ? Писатель происходитъ не отъ слова писать (въ смыслѣ *пониманія*), а то бы каждый составитель прошеній назывался бы писателемъ. Теперь все перепуталось и многіе готовы отъбѣтчика о пожарахъ называть писателемъ... Не даромъ одинъ купецъ думалъ о *писателяхъ*, что они *пробираютъ* и *шельмутъ*... Очевидно, онъ путалъ, и всякаго газетчика считалъ уже писателемъ. Но развѣ тотъ, кто пишетъ вывѣски для лавокъ—*художникъ*? Вывѣски писать надо. И пишущій ихъ человекъ полезный, и нерѣдко очень почтенный, какъ честный работникъ заслуживаетъ уваженія. Но его никто не будетъ считать *художникомъ*, онъ самъ не считаетъ себя таковымъ и не можетъ обидѣться, если скажутъ, что между нимъ и самымъ скромнымъ, но именно *художникомъ*—нѣтъ ничего общаго... Эту разницу надо установить и въ мѣрѣ печати.

И такъ, недавно одинъ газетчикъ сказалъ: „газета побѣдила журналъ. Она убила журналъ“.

Онъ произнесъ это съ торжествомъ и радостью газетчика. Правъ ли онъ?

И да—и вѣтъ!

Онъ правъ въ смыслѣ *тиража*. Но вѣдь *тиражъ* газетъ всегда превышалъ *тиражъ* журналовъ. У „Свѣта“ было подписчиковъ чуть не цѣлая сотня, т. е. 100,000. Не теперь, а когда-то. У „В. Европы“ никогда не было и десяти тысячъ. А чье же мнѣніе, чей авторитетъ выше? Гдѣ печатались Гончаровъ, Тургеневъ, Ал. Толстой? И „В. Евр.“ брали *читать*, наслаждаться „благоуханной прозой“ Тургенева,—брали любители *литературы*. И всякій журналъ берутъ для *чтенія* (я нарочно подчеркиваю слово), берутъ тѣ, которые любятъ *литературу*, науку, если хотите—тѣ, которые жаждутъ *научиться*, утолить жажду знанія. Газета удовлетворяетъ *любопытство*, и всѣ, жаждущіе знать злобу дня, новыя вѣсти, изъ міра политики, даже изъ міра слуховъ и „сплетенъ“—тянутся къ газетѣ. Есть всякіе любители. Одни прежде всего *пробѣгаютъ* городскую хроникку, другіе биржу, третій театральнй отдѣлъ, а есть и такіе, которые всего болѣе интересуются некрологами и похоронными объявленіями. И тѣ и другіе изъ этихъ любителей—не читаютъ, а *пробѣгаютъ* газету. Вотъ это-то пробѣганіе, т. е. возможность пробѣганія и влечь къ газетѣ тѣхъ легкомысленныхъ читателей, которые только любопытны и для которыхъ журналъ скученъ, потому что его пробѣгать нельзя, а надо *читать*, вникая, думая. Въ наше нервное, если угодно какое-те „сумасшедшее время“

люди такъ утомлены, взвинчены, что имъ трудно читать, даже инымъ прямо некогда, и они могутъ только *пробьгать*, все схватывать на лету, удовлетворяя любопытство, *не отставая отъ жизни*, что бы имѣть обо всемъ поверхностное понятие и свѣдѣніе.

Но развѣ вся читающая публика такова? Нѣтъ! Какъ была такъ и есть, и будутъ (смута умовъ кончится, и жизнь войдетъ въ свои берега, какъ входитъ рѣка послѣ разлива) читатели *любопытельные*, жаждущіе знанія, науки, литературы, а не только свѣдѣній и злобы дня, да политики. Уже и теперь многимъ она надобла и является тоска по литературѣ. И если вмѣсто литературныхъ произведеній дають какую-то декадентскую или порнографическую гадость, то вѣдь надо не забывать, что рѣка еще входитъ, а не вошла въ берега, и что послѣ разлитія осталось много ила и грязи не только въ подвалахъ притоновъ, но даже и въ храмахъ, которые залила вода во дни политическаго наводненія. Но... иль уберутъ, храмы очистятся: храмы науки и храмы искусства. Будутъ жертвы, быть можетъ на всегда погибшіе, но это понятно, вѣдь и многіе при разлитіи напр. рѣки Москвы пострадали на всю жизнь. Важно, что пробудилась уже тоска по литературѣ. Значитъ и *по журналу*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ смыслѣ тиража газета навсегда взяла верхъ, но въ этомъ нѣтъ бѣды, потому что *не все* и могутъ быть читателями журнала. Многіе изъ газетныхъ читателей переходятъ въ журнальные неудовлетворяясь только сообщеніями и политическими новостями. Хорошая газета можетъ готовить и къ чтенію журнала. Но пусть у газеты всегда будетъ *больше подписчиковъ*, и въ этомъ смыслѣ она побѣдила журналъ. Но въ смыслѣ воспитательнаго вліянія, въ смыслѣ служенія литературѣ—газетѣ нечего и тягаться съ журналомъ. *Здѣсь* онъ не побѣдимъ. Всякій, кто захочетъ осмыслить факты, захочетъ *литературнаго* чтенія—пойдетъ къ журналу, потому что лишь въ немъ наука и литература а не политика на первомъ мѣстѣ. И если въ чемъ ошибка нѣкоторыхъ современныхъ журналовъ, такъ именно въ забвеніи этого завѣта и въ погонѣ за *политикою* въ ущербъ *литературѣ*... Журналъ долженъ быть именно согрѣвающимъ огонькомъ, оазисомъ,—гдѣ можно отдохнуть отъ этой пестрой, шумной суетоки, укрыться отъ политическаго вихря, отъ турнировъ, криковъ изъ-за того или иного флага. *Направленіе* должно быть у журнала, иначе онъ только сборникъ, но онъ долженъ быть прежде всего и больше всего литературнымъ а не политическимъ органомъ и отражать не *минуто*, а говорить о вѣчномъ, о томъ, что останется неизблемымъ и тогда, когда „прейдесть“ все минутное и наносное.

Это вовсе не обязываетъ журналъ висѣть какъ бы внѣ времени и пространства. И касаясь явленій дня, отражая современное, можно (и должно) работать для *вѣчнаго*, вести къ вѣчной истинѣ, къ вѣчной красотѣ. Есть устои, вопросы, истины, идеалы которые всегда будутъ жить и должны жить и властвовать, какое бы ни было направленіе въ политикѣ, какой бы ни былъ образъ правленія въ той или иной странѣ,—ибо это устои нравственной жизни, идеалы вѣчнаго совершенствованія, неизблемыя истины, безъ которыхъ немислимо никакое строительство на землѣ... Въ *эту сторону* и надо направлять мысль *читателя*, и *это-то* должно быть задачей *журнала*, такъ какъ этой задачи газета не знаетъ и выполнять не можетъ. Ее должна выполнять *книга*, а не *листокъ*. И если *журналъ* хочетъ, чтобы *его* не убила газета, онъ не долженъ становиться на одну дорогу съ ней, а выполнять свою задачу и идти своей дорогой, не увлекаясь ни капризами моды, ни требованіями злободневной политики. Журналы помнѣйшій это—всегда устоятъ. Отчего палъ „Журналъ для всѣхъ?“ Потому что онъ увлекся капризами моды—уродливымъ декадентствомъ... Имъ увлекается и

„Нива“ и не къ добру. „Здоровый“ умъ Маркса никогда бы не допустилъ такого увлеченія. А посмотрите на „В.-Европы“, на „Истор. Вѣстникъ“... Они идутъ своею дорогою и *безъ нихъ нельзя* обойтись. Можетъ быть, временно тиражъ и упалъ. Но лишь временно. То, что влекло толпу къ „Былому“ проидеть и надоѣсть, ибо нельзя же все возиться съ арестантами и только въ нихъ видѣть героевъ. Но то, что влечетъ къ „Истор. Вѣстнику“ или къ „В.-Европы“ — то всегда будетъ влечь, ибо всегда будетъ интересно и важно.

„Газетчикъ“ говоритъ о тиражѣ. „Газетчики“ всегда имѣютъ въ виду прежде всего тиражъ. Но вѣдь въ сущности—у журнала не тотъ тиражъ, который въ году. Въ библиотекахъ берутъ журналы за старые годы. И теперь еще читаютъ „В.-Европы“ за 80-е годы! Объ „Истор. Вѣстникѣ“ нечего и говорить. Недавно, при мнѣ спрашивали „Трудъ“ за 94-й годъ! А кто спроситъ (я не говорю о справкахъ) газету, по прошествіи двухъ лѣтъ? Даже прошлогоднюю? Вотъ вамъ и тиражъ! Это надо помнить и сбивать заносчивость газетчиковъ. *Живучесть журнала* его плюсъ, и даетъ ему побѣду въ смыслѣ вліянія. Кто говоритъ о *вѣчномъ*, о *незыблемыхъ устояхъ и истинахъ*, тотъ не можетъ имѣть однодневной жизни бабочки или газеты. Но горе, если журналъ шатается „сею и овамо.“ Мѣнять „шкурку“ газетѣ безопасно, иногда въ смыслѣ *тиража* даже и выгодно, что мы видимъ напр. на одной изъ бойкихъ газетъ, когда то гнавшейся за „Моск. Листкомъ“ и печатавшей рассказы Мясницкаго и романы Дмитріева, а потомъ кинувшейся въ объятія крайнихъ лѣвыхъ. Конечно, при такомъ скачкѣ нужна ловкость, умѣлость, иначе можно сломить шею, что и случилось съ газетой Липскерова. Но журналу и при ловкости невозможно такой прыжокъ. Это ясно и объяснять нечего.. Правда, у нѣкоторыхъ журнальныхъ издателей есть поползновеніе къ „перемѣнѣ“, изъ желанія угодить настроенію толпы, а тѣмъ самымъ, можетъ быть, и повысить тиражъ, но я не думаю, чтобы такія поползновенія увѣнчались *успѣхомъ*, именно тѣмъ успѣхомъ, который дорогъ для *журнала*. Однако, эти поползновенія очень осторожны, что лучше всего и подтверждаетъ мою мысль.

А. Кругловъ.

II.

О стихахъ.

Одинъ изъ редакторовъ—очень почтенный и обладающій литературнымъ вкусомъ, какъ-то замѣтилъ: „хорошіе стихи—красятъ всю книжку журнала“.

— Да, *это* стихи... это—*поэзія!* сказалъ другой редакторъ, прочитавъ стихотвореніе юнаго Надсона въ „Отеч. Запискахъ“.

А другой, редакторъ, теперь уже покойный, просмотрѣвъ стихи одного *поэта*, воспѣвавшаго какихъ-то „звѣрей“, съ улыбкой промолвилъ:

— Развѣ это стихи? Это—*дрова!*

— Пушкины рѣдки, замѣтилъ я.

— Ну, зачѣмъ Пушкины!... И маленькій поэтъ — поэтъ... Но *дрова* зачѣмъ же звать стихами!...

Говорятъ, публика не умѣетъ цѣнить поэтовъ и отличать хорошихъ стиховъ отъ дурныхъ. Огуломъ этого сказать нельзя. Въ публикѣ есть тонкіе цѣнители.

Но, кажется, многія изданія задались цѣлью испортить вкусъ публики, отучить ее отъ стиховъ и приучить... къ *дровамъ!*... Нарочно это дѣлается или... отъ непониманія? Я уже и не знаю... Но вотъ факты... Я какъ-то случайно началъ перебирать журналы... и... пришелъ въ удивленіе...

Вотъ не угодно-ли — „Рус. Богатство“ за наст. годъ: оно выходитъ подъ редакціей „художника слова“... А полюбуйтеся:

Ужасно! Каждый день *повѣщанья, разстрѣлы,*
Убійства
Враждебность лютая всѣ перешла предѣлы,
Чудовищно свирѣпствуетъ война!
И высшій ужасъ въ томъ, что къ этой дикой бойнѣ
Могли привыкнуть мы, что на столбцахъ газетъ...

Я не могу продолжать далѣе: такъ это плохо и... противно! Вы думаете, читатель, тутъ дѣло въ „платформѣ“?... Нѣтъ, нѣтъ!... я понимаю свободу не такъ какъ „освободители“, — и *прекрасное* признаю вездѣ. Я могу не раздѣлять мысли, но если она выражена сильно, ярко, красиво—я не буду отрицать этого и скажу: хорошо!

Но вѣдь здѣсь—все шаблонно, плоско, аляповато,—это именно не стихи, а рубленая проза, *дрова* по мѣткому выраженію. Возьмите это: „повѣщенье“, „перешла предѣлы“, „на столбцахъ газетъ!“... Точно фраза изъ хроніки, изъ публицистической статьи и то написанной *не стилино, вяло*. Такихъ „стиховъ“ не найдете даже у Н. Морозова и Фигнеръ, зачисленныхъ тоже въ „поэты“... Но кому же принадлежать эти „дрова“? Маситому стихотворцу П. Вейнбергу! Положимъ, *потомъ* онъ никогда не былъ, но какъ стихотворецъ писалъ иногда не дурно, хотя его „слава“ какъ переводчика Гейне очень раздута. И вотъ такіе „стихи“ на склонѣ лѣтъ рѣшается печатать маситый шитъ и ихъ принимаетъ на свои страницы... „толстый журнал“. Положимъ, этотъ толстый журналъ помѣстилъ не мало „дровъ“ г. П. Я., и разныхъ „поэтовъ изъ народа“, но развѣ это не грустное явленіе? Если нѣтъ чутя и вкуса у *руководителей*, то чего требовать отъ публики, отъ той „интеллигентной“ толпы, которая идетъ на поводкѣ этихъ руководителей. Не мудрено, что и поэты изъ „сумасшедшаго дома“ попадаютъ въ число геніевъ!

„Дневникъ Писателя“ недавно сочувственно отозвался о духовномъ журналѣ „Христіанинъ“. Его не разбирали детально, и потому не указывали недочетовъ. Готовъ согласиться: онъ несомнѣнно интересенъ, полезенъ... Однако, *стихи* у него... О, кто только ихъ принимаетъ!... Вотъ въ апр. № напечатаны стих. „Христосъ Воскресе!“ Что за рѣшмы: *свѣтлый и привѣтный; свѣтлый и привѣтно* (еще лучше!); *славой-обезглавленъ; зло—добро...* а вотъ вамъ цѣлыя строки:

Духъ эгоизма пусть исчезнетъ,
Исчезнетъ всюду ложь и зло.
Пусть духъ скорбящаго воскреснетъ,
Воскреснетъ въ сердцѣ пусть добро.
Чтобы (ъ) въ этотъ день святой—великій—
Зажглось у насъ въ сердцахъ, въ крови—
При звукахъ радостнаго звука
„Христосъ Воскресъ!“ и чувство братской любви!

Нѣтъ рѣшмы, образовъ, нѣтъ даже размѣра!... Какой-то наборъ неуклюжихъ фразъ!

Зачѣмъ такой „рублятиной“ (любимое выраженіе покойнаго поэта Садовни-

кова) пачкать страницы хорошаго серьезнаго журнала! Больно за изданіе. И если я говорю рѣзко, то потому, что рѣзка боль и велика любовь къ почтенному журналу...

Вотъ тоже напр. „Юная Россія“... Почтенный и прекрасный журналъ... Но... развѣ можно давать дѣтямъ, юношамъ такіе стихи:

На волю, дѣтки, гдѣ молодая
Въ поляхъ, дубравахъ грядетъ весна,—
Все обновляя, все возрождая—
И пробуждая все ото сна...
На волю, дѣтки, гдѣ все смѣется,
Взыграли соки, лазурь ясна!
На встрѣчу солнца пусть пѣнь несется—
И смѣло лететь: „красна—весна!“

У автора стиховъ, очевидно, „взыграли соки“, и онъ... написалъ вирши, надъ которыми можно смѣяться когда угодно—осенью даже лучше,—отъ скуки лекарство!... Г. Бѣлоусовъ далъ стихи: „Такъ должно быть!“

Вотъ они:

Ты хочешь знать—зачѣмъ зарею
Горятъ на небѣ облака,
Зачѣмъ бѣгутъ, куда стремятся?
Какъ ихъ дорога далека?
Они, собравшись грозной тучей,
На землю слезы будутъ лить,
Какъ будто этимъ отвѣчая:
Къ чему вопросъ?—Такъ должно быть!
Пойдешь ли въ садъ росистымъ утромъ,
Какъ хорошо цвѣтутъ цвѣты.—
Но выйди въ полдень—и увидишь
Средь нихъ увянушіе ты.
И если ты, грустя, захочешь
Ихъ къ новой жизни возвратить,—
Они съ тоской тебѣ отвѣтятъ:
Къ чему? Зачѣмъ?—Такъ должно быть!
Когда тебя постигнетъ горе,
И ты защиты не найдешь,
И обезсиленный на землю
Съ мольбою къ Богу упадешь
И будешь спрашивать: за что же
Я, такъ страдая, долженъ жить?
Тебѣ душа твоя отвѣтитъ:
Къ чему вопросъ?—Такъ должно быть!...
Цвѣты должны цвѣсти и вянуть,
Ходить по небу облака,
И наша жизнь не наслажденье,—
Она порою не легка.
И не томись напрасной думой,—
Живи—и вѣрь, что нужно жить;
Создавшій насъ вѣрнѣе знаетъ,
Зачѣмъ все въ жизни должно быть!...

Я нарочно привелъ все стихотвореніе (оно переводное). Что можно сказать? Одно: такъ не должно писать стихи и такіе стихи не должна редакція печатать, дабы не портить вкуса у юныхъ читателей...

Ну, что это: упадешь *къ Богу* съ мольбою... Передъ Богомъ понятно, но какъ къ Богу можно упасть? Вѣдь Онъ не внизу, аверху—прежде всего!

Римы блѣдныя и черезъ строчку, какъ почти всегда у Бѣлоусова. И что ни фраза—то блѣдная проза, аляповатая „рубленка“... Здѣсь поэзія не ночевала... мало этого: здѣсь и *стиховъ* нѣтъ, а... только *дрова!*... Помню у Бѣлоусова были стихи въ „В. Европы“, и тамъ стоялъ стихъ:

Мы заплатили за́ домъ!

Поэтъ хотѣлъ сказать, что заплатили за до́мъ! Но благодаря ударенію на „за“, приходилось читать за́ домъ,—иначе для стиха нельзя было. И получилась фраза, вызывавшая дружный хохотъ. А вѣдь... „В. Европы!“ Да, правъ Полонскій, говорившій мнѣ:

— Знаете, въ маленькомъ еженедѣльномъ изданьицѣ скорѣе встрѣтишь хорошіе стихи, чѣмъ въ нашихъ „толстомѣсячникахъ!“.

Я бы еще могъ продолжать выписки, но пока довольно. Надо пощадить читателя... Подавать большими порціями „рубленку“ нельзя! Добавка: можетъ быть, скажутъ: да если нѣтъ хорошихъ стиховъ!... Но это ложь: они есть, но часто редакторы не умѣютъ оцѣнить, разобраться... Вотъ сейчасъ мнѣ прислали изъ магазина сборникъ стихотвореній покойнаго Порфирова. *Теперь* нѣтъ нужды доказывать, что онъ поэтъ талантливый. Это уже признано. У Порфирова есть чудная поэма „Первая любовь“—и ее не взяли и „Сѣв. Вѣстникъ“ и „Вѣстн. Европы“. Пришлось напечатать въ „Живоп. Обзорѣнн“, которое редактировалъ Шеллеръ-Михайловъ, *понимавшій поэзію*. И это не рѣдкость: напечатаютъ стихи съ „задомъ“ и отвергнутъ дѣйствительно поэтическій перлъ... Не *вслъ* предпочитаютъ „жемчужное зерно“... Кто оцѣнилъ напр. Сафонова? „Р. Вѣстникъ“ въ лицѣ Берга и „Сѣверъ“ въ лицѣ Тихонова... а г. Михайловскій даже и не зналъ его!

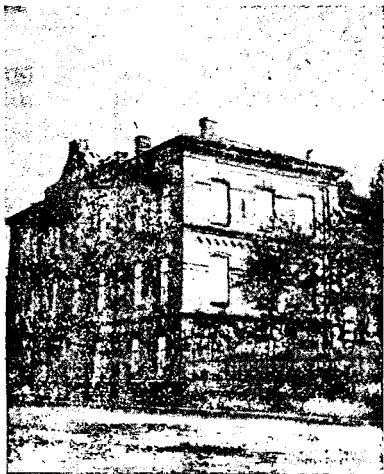
Левъ Гончаревскій.

Книги, поступившія въ редакцію для разбора.

Материнство. Публичное чтеніе. Д. И. Введенскаго.—Чась испытанія. Сборникъ статей. Эль-Эсь.—Ссылные и заключенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVIII—XXI вв. М. Колчина. Съ пред. А. С. Пругавина.

Трудовое убъжище

женщинъ.

Убъжище для женщинъ со стороны Глинской улицы.

Нерѣдко мы видимъ, что не очень умные люди, незнатные и небогатые, играютъ большую общественную роль, совершаютъ громкія дѣла и даже дѣлаются извѣстными знаменитостями для потомства. Чѣмъ же они такъ сильны?

— Волею! Только сильная воля выдвигаетъ такихъ людей изъ общаго ранжира. Обратнo, сколько талантливыхъ людей погибаетъ отъ недостатка воли! Загляните въ ночлежные дома, въ разныя „вяземскія“ лавры, въ „хитровы“ рынки, въ арестантскія при полицейскихъ участкахъ. Тамъ найдутся и поэты, и художники, и прекрасные мастеровые.

— Золотыя руки! — скажутъ про вино: — но только вотъ слабость у него... Пьеть!

Громадная масса способныхъ людей, благодаря водкѣ, стали слабыми, безвольными, забитыми, обезображенными существами. Еще ужаснѣе положеніе обезволенныхъ водкою женщинъ. Такія несчастныя опускаются до ужасныхъ низостей. Съ лѣтами онѣ превращаются во что-то безобразное, грязное, заживо гнѣющее.

— Расскажи мнѣ твое прошлое, какъ ты дошла до такого ужаснаго вида? Лицо опухшее, въ сняжкахъ, изо рта несетъ перегорѣлой водкой, изъ-подъ сбившагося запачканнаго платка на головѣ торчатъ растрепанные волосы. Грязное платье въ лохмотьяхъ. Башмаки въ дыркахъ, на босу ногу. Можетъ ли быть несчастнѣе этого вида?!

— Не спрашивайте меня: не хорошо рассказывать. Я-то не стыжусь: давно потеряла всякій стыдъ. Да вамъ неприятно будетъ слушать про мою омерзительную жизнь. Пропавшая я женщина! Мнѣ тридцать два года, а выгляжу старухой и жду, какъ радости, своей смерти. Оставьте меня! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

До чего она жалка, несчастна! Неужели нельзя вернуть ей снова человѣческій образъ? Неужели нельзя ее обратить къ трудовой дѣятельности, дать ей сознаніе добраго, прекраснаго, истиннаго?

Можно!

Стоитъ лишь обществу немного пойти навстрѣчу къ этимъ слабымъ, безвольнымъ женщинамъ, и оно несомнѣнно возродитъ ихъ снова къ чистой,

непорочной жизни. За примѣромъ далеко ходить не надо. Въ самой столицѣ мы видимъ небольшое скромное учрежденіе, которое изъ выброшенныхъ на улицу несчастныхъ женщинъ сдѣлало одну миролюбивую, хорошую семью, связанную общимъ трудомъ.

Официально это учрежденіе носитъ названіе: Убѣжище имени Евгеніи Максимиліановны, принцессы Ольденбургской, для женщинъ, выходящихъ изъ с.-петербургскихъ мѣстъ заключенія. Такое длинное названіе осталось еще на бумагахъ, а въ сущности оно извѣстно подъ именемъ просто убѣжища для бѣдныхъ женщинъ, которымъ негдѣ главы преклонить, которымъ не хочется окончательно погибать въ развратѣ, пьянствѣ и всякихъ порокахъ.

„Быль нагъ, и вы одѣли Меня; быль боленъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ быль, и вы пришли ко Мнѣ“.

Вотъ формула для дѣятельной жизни христіанина. Нѣкоторыя благочестивыя богатыя представительницы высшаго общества въ столицѣ, вспоминая слова Христа, основали С.-Петербургскій дамскій благотворительно-тюремный комитетъ. Въ своихъ заботахъ о несчастныхъ заключенныхъ, онѣ вспомнили и о тѣхъ женщинахъ, которымъ изъ тюрьмы, изъ этой въ своемъ родѣ академіи всякихъ пороковъ, опять выбросили на улицу, въ объятія вѣземскихъ лавръ.

Комитетъ устроилъ на Васильевскомъ островѣ убѣжище-пріютъ для вышедшихъ изъ тюремъ, и позаботился дать имъ временныя занятія — шитье и мойку бѣлья.

Отвыкшія въ тюрьмѣ отъ тяжелаго постояннаго труда, женщины не очень охотно шли къ лоханкѣ, къ непривычной грязной работѣ въ прачечной Убѣжища.

— Выйти изъ тюрьмы и тотчасъ же опять идти подъ надзоръ! Покорно благодаримъ за такую милость! — говорили отбывшія наказаніе женщины и уклонялись отъ благотворительнаго учрежденія.

Тогда рѣшили устроить убѣжище съ большею паровою прачечною, гдѣ нашлось бы дѣло для женщинъ всѣхъ возрастовъ и положеній. Машины будутъ мыть бѣлье, полоскать, отжимать, сушить, катать, гладить. Женщинамъ оставалась бы вспомогательная работа при машинахъ.

Принцесса Ольденбургская Евгенія Максимиліановна дала средства на постройку дома и на покупку всѣхъ нужныхъ машинъ. Городское управленіе съ своей стороны дало землю между арестнымъ домомъ и пересыльною тюрьмою, на берегу рѣчки Монастырки, огибающей Александро-Невскую лавру.

Съ самаго начала это дѣло попало въ неумѣлыя руки. Перваго ассигнованія денегъ на постройку дома не хватило. Нужны были дополнительныя суммы. Выписали стиральныя, гладильныя и другія машины и... неудачно. Пришлось купить другія.

Такъ или иначе, Убѣжище было открыто для женщинъ. Вышедшія изъ мѣстъ заключенія опять не идутъ въ него. Да почему же?

— Не хотѣтъ испытывать надъ собою новый надзоръ. Хочется погулять на свободѣ. Что же дѣлать съ Убѣжищемъ и съ дорогою прачечною? Рѣшили открыть двери для всѣхъ желающихъ работать.

— Придите сюда всѣ женщины, у кого нѣтъ родного дома, своей семьи! Придите всѣ, кто не можетъ найти себѣ работы! Придите, кто слоняется у заборовъ, кто кочуетъ подъ открытымъ небомъ, кто протягиваетъ руку за помощію къ проходящимъ! Придите пьяницы, слабые къ спиртнымъ напиткамъ, безвольные удержать себя отъ убивающаго соблазна! Придите всѣ несчастныя, жалкія, погибающія женщины!

И вотъ потянулись бѣдныя, безпріютныя на Казачій плацъ, къ каменному трехэтажному зданію, выросшему между двумя тюрьмами.

— Если хотите здѣсь жить, то подчинитесь всѣмъ условіямъ общежитія. Вы должны, конечно, слушаться администрацію Убѣжища, то-есть, начальницу и ея помощницъ-надзирательницъ; вы должны работать съ утра до вечера всѣ шесть дней въ недѣлю; вы лишены здѣсь свободы пить водку, вообще спиртные напитки, и потому должны перенести необходимый надзоръ надъ собою; на этомъ же основаніи вы не пользуетесь частыми отлучками изъ Убѣжища, когда вамъ вздумается.

Работы на вязальныхъ машинахъ въ Убѣжищѣ для женщинъ.

— Только возьмите; мы на все согласны!

Сразу наполнилось Убѣжище. Машины заработали. Каждый день сдають въ прачечную сто пудовъ грязнаго бѣлья, и каждый день сто пудовъ чистаго развозится по городу. Дѣло закипѣло. Убѣжище собираетъ валового дохода десятки тысячъ рублей, который уходитъ весь безъ остатка на расходы на уголь для паровой машины, на дрова, на воду, на мыло и синьку, на содержаніе женщинъ и на жалованье администраціи. При Убѣжищѣ нашли возможнымъ открыть небольшой лазаретъ, нанять постоянного доктора, устроить церковь, содержать священника, псаломщика и хоръ пѣвчихъ. Назначена была и заработная плата призрѣваемымъ женщинамъ.

Но обойтись совсѣмъ безъ помощи Дамскаго Благотворительнаго Комитета Убѣжище пока еще не можетъ. Частая поломка машинъ требуетъ постоянного дорогого ремонта, а жизнь съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе дорожаетъ. Благодаря особенному вниманію предсѣдательницы Тюремнаго Комитета, статсъ-дамы Е. А. Нарышкиной, дѣятельность Убѣжища не прекращалась вотъ уже тридцать лѣтъ. Убѣжище не рекламируетъ себя, не кричитъ о себѣ, хотя всѣ, имѣющіе дѣло съ его прачечной, не могутъ нахвалиться по выполненію заказовъ. Къ сожалѣнію, въ самое послѣднее время, за недостаткомъ помѣщенія, приходится отказывать многимъ стучащимъ въ дверь Убѣжища. Но хороша ли обстановка жизни рабочихъ женщинъ?

Не дурна. У каждой нѣсколько перемѣнъ платья, отдѣльная кровать

съ постельнымъ бѣльемъ, отдѣльный ящикъ для имущества. Кромѣ завтрака, обѣда и ужина, имъ даютъ чай и кофе.

— И даже кофе?!

— Да. Врачи находятъ, что алкоголикамъ надо заглушить ихъ жажду къ водкѣ, по крайней мѣрѣ первое время, чѣмънибудь возбуждающимъ. Для женщинъ самое подходящее кофе.

И такъ женщины получаютъ въ Убѣжищѣ помѣщеніе, полное содержаніе— пищу и одежду— и еще заработную плату. Но главное, пожалуй, не это, не матеріальная сторона, а нравственная. Интенсивный трудъ этихъ женщинъ постепенно облагораживаетъ ихъ, даетъ сознание имъ о ихъ полезности обществу, нравственно обновляетъ ихъ. Вѣдь что, собственно, служить для укрѣпленія нравственнаго образа въ человѣкѣ? — Постоянное внушеніе, что онъ и честный, и добросовѣстный, и безупречный во всемъ. Одѣтый въ чистое платье старательно оберегается, какъ бы не запачкать его. А какъ запачкаетъ, такъ уже и не разбираетъ: все равно грязный. Опустившійся человѣкъ махнулъ на все рукою. Его толкай въ какую угодно грязь, и нравственную, и физическую. Онъ ужъ не сдерживаетъ себя ни въ чемъ. Поэтому въ Убѣжищѣ создана такая чистая обстановка, такая атмосфера нравственныхъ понятій, что женщины сами себя оберегаютъ отъ порочныхъ страстей. Администрація Убѣжища старается, чтобы какънибудь не укорить прошлымъ трудящихся женщинъ, не подчеркнуть ихъ прежней порочной жизни. На возсозданіе въ нихъ образа Божія и человѣческаго главными средствами являются церковная молитва, назидательныя бесѣды хорошихъ проповѣдниковъ и воскресныя чтенія съ свѣтовыми картинами.

У призваемыхъ женщинъ въ такой обстановкѣ скоро является сознание, что и онѣ могутъ быть честными и хорошими, и съ этихъ поръ всѣми силами онѣ стараются поддержать въ себѣ достоинство человѣка. Очень важно еще: рабочія женщины не унижены сознаниемъ, что имъ дается помощь въ видѣ милостыни. Нѣтъ, онѣ своимъ личнымъ трудомъ зарабатываютъ себѣ и платье, и пищу, и одежду. Онѣ уже не нищія, не попрошайки, не пьяницы, не развратницы, а честныя, трезвыя труженицы, составляющія одну трудовую артель, одну тѣсную семью.

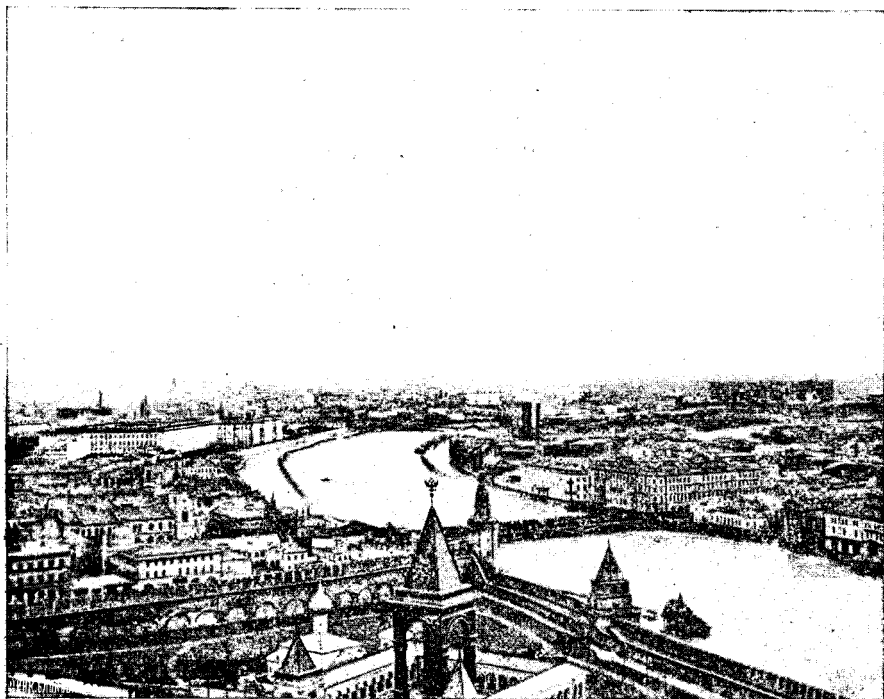
Вотъ, посмотрите, онѣ гуляютъ въ саду на берегу рѣчки. Однѣ большою группою усѣлись подъ деревьями и пьютъ чай, другія читаютъ книги и газеты, иныя шьютъ или вяжутъ. Среди оживленнаго говора, иногда слышнень смѣхъ, иногда пѣніе. Никому не придетъ въ голову догадка, что эти самыя женщины еще такъ недавно валялись въ пьяномъ видѣ у заборовъ грязныхъ окранныхъ столицы.

Дай Богъ, чтобы это трудовое Убѣжище послужило примѣромъ для подражанія и въ другихъ городахъ Россіи. Общежитіе въ описанномъ видѣ не унижаетъ, не оскорбляетъ достоинства человѣка, напротивъ — возвышаетъ, нравственно подымаетъ и оздоравливаетъ его. И какъ собственно легко обществу помочь несчастнымъ людямъ, разрѣшить одвѣ изъ труднѣйшихъ соціальныхъ вопросовъ! Лишь бы нашлось немного идейныхъ женщинъ, которыя могли бы стать во главѣ администраціи такого Убѣжища, и дѣло обновленія порочныхъ людей пойдетъ прекрасно. Устраните вредное вліяніе водки, и у нихъ само собою явится желаніе стать честными тружениками и найдется воля для исполненія его.

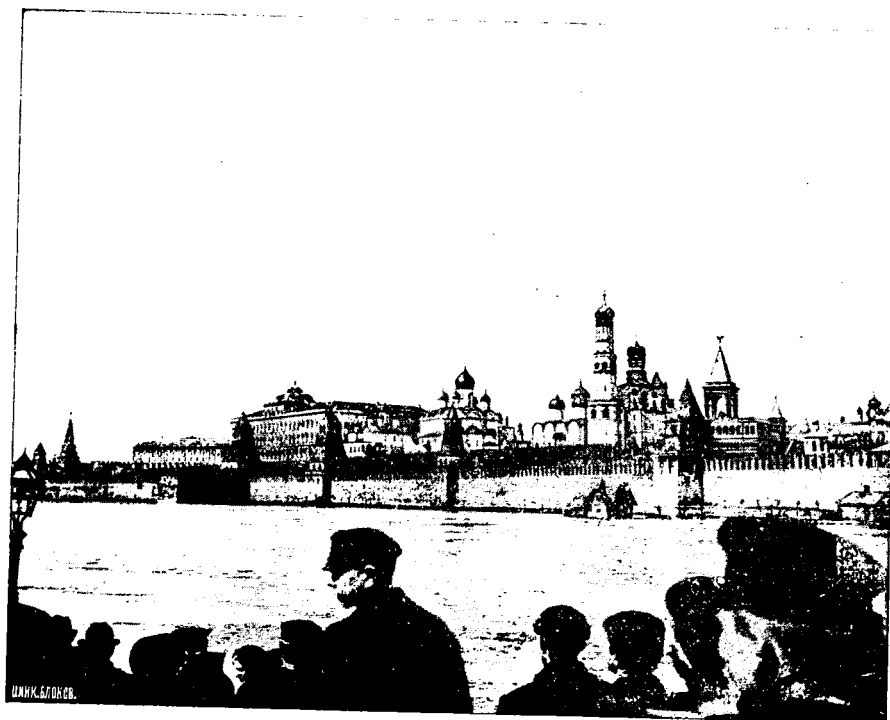
Наводненіе въ Москвѣ.

(Моментальные снимки.)

- 1) Видъ на Москву - рѣку и Замоскворѣчье.
- 2) У Кремля.
- 3) Залитые Садовники (одна изъ улицъ Замоскворѣчья.)

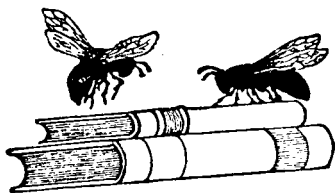

II.

III.

Бесѣда.

I

Нервъ жизни.

Весна! Какое это чудное слово! Стоит только произнести его—и на васъ пахнетъ ароматомъ цвѣтовъ, вспомнятся трели соловья и свѣтлыя пылкія надежды... Нѣтъ лучшей поры въ жизни—какъ весна! И пока человѣкъ можетъ переживать ее своей душой, своимъ сердцемъ—онъ живой человѣкъ, онъ не умеръ духовно,—его сердце не зачерствѣло и способно вѣрить, надѣяться и любить! Благоуханная весна—лучшая пора жизни. Нельзя жить вѣчно весною, но и лѣтомъ, во дни работы, и осенью—во дни разсудительности, и даже зимой—во дни отдыха, у камелька—такъ обаятельна весна, съ такимъ восторгомъ вспоминаетъ ее человѣкъ—и переживаетъ мечтою—когда-то пережитое въ жизни. Умѣть перекинуться въ весну, пережить ее сердцемъ, отдаться во власть ея на *минуту*,—о, это счастье, ибо въ этомъ источникъ силы, въ этомъ *душа жизни*.

Если сердце забыло *весну* и глухо на ея вѣянія,—оно не можетъ *вѣрить*... Человѣкъ, знающій многое, но не способный вѣрить—несчастный человѣкъ, и онъ не найдетъ на успѣхъ дѣла и не любитъ ни дѣла, ни жизни, ни людей. Онъ работаетъ, какъ машина—толково и исправно, онъ исполняетъ службу, но если угашенъ духъ—онъ работаетъ и служитъ буквѣ, а не духу и не вноситъ въ дѣло жизни. Такихъ ходячихъ манекеновъ не мало. Они составляютъ полезныя книги—которыя отталкиваютъ отъ себя всѣхъ своей мертвенностью. Они учатъ—и поселяютъ отвращеніе къ наукѣ въ тѣхъ, кому сообщаютъ мертвыя знанія. Они поучаютъ добродѣтелямъ—и добродѣтель только болѣе отталкиваетъ отъ себя даже тѣхъ, которые безъ мертваго поученія полюбили бы ея красоту, скрытую мертвецами-моралистами... О, какъ хорошо сказалъ поэтъ, обращаясь къ малюткѣ, стоящей у гроба:

Что ты вздрогнула? Боишься?
Думаешь, оживь мертвецъ?
Это—ворвавшійся вѣтеръ
Савана тронулъ конецъ.
Нѣтъ, ты не бойся, малютка,
Въ жизни такихъ мертвецовъ;
Каждый ребенокъ сильнѣе—
Ихъ..

Но между нами живыми,
 Сущими въ мѣрѣ людми,
 Часто встрѣчаются трупы—
 Трупы живые, пойми!
 Этихъ-то, заживо мертвыхъ,
 Мѣру ненужныхъ людей,
 Больше, о, больше, какъ можно,
 Бойся ты въ жизни своей!

Они враги жизни и готовы весь мѣрѣ превратить въ кладбище. Не ими движется мѣрѣ, не ими крѣпка земля и красна жизнь. Они все омертвляютъ. У нихъ нѣтъ вѣры. И они спѣшатъ убить вѣру въ другихъ. Не направитъ увлекающуюся мысль на путь истинны, а убить вѣру въ истину и оборвать крылья у мысли. Имъ не на что надѣяться. И они злобно гасятъ надежду въ сердцахъ другихъ. Съ надеждой легче жить. Съ ней—свѣтло и ночью, бодро и въ дни невзгоды. И ее—они стараются погасить въ другихъ, потому что ея уже нѣтъ у нихъ—и имъ не хочется, чтобы она жила у другихъ... Да, имъ кажется, что надѣяться и глупо. Всего болѣе они боятся любви—этого свѣта жизни и источника всякаго счастья.

Ночь смотритъ тысячами глазъ,
 А день глядитъ однимъ;
 Но солнца нѣтъ—и по землѣ
 Тьма стелется, какъ дымъ.
 Умъ смотритъ тысячами глазъ,
 Любовь глядитъ однимъ;
 Но нѣтъ любви—и гаснетъ жизнь.
 И дни плывутъ, какъ дымъ*).

Вся жизнь—держится на любви. Она какъ солнце. Погаснетъ солнце—кончится мѣрѣ. Погаснетъ любовь—смерть вмѣсто жизни, смерть сердца, смерть человѣка. Въ чемъ жизнь? Въ любви. Любовь все. Любовь мужа, сына, отца, любовь къ брату, къ родинѣ, къ наукѣ, къ искусству... нѣтъ жизни безъ любви. Любовь къ женщинѣ—къ подругѣ жизни—заставляетъ мужчину—стоять на той высотѣ, которая дѣлала бы его привлекательнымъ въ глазахъ его избранницы. Любовь заставляетъ трудиться для тѣхъ кого любятъ, заботиться о тѣхъ, которые дороги. Отецъ забываетъ себя для дѣтей,—дѣти жертвуютъ многимъ для родителей. Люди приносятъ себя въ жертву наукѣ—изъ любви къ ней, къ человѣчеству. Изъ любви къ Богу и истинѣ—люди гибли на крестахъ и кострахъ. Изъ любви къ родинѣ—люди гибнутъ въ бояхъ, добровольно идутъ на опасность... По обязанности нельзя быть героемъ. Безъ любви нѣтъ героевъ. Лишь она воодушевляетъ на героизмъ, ибо она двигаетъ горами. Безъ любви—человѣкъ постарается избѣжать опасности, а попавъ въ нее поневолѣ—не проявитъ того воодушевленія, которое является только изъ любви... Мнѣ можетъ быть замѣтять: а развѣ не любовь подвигаетъ на гадости и преступленія? Нѣтъ! это не любовь, это низшая ея степень, это страсть животная, это поддѣлка любви.

*) Стихотвореніе Полонскаго.

Любовь—могучая, спасительная сила.

Безъ любви и самой жизни нѣтъ!

Люби и пусть любовь тебя всего объемлетъ, "

Но пусть душа твоя въ бездѣйствіи не дремлетъ,

Не смѣшивай *любовь* съ волненіемъ въ крови.

Люби—и разливай вокругъ себя любовь!

О животной любви и говорить не стоитъ. Это—не счастье, а горе. „Это не любовь, а развратъ,“ какъ говоритъ одно лицо въ драмѣ „Сегодня“. Эта любовь—тьма жизни, а я говорю о любви—свѣтъ жизни. Я говорю о широкой любви—широкой, какъ море, и чистой, какъ лазурь небесъ... Этой-то любви и нѣтъ у ходячихъ мертвецовъ, способныхъ на низшую страсть—любовь животного.

Безъ любви смерть.

Безъ любви нѣтъ артиста, а есть только ремесленникъ... На что бы ни упала любовь—она все освѣщаетъ. Я зналъ переплетчика. Онъ любилъ свое дѣло. Онъ любовался переплетенной книгой, какъ своимъ дѣтищемъ, какъ художникъ—картиной,—и онъ не могъ сдать плохо переплетенной книги. Онъ не жалѣлъ труда. Онъ любилъ дѣло, и въ своемъ ремеслѣ былъ артистъ, творецъ, тогда какъ безъ любви и писатель и художникъ превращаются въ ремесленниковъ.

Какъ-то заказчикъ спросилъ у портного:

— Готово пальто?

— Да, но я не могу сдать его вамъ.

— Почему?

— Я имъ недоволенъ.

Заказчику казалось хорошо, но портной—сшивъ пальто, находилъ, что работа исполнена дурно. И онъ не отдалъ ея. Онъ былъ недоволенъ. „Доволенъ ли ты, взыскательный художникъ?“ Такимъ взыскательнымъ художникомъ можетъ быть и ремесленникъ по званію, но любящій ремесло и потому поднявшій его до степени художественнаго произведенія. А что подняло? Любовь къ дѣлу. Всякая хорошая, чистая любовь, несомнѣнно, поднимаетъ человѣка. Одна развратная женщина полюбила всей душой кинутаго ребенка, и эта любовь подняла ее до подвига матери. Голосъ страсти смолкъ—и пробудился голосъ любви. Лучъ любви, какъ лучъ солнца, упалъ на грязную лужу и отразился въ ней. Богъ—сама Любовь. И потому-то настоящая любовь—частица божественной любви, ея свѣтъ, отблескъ небеснаго свѣта. Любовь—создала міръ и людей. И создала ихъ для любви. Любовь—радость. Если Богочеловѣкъ благословлялъ дѣтей, то, конечно, благословлялъ и любовь, скрѣпляющую семью. Ибо и эта любовь должна быть чиста, какъ отблескъ небесной любви.

Но часто эту любовь—побѣждаетъ любовь къ родинѣ, къ человѣчеству. Любящій отецъ—забывая семью—умираетъ за родину, погибаетъ въ исканіи истины, знанія. А эти сотни дѣвушекъ и женщинъ—идушихъ сестрами милосердія? Кто отрываетъ ихъ отъ теплаго угла, отъ родныхъ, отъ близкихъ лю-

дей? Любовь, — святая, высокая любовь къ идущимъ умирать за родину!.. Женщина, живущая сердцемъ — чаще мужчинъ способна повиноваться голосу любви. И эта любовь къ дѣтямъ заставляеть мать — переноситъ иногда всѣ тяготы семейной неудачной жизни, прощать мужу то, чего простить не хватило бы ни силъ, ни способности. Такова любовь. О, женщина-мать и женщина-подруга еще недостаточно оцѣнена, тогда какъ здѣсь-то и сказывается ярче всего сила любви. Молодая вдова-мать, еще жаждущая личнаго счастья — заглушаетъ голосъ любви къ любимому человѣку, чтобы сберечь отъ несчастія своихъ птенцовъ... Она боится даже любимому человѣку довѣриться, сомнѣваясь, что онъ явится чужимъ дѣтямъ отцомъ. Она только сомнѣвается, и уже этого достаточно, чтобы пожертвовать своимъ „я“ для дѣтей... Развѣ это не святая жертва, не подвигъ героя? Развѣ это не сожженіе себя на кострѣ во имя любви?.. А сколько такихъ матерей — и онѣ проходятъ незамѣченными, не встрѣчаютъ поддержки, подвергаясь зачастую лишь глумленію сытыхъ, грубыхъ людей, — готовыхъ не облегчить тяжесть, поднятую слабыми руками, а воспользоваться этой слабостью для себя. Мертвецамъ — не понятна и эта святая любовь. Кто-то ставилъ вопросъ: какая женщина лучше? Поэтъ отвѣчаетъ: лучше русской женщины нѣтъ.

Беззавѣтнѣе, сильнѣе,
Нѣтъ любви ея, и тотъ
Самъ становится честнѣе,
Кто съ ней объ руку идетъ.

Да, литература русская дала галлереею *праведницъ*, рядъ обаятельныхъ женскихъ образовъ. И эта литература не сочинила, а лишь отразила жизнь. Не смотря на существованіе женщинъ иного типа, все же можно сказать, что наша родина имѣетъ право гордиться своими женщинами... Среди *святыхъ* матерей, среди *женъ-подвижницъ*, среди женщинъ-героинь духа, сердца, среди *праведницъ* и чистыхъ, скромныхъ незабудокъ — тонуть женщины-развратницы, цыганки сердца, узкія эгоистки, мелкія душою, наглѣяя камеліи... Посмотрите вы на юную, чистую дѣвушку-ребенка — будущую женщину, и вы повторите за поэтомъ:

Посмотрите, ради Бога,
Какъ она, еще дитей,
Объщается такъ ужъ много
Для семьи своей родной:
И задумчивые глазки,
И привязанность и ласки...

Да хранить же тебя Господь, русская женщина, на твоёмъ многотрудномъ пути!.. Воспитывай, полная любви, юное поколѣніе для подвиговъ любви!.. Героиня духа — воспитывай героевъ-гражданъ!.. Окрылай — труженника и бойца за истину и научи всѣхъ своей любви — которая двигаетъ горами!.. Не слушай живыхъ рѣчей мертвецовъ и фарисеевъ, не увлекайся славой базара и сохрани сердце и душу тѣхъ чудныхъ праведницъ, образы которыхъ обезсмертило перо художниковъ слова... Русская женщина, идя по пути знанія, останься сердцемъ —

прежнею, чудною женщиной!.. Нужны и дороги образованныя женщины. Но еще дороже и выше ихъ — женщины-праведницы, женщины-подвижницы, *святыя* женщины!

II.

Опредѣленность и искренность.

Одинъ, очень симпатичный, писатель сказалъ какъ-то мнѣ: — Всего дороже искренность и прямое, неувертливое исповѣданіе — политическое, литературное и т. д. Думай, какъ хочешь, но говори прямо, будь искрененъ и не трусь!

Все это вѣрно. Но этой-то добродѣтелью какъ-разъ и обладаютъ очень немногіе. Теперь всего болѣе именно людей сидящихъ между двухъ стульевъ, — людей, боящихся высказать свое мнѣніе прямо и свободно.

— „Что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна?“

У каждаго времени своя „княгиня Марья Алексѣвна“, и у каждаго человѣка, пожалуй, она своя. И страшныхъ словъ боялась не одна замоскворѣцкая купчиха (время Островскаго, надо добавить). Страшныхъ словъ боятся и люди „свободной мысли“ (конечно, въ ковычкахъ). И высказалъ бы свое мнѣніе — да вдругъ назовутъ черносотенникомъ. И не скрылъ бы свою мысль — да вдругъ скажутъ: фобъ! И не утаилъ бы своего взгляда — да наклеютъ ярлыкъ: „націоналистъ“! Боязно даже для многихъ названіе вѣрующаго, христіанина. Такова путаница и столь велика трусость. И вотъ, человѣкъ, не сочувствующій лѣвымъ, вертится и дѣлаетъ видъ, что онъ-де... пожалуй... и лѣвый! И вотъ человѣкъ, возмущенный инородческими продѣлками — не смѣетъ выразить неодобренія — чтобы не попасть въ „фобы“. И вотъ человѣкъ, болѣющий душою за раздираніе родины, не смѣетъ говорить противъ происковъ финновъ и другихъ, — чтобы не показаться націоналистомъ. Вѣрующій человѣкъ молчитъ передъ глумленіями кощунствующихъ хулигановъ... Да что же это такое? Развѣ это свободное исповѣдываніе своихъ убѣжденій? Развѣ это не лакейство мысли? Не рабская трусость?!

Вспомните то, что писали по поводу распуска Думы и новаго закона о выборахъ. Вѣдь всѣ видѣли, что долше терпѣть распущенную Думу не было возможности. Это были не депутаты, способные на законодательную работу, а „товарищи“-крикуны. Они не захотѣли даже выдать заговорщиковъ. И все же многіе не смѣли сказать прямо: „слава Богу, что эту Думу распустили!“ Пошли „верченья“: „конечно,“ „все таки“... Даже люди „почтенные“ полагали, что „если-бы подождать?“ И — „конституціонно-ли?“ Господи! Да это напоминаетъ анекдотъ, какъ чуть не дали

какой-то принцессѣ погибнуть, не смѣя потушить горѣвшей одежды на ней! „Какъ-же... Обхватить принцессу!“... Лучше сгори. Лучше гини Русь, торжествуй революція, но конституціонно! Какъ можно для спасенія родины исправить ошибку!.. Такова „горячая“ любовь въ родинѣ... бумажныхъ людей и трусовъ. Такою трусостью общества и печати объясняется многое.

Я не за „произволь“ стою, а за ту энергію, съ какою дѣйствуетъ врачъ, спасая больного, или любящій человѣкъ, видя гибель ближняго. Лучше отнять руку, чѣмъ допустить смерть человѣка. Человѣкъ дороже бумажки, какъ „духъ“ — буквы. Но искренность-то! Говори во всякомъ случаѣ прямо, а не вертись ужомъ. Не будь тепель, а будь горячъ! Размазня-каша вкусна, но люди-размазни никуда не годятся. Враги порядка и друзья революціи — горячи и прямы. И здѣсь — причина ихъ успѣха... Пора это понять и всѣмъ друзьямъ порядка и мирнаго развитія родины. Надо горячо любить и энергично дѣйствовать. Надо быть искреннимъ и не трусить! Лукавство всегда оттолкнетъ. Сидѣніе между двухъ стульевъ — не дасть ни силы, ни величія. Есть времена, когда такое „сидѣніе“ и такая „трусость“ равны предательству. Только люди жизни и горячей любви могутъ спасти родину и вывести ее изъ омута смуты, а не „бумажные“ люди, трепещущіе передъ разными княгинями Марьями Алексѣвнами, желающіе „и капиталъ приобрѣсти, и невинность соблюсти“. Такіе люди, — когда они, въ качествѣ представителей печати, являются руководителями общества, — заслуживаютъ полного презрѣнія.

А. Кругловъ.

ИСКРЫ.

„Юморъ—это бальзамъ, приклады-
ваемый великодушнымъ человѣкомъ
къ язвамъ сердца“.

Т. Карлейль.

„И при смѣхѣ иногда болитъ сердце“
(Изъ притчей Соломона.)

I.

Кстати.

(ВАВРОСКИ).

I.

О чемъ писать? Какія темы,
Читатель мой, намѣтитъ мнѣ?
Писать удобно о веснѣ,
Но этимъ надобли всѣ мы,
Да и кому же, гдѣ она—
Царица юная—Весна?
Посмотрить радостное солнце
Лучами нѣжными въ оконце,
А тамъ глядишь—и „хладъ“ опять.
Нѣтъ, что жъ весну мнѣ воспѣвать!
Весна, какъ женщина, коварна:
То ласкою согрѣетъ васъ,
То рѣзкимъ холодомъ какъ разъ
Обдастъ... Весна не благодарна:
Поэтовъ также не щадить,
И имъ—пѣвцамъ—она дарить

Бронхиты, насморки и даже
 Зубную боль—чего ужъ гаже!
 Когда вѣдь зубъ у васъ болитъ,
 И декадентъ не веселить!
 Положимъ, вырвать зубъ не трудно,
 Вершинскій дергаетъ ихъ чудно,
 Въ томъ убѣдился вашъ поэтъ:
 Разъ-два, глядишь—и зуба нѣтъ!
 Но зубы... охъ, какъ нужны намъ
 По настоящимъ временамъ:
 Хотите жизнью наслаждаться,
 Умѣйте хорошо кусаться!
 И поговорку измѣнивъ
 На современнѣйшій мотивъ,
 Скажу, что смѣлый всѣмъ владѣеть!
 А потому... но вотъ бѣда,
 Я опасаюсь, господа,
 Что это „Кстати“ *покраснѣетъ*
 Совсѣмъ некстати .. что тогда?
 А я заклятый врагъ всѣхъ красныхъ,
 Людей и буйныхъ и опасныхъ;
 Носовъ я красныхъ не люблю,
 И не люблю я краснобаевъ,
 Литературныхъ попугаевъ
 Я всей душою не терплю.
 Совсѣмъ, совсѣмъ не красный я,
 И *красныхъ книжекъ* не имѣю,
 Но я всегда, всегда красню,
 Газету *красную* прочтя!
 Однако, это мы отложимъ;—
 Поговорить теперь мы можемъ
 О чемъ нибудь совсѣмъ другомъ
 (Есть факты... много ихъ кругомъ!)...

II.

Да, да... мнѣ надоѣла проза,
 И, сохраняя прежній тонъ,
 Я вотъ стихами фелъетонъ
 Хочу писать... *Метаморфоза*
 Такая, думаю, мнѣ въ грѣхъ
 Вѣдь не поставится, читатель?
 Вопросы не задастъ издатель:
 „Зачѣмъ стихи?“ Лишь быль бы смѣхъ!

„Пріятны очень дѣвамъ розы...
 „И очень чуденъ неба сводъ...“
 О, кто теперь не выдаетъ
 Рнѣмованной дубовой прозы
 За пламенный языкъ боговъ,—
 И, вмѣсто тачки сапоговъ,

Кто рѣмы въ словаряхъ не ищетъ,
 По всѣмъ редакціямъ не рыщетъ?
 Куда ни плюнь, куда ни взглянь,—
 Отправься въ Новгородъ, въ Рязань,—
 Повсюду дюжины поэтовъ!
 Стихъ вялыхъ, дѣланыхъ сонетовъ
 Васъ красотой не поразить,
 За то на десять верстъ разить
 Ужаснымъ потомъ. Этотъ потъ—
 Оригинальность сихъ господъ!
 Настали дни: телеграфисты
 И тѣ, что продавали квасъ—
 Вдругъ всѣ полѣзли на Парнасъ
 И записались въ „бальмонисты!“

Но слышу: „Смолкни, звукъ гитары!
 Сомкнитесь, нѣжныя уста!“
 Теперь герои—санитары,
 И всѣ зловонныя мѣста!
 Во имя свѣта и прогресса,
 Тебя, о, Русь, какъ сторожъ, пресса
 Неукоснительно хранить,—
 Въ своей заботѣ санитарной,
 Вездѣ за площадью базарной,
 Какъ за ребенкомъ мать, слѣдить.
 Въ лавченку каждую базара,
 Въ твое жилище, полотерь,
 Свой носъ просунетъ репортеръ,
 Помощникъ юркій санитаря.
 Онъ не начальство,—не кричить,
 А только смотреть и... строчить.
 О, репортеръ! Ты—въ сытомъ тѣлѣ!
 Судьбу напрасно не вини!
 Да, ты вездѣ въ газетномъ дѣлѣ
 Большая сила въ наши дни!
 Внимать готовы мы поэту,
 Насъ декаденты веселятъ,
 Но, утромъ получивъ газету,
 На что бросаемъ первый взглядъ?
 О, репортеръ, твое писанье
 Влечетъ всеобщее вниманье!
 Великій Шрейеръ! ты король
 Былъ всероссійскихъ репортеровъ,
 И отъ твоихъ укрыться взоровъ
 Никто не могъ. Твой былъ пароль:
 „Всегда, вездѣ все первымъ знать
 „И даже фактъ предугадать.“
 Покойся, труженикъ, въ могилѣ:
 Ты въ жизни долго лямку теръ,
 Нашъ первый славный репортеръ!

Вкуси усладу, знай, что въ силѣ
 Твои преемники—сыны;
 Они такіе же вруны,
 Но нынѣ выдумку свою
 Они назвали „интервью“.
 О, чадо лучшее прогресса—
 Печать не вѣдаетъ регресса:
 Газета двинулась впередъ
 И прогрессивно больше... вретъ!

III.

Сказать я долженъ, хоть печально:
 Да, книга на Руси неидетъ
 (Лишь покупаютъ то, что сально,
 Что *желтымъ домо*мъ отдаетъ!);
 Кой-какъ свой тянуть вѣкъ журналы,
 Но пьютъ прекрасно либералы
 И консерваторъ сильно пьетъ.
 Пусть сочиняются сатиры
 На пьянство, пьяницъ—въ сотни строфъ:
 Цвѣтутъ и здравствуютъ трактиры,
 Непобѣдимъ російскій штофъ...
 О, если мы немножко рьяны,
 То лишь тогда, когда всѣ пьяны!
 Мы всѣ высокихъ чувствъ полны,
 Враги работы мелкой, узкой,
 Мы остряки и болтуны
 За соблазнительной закуской.
 Вѣка мы цѣлые сидимъ
 Въ грязи и грязны натурально...
 Мы либерально всѣ ѣдимъ
 И пьемъ ужасно либерально!

.....
 Явился было мужъ великій,
 Философъ и владѣлецъ бань,—
 Онъ кликнулъ кличъ: „О, Россъ мой дикій,
 Забудь про штофъ, проснись, возстань!..
 Припомни, что сказалъ учитель“...
 Внималъ философу русакъ,—
 Но вдругъ... философъ-обличитель
 И патриотъ—попалъ въ просакъ!..

Давно ужъ сказано: „веселье
 Для Руси пить“... И съ этихъ поръ—
 Развозимъ всюду водку-зелье,—
 И всюду длани штофъ простеръ!..
 Мы забралися къ самоѣдамъ,
 Въ глухую тундру и скорѣй
 Мы научили дикарей

Пить водку утромъ, предъ обѣдомъ,
И днемъ и даже ночью пить,
И въ водкѣ счастье находить.
Куда бы мы ни приносили
Нашъ „свѣтъ“—кабакъ мы заводили.
Пришли мы въ Азію, и тамъ
Какъ драгоценную находку,
Мы покореннымъ племенамъ
Открыли русскій нектаръ—водку!..

Мы тосковали о народѣ,
Стремясь „деревню“ просвѣтить:—
„Свобода—свѣтъ!“ Но при свободѣ
Народъ еще сталъ больше пить!
Кругомъ и грязно и темно...
Но не печалить насъ и горе:
Недаромъ сказано давно
„Вѣдь пьянымъ по колѣно море!“
Мы обратили въ хлѣвъ Парнасъ,
Пьянѣя больше годъ отъ года,—
И даже самая Свобода
Въ запоѣ буйствуетъ у насъ!

Веселый Устюжанинъ.

Вездѣсущій Палочкинъ.

(эскизъ).

- Гдѣ пишетъ Палочкинъ?
- Гм! Вы не такъ спрашиваете.
- А какъ же надо спросить?
- Гдѣ не пишетъ Палочкинъ?

Да, такъ вопросъ поставить вѣрнѣе: гдѣ не пишетъ г. Палочкинъ? Онъ пишетъ вездѣ! Откройте толстые журналы.

Въ одномъ изъ нихъ печатаютъ романъ Палочкина. Другой—общаетъ романъ Палочкина. Третій—приобрѣлъ романъ Палочкина.

Все романы. И все въ 3-хъ, въ 4-хъ, въ 5-ти частяхъ.

Въ иллюстрированныхъ изданіяхъ также пишетъ г. Палочкинъ.

Здѣсь романъ историческій. Тамъ—историко-географическій.

Въ третьемъ—фантастически научно-соціальный.
 Въ маленькихъ газетахъ... опять г. Палочкинъ!
 И снова романы, романы, романы!
 Но г. Палочкинъ пишетъ не только романы.

Онъ пишетъ очерки по естествознанію, статьи по живописи, этюды по медицинѣ, изслѣдованія по технологіи и исторіи музыки. Онъ переводитъ съ двѣнадцати языковъ. Онъ пишетъ романы и самъ перекладываетъ ихъ на музыку и иллюстрируетъ. Онъ критикуетъ работы любителей-фотографовъ. Онъ задумалъ романъ изъ жизни спиритовъ и жителей на лунѣ, когда она еще была въ періодъ молодости.

Онъ корреспондируетъ въ двѣ французскія и въ три нѣмецкія газеты.

И онъ женатъ на...

Ну, женатъ онъ только на одной гречанкѣ.

Впрочемъ, въ этомъ онъ не виноватъ: на двухъ жениться не позволено закономъ.

Только поэтому онъ и женатъ на одной.

Когда онъ успѣваетъ писать? удивляются многіе.

Опять не вѣрно поставленный вопросъ!

Надо спросить:

— Когда онъ спитъ?

Недавно къ Палочкину явился издатель-журналистъ.

— Наше вамъ-съ!

— Здравствуйте! Что вамъ надо?

— Я къ вамъ...

— Вижу. Не тратьте времени. Время—деньги. Секунда стоитъ мнѣ 40 копѣекъ. Кратко: что надо?

— Романъ! Можете?

— Когда?

— Черезъ двѣ недѣли.

— Могу! Во сколько частей?

— Не меньше 2-хъ.

— Могу въ три.

— Хорошо.

— Сколько?

— Назначьте сами.

— Я беру не меньше 200 р. съ листа.

— Сто двадцать пять.

— Сто тридцать и ни копейки меньше.

— Согласенъ.

— Три части. Каждая часть шесть листовъ. Восемнадцать листовъ. За шесть листовъ деньги сейчасъ. Остальное при полученіи рукописи.

— А не надуете?

— За кого считаете? Фирма старинная.

— Ну, не очень!

— Однако!.. Вынимайте деньги и убирайтесь. Я занятъ.

Послѣ обѣда Палочкинъ подошелъ къ шкафу и досталъ оттуда исторію Дрэпена, романъ „Новъ“ и стихи Фета.

Онъ сдѣлалъ отмѣтки карандашемъ и началъ писать романъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ПАЛАУЗОВА.

(Романъ въ трехъ частяхъ въ новомъ вкусь).

Часть первая.

Палаузовъ сѣлъ на диванъ, раскрылъ прекрасную книгу Дрэнера и началъ читать. Онъ прочелъ гл. 1—12.
(Сдѣлать выписку, поручивъ курсисткѣ Ивановой).

Часть вторая.

Палаузовъ рѣшился написать разборъ „Нови“ и для этого прочелъ ее всю снова.
(Отдать для переписки романъ „Новь“ студенту Попову).

Часть третья.

Онъ и она пошли гулять въ рощу. Стоялъ прекрасный день.

— Вы любите поэзію? спросилъ онъ ее.

— О, да! отвѣтила она.

— Я тоже.

— Вы любите Фета?

— Обожаю! Онъ прелестно описываетъ любовь и природу.

Правда?

— Истина! Аксиома!

— О!

— Ахъ!

Молчаніе.

— Позвольте, я прочту вамъ чтонибудь изъ Фета?

— О, какъ это прелестно! Читайте!

Онъ сѣлъ на траву, она легла къ нему на колѣни, и онъ сталъ читать Фета.

(Списать стихи на страницахъ такихъ и такихъ. Отдать дочери хозяйки.)

Заключеніе.

Они поженились.

Подпись:

Палочкинъ.

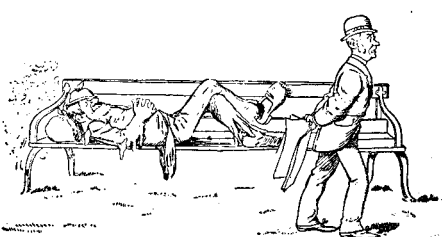
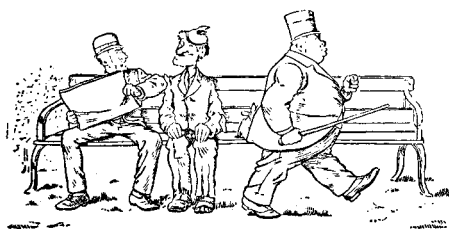
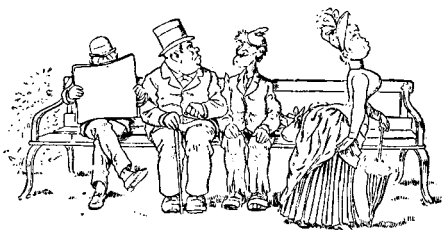
Черезъ двѣ недѣли романъ былъ сданъ. Палочкинъ получилъ деньги.

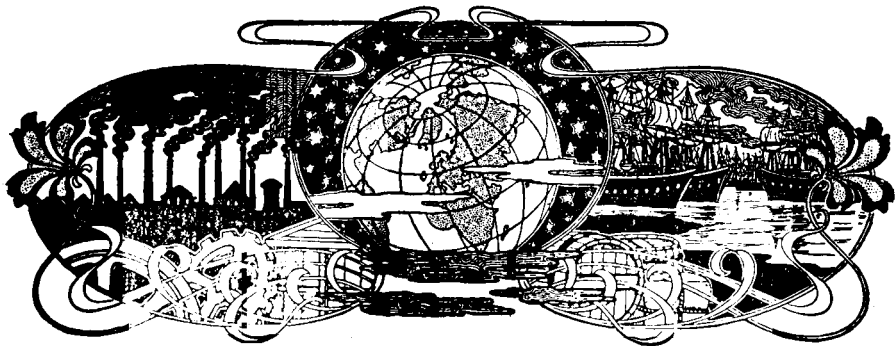
Не правда-ли, какъ легко пишетъ вездѣсущій Палочкинъ.

Скучающій Вологжанинъ.

Хитрая политика.

(Разказъ безъ словъ.)

Обо всемъ и отовсюду.

I.

Изъ очерковъ жизни.

I.

Въ фабричномъ поселкѣ.

Въ „Ист. Вѣст.“ извѣстный нашимъ читателямъ Н. Оглоблинъ рассказываетъ о своихъ наблюденіяхъ въ одномъ фабричномъ поселкѣ. Рабочіе имѣютъ здѣсь высокіе заработки, много выше другихъ фабричныхъ центровъ. Житіе ихъ обставлено образцово, со всѣми удобствами. Ни о чемъ подобномъ не могутъ даже мечтать какіе-нибудь бурлаки, смиренно несущіе свой тяжелый, опасный и слабо оплачиваемый трудъ. А между тѣмъ эти сытые и избалованные фабричные рабочіе были все еще недовольны, и аппетиты ихъ разгорались на большѣе, конечно подъ воздѣйствіемъ крайнихъ партій.

Въ фабричномъ поселкѣ шло глухое броженіе, и ожидалась общая забастовка. Были вызваны войска.

„Случайно я очутился“, рассказываетъ г. Оглоблинъ, „на вокзалѣ, когда тамъ высаживались 2 роты гренадеръ. Платформа была полна фабричной и другой публики, которая косо посматривала на строящихся солдатъ.

Какой-то „безработный“ (какъ потомъ оказалось) обратился ко мнѣ съ ехиднымъ замѣчаніемъ:

— И вы, господинъ, смущены прибытіемъ солдатъ?

— Напротивъ! Я очень радъ имъ.. это — защитники порядка и законности...

— Ну, наши 50 дружинниковъ справятся съ этими 2-мя ротами...

— Какъ-же справятся!.. Ваши дружинники — мастера навалиться только на безоружнаго человѣка, да пограбить его или подстрѣлить изъ-за угла... На это ихъ хватить!.. А съ солдатами они ничего не подѣлаютъ... 5 хорошихъ солдатъ достаточно, чтобы разогнать толпу въ 500 человѣкъ...

Мои рѣчи, видимо, не понравились ни „безработному“, начавшему раз-

говоръ, ни собравшейся около насъ кучкѣ фабричныхъ и „безработныхъ“, очень нервно настроенныхъ...

Разговоръ перешелъ на готовившуюся забастовку. Одинъ фабричный наивно замѣтилъ:

— Если хозяева закроютъ фабрики, то правительство возьметъ ихъ въ свои руки...

— Откуда вы это взяли?—спрашиваю его.

— Понялуйте! Здѣсь 50 тысячъ рабочихъ, нельзя же имъ голодать!..

— И будутъ голодать, если станутъ безобразничать и требовать невозможнаго... А правительство не возьметъ фабрикъ... Вотъ убили директора Нарвской мануфактуры, и фабрики закрыли, а тамъ 25 тыс. рабочихъ... и всѣ голодаютъ по волѣ нѣсколькихъ негодяевъ!..

— Вотъ пойдетъ всемирная забастовка,—заявилъ другой фабричный.

— Полнотѣ! Васъ обманываютъ: никакой забастовки нигдѣ не готовится... Вотъ я прїѣхалъ сюда съ Волги... тамъ еще весной ходили слухи о всеобщей забастовкѣ, а ровно ничего не вышло... По всей Волгѣ работаютъ всѣ, какъ слѣдуетъ,—и на судахъ, и на фабрикахъ и заводахъ...

— Вездѣ работаютъ на Волгѣ?—разомъ спросили нѣсколько рабочихъ.

— Всѣ преспокойно работаютъ и не помышляютъ ни о какихъ забастовкахъ...

— А намъ тутъ брешутъ все,—замѣтилъ пожилой рабочій,—толкуютъ пор всемирную забастовку...

— Вотъ въ томъ-то и бѣда ваша, что вы вѣрите всякой брехнѣ... а правды не добиваетесь...

— Нѣтъ вынче правды!—воскликнулъ тотъ же пожилой рабочій.—Гдѣ ее сыщешь?

— Какая тамъ правда,—перебилъ „безработный“, начавшій бесѣду,—коли теперь поны убиваютъ людей крестомъ!..

— Что такое? Что за вздоръ вы городите!..

— А какъ же съ!.. Попы провожаютъ съ крестомъ идущихъ на смертную казнь...

— Но вѣдь это же дѣлается для утѣшенія умирающаго!.. Желаетъ онъ—приметь священника и поцѣлуетъ крестъ, а не хочетъ—никто принуждать его не будетъ...

— Правильно, господинъ!—горячо поддержалъ меня находившійся въ толпѣ конвойный солдатъ.—Крестъ предлагается для души умирающаго, ежели онъ вѣрующій человекъ... А вы,—обратился онъ къ безработному,—толкуете Богъ знаетъ что!.. Совѣстно васъ слушать!..

— А вы полагаете,—неожиданно повернулъ прижатый къ стѣнѣ „безработный“, обращаясь къ солдату,—что смертная казнь позволительна?

— Обязательна для разбойниковъ, проливающихъ кровь!—увѣренно сказалъ солдатъ.—У насъ въ городѣ былъ такой случай. Пришелъ въ тюрьму какой-то господинъ, хорошо одѣтый, въ шляпѣ. Было у него дѣло къ смотрителю. Встрѣчаетъ его на тюремномъ дворѣ арестантъ, схватываетъ кирпичъ и—трахъ господина по головѣ!.. Тотъ упалъ, обливаясь кровью, а черезъ нѣсколько часовъ и померъ... Спрашиваютъ арестанта: „за что убилъ человека?“ А онъ въ отвѣтъ: „за то-де, что онъ былъ въ шляпѣ“... Только-то и всего!..

— И сказнили арестанта?—раздались любопытные голоса.

— Само собой! Въ 24 часа! Да развѣ можно простить такого разбой-

ника!.. „За пляпу“ убить человѣка!.. Али, по вашему, это резонъ?—съ усмѣшкой спросилъ солдатъ.

Толпа возбужденно загалдѣла. Одни поддерживали солдатика, другіе шли противъ. Фабричныя насѣдали на конвойнаго, но онъ стойко держался и толково отражалъ всѣ возраженія.

II.

„Угодительный старикъ“.

Нервность одурманенныхъ фабричныхъ отражалась на всемъ населеніи поселка, въ которомъ пришлось быть г. Оглоблину.

Разъ зашла у него бесѣда съ однимъ сходнымъ мужичкомъ Рязанской губ., видимо, распропагандированномъ „товарищами“. Этотъ „угодительный старикъ“, какъ онъ самъ отрекомендовался, служилъ сторожемъ на фабричномъ народномъ гуляньѣ, получая въ мѣсяць 15 руб. жалованья—очень солидный окладъ для его 70 лѣтъ и полного служебнаго покоя. Отъ бездѣлья старикъ пускается въ разсужденія на злобы двя. Онъ началъ съ такого заявленія:

— Не хочетъ Царь давать намъ земли...

— Неправда! Онъ не хочетъ, чтобы вы грабили другихъ... а землю дать вамъ, но не можетъ отдать даромъ, безъ денегъ...

— А мы платить за землю несогласны...

— А грабить согласны?

— Черезъ 3 года они своего добьются.

— Ничего они не добьются, разъ пошли силкомъ, нахрапомъ да обманомъ...

— Силы у нихъ немало...

— А у Царя найдется побольше силъ...

— Надо полагать, что солдаты не тануть бить своего брата—мужика...

— Обязательно будутъ и должны бить „своего брата“, когда онъ грабить, безобразничаетъ, идетъ противъ закона...

„Угодительному старику“ не угодили мои рѣчи, и онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Разказалъ онъ о своемъ рязанскомъ селѣ, какъ оно изъ 100 дворовъ разрослось до 500 дворовъ, которые сидятъ такъ тѣсно, что ежегодно выгораетъ до 100 дворовъ. А переселяться не хотятъ на свою же землю, всего въ 10 верстахъ. Земли у нихъ достаточно, но разгорѣлся аппетитъ на сосѣдній казенный лѣсъ, хорошо содержимый.

— А у васъ былъ надѣльный лѣсъ?

— Какъ же!.. Было довольно отведено... Сторона наша лѣсная... Ну, мужики давно уже перевели свои лѣса... Какіе оставались кусточки, и тѣ нонѣ смахнули начистоту...

— Зачѣмъ же?

— А говорить: у кого нѣтъ лѣсовъ, тѣмъ отведутъ казенные... Ну, мы живо и подмахнули остаточки своего лѣса, чтобы, значить, не лишиться правовъ на казенную прирѣзку...

— И откуда вы это взяли? Ни шиша не получите!..

— Да у насъ подъ бокомъ огромный казенный лѣсъ!.. Разбить онъ на 60 участковъ и каждый годъ рубится по одному... лѣсъ, значить, безпереводный...

— То-то оно безпереводный! А вы въ 2—3 года весь переведете?

— Извѣстно! Живо справимся!.. Мы ужъ примѣрно разбили его на 500 дворовъ...

— Ишь какіе вы скорые!.. Какъ-же можно давать вамъ лѣсъ на вѣрную гибель?

— Оно, точно, не убережемъ мы лѣса... Ну, а безъ лѣса намъ жить тошно... ни тебѣ пруточка, ни орясины, ни полѣна!.. Лѣсъ намъ надобенъ...

— Мало-ли что!.. Вотъ вамъ и водка надобна!.. Просите ужъ заодно и дароваго винца...

— Хе-хе-хе!—осклабился старикъ. — Ужъ это во какъ было бы ладно!.. Помирать не надо!.. А что ты думаешь, въ самъ-дѣлѣ? Сколь мы этихъ деньжищъ перевели на вино—страсть!.. А теперь окажи мужику уваженіе, отпуская ему вино даромъ... и сколь хошь!.. Этта приду въ винополою и покажу перстомъ на посудину, какая по праву подойдетъ. Сидѣлка живо ее мнѣ съ полки берите, молъ, поштенный, давно васъ дожидается... и ни копѣйки не потребуетъ, хоть кажинный день приходи... Не житье, а малина!.. Лучше и не требуется... вотъ сказалъ!..

— Что-жъ попробуйте—просите!..

— Нешто можно?—серьезно заинтересовался старикъ.

— Просить обо всемъ можно... Вотъ станете выбирать депутата въ новую Думу, дайте ему наказъ: пусть не требуетъ „земли и воли“, а „земли и водки“...

— Ужъ на что бы то лучше!..

— Тогда и лѣса вамъ ненадобно?

— На что онъ, коли водка будетъ даровая!.. Вѣдь и лѣса-то мы больше для того добиваемся, чтобъ было намъ на что пить,—съоткровенничалъ старикъ.

Въ заключеніе г. Оглоблинъ спросилъ „угодительнаго старика“:

— Скажи мнѣ вотъ что... Сейчасъ свободныя земли у насъ найдутся и будутъ розданы нуждающимся... А черезъ 50 лѣтъ мужика снова расплодится вдвое-втрое, но свободной земли нигдѣ ужъ не будетъ ни сибь-пороха... какъ же быть тогда съ лишними мужиками, гдѣ добыть для нихъ земли?

— Неоткуда будетъ—это точно...

— Вотъ видишь!.. Надо, значить, не то, чего вы требуете... Надо не землю вамъ прирѣзывать, а научить васъ, какъ слѣдуетъ за ней ухаживать, чтобы она была всегда урожайна, да не по-вашему — не „самъ-друг“, а какъ водится у настоящихъ хозяевъ...

— Да,—вздохнулъ старикъ,—коли-бъ навозу побольше.

— Ну, братъ, спасеніе ваше не въ одномъ навозѣ!.. Навозомъ-то вы и безъ того предостаточно обложились со всѣхъ сторонъ!.. И не проберешься къ вамъ никакъ черезъ вашъ навозъ...

— Извѣстно, живемъ мы грязно,—согласился старикъ.

II.

Городъ во власти социалистовъ. *)

Въ настоящее время уже имѣется достаточное количество опытовъ пере-

*) На основ. книги Луи Кудюрё: „La ville sous le rѣgime collectiviste“.

хода отъ теоріи социализма къ практикѣ, но мы не можемъ указать ни одного примѣра удачнаго проведенія въ жизнь какой-нибудь социалистической теоріи. Наоборотъ, гдѣ бы только ни были сдѣланы эти попытки, получились одни плачевные результаты, — опытъ показывалъ, что социализмъ къ жизни не при- мѣнимъ.

Послѣднимъ и наиболѣе яркимъ примѣромъ такого социальнаго опыта является примѣненіе на практикѣ коллективистическаго социализма во французскомъ городѣ Брестѣ, который въ теченіе четырехъ лѣтъ управлялся сторонниками этого ученія.

Въ новый городской муниципалитетъ Бреста были выбраны: мэръ города— Оберъ, по профессіи часовыхъ дѣлъ мастеръ; первымъ товарищемъ мэра—Виберъ, рабочій изъ арсенала;—вторымъ товарищемъ Гуриво—врачъ; третьимъ Литальень, профессоръ бретскаго лицея; четвертымъ—Гудъ, писарь изъ канцеляріи арсенала и, наконецъ, пятымъ—Ле Треюдикъ, по профессіи столяръ. Остальныя должности были заняты почти сплошь рабочими и мелкими чиновниками.

Въ то время, когда производились выборы муниципалитета, въ сосѣдней залѣ оркестръ изъ школьниковъ игралъ „интернаціональ“, а когда кончились выборы, весь городской совѣтъ, въ полномъ составѣ, предшествуемый школьнымъ оркестромъ, безпрестанно играющимъ „интернаціональ“, направился къ дому адмирала Ревельера, и здѣсь еще разъ была пропѣта подъ аккомпаниментъ оркестра пѣсня, въ которой угрожается смертью всѣмъ генераламъ.

Утвердившись во власти, социалисты начали „законодательствовать“. И первое, что они сдѣлали—это назначили себѣ солидные оклады. Этотъ поступокъ Обера и К^о особенно поразилъ гражданъ, ибо за три дня до выборовъ Гудъ зияялялъ на предвыборномъ собраніи: „Никогда, граждане,—я это говорю, чтобы немедленно пресѣчь извѣстные слухи,—никогда городской совѣтъ изъ рабочихъ-соціалистовъ не отпуститъ 6000 франковъ на жалованье своему мэру, никогда онъ не разрѣшитъ никакого жалованья товарищамъ мэра“.

Но то было предвыборное собраніе, и нужно было показать свое безкорыстіе. Теперь этого болѣе не нужно, и социалисты назначаютъ мэру—не жалованье, а „вознагражденіе“ не въ 6000 франковъ, а въ 9000, увеличивъ его впоследствии до 10,000 франковъ. Товарищи мэра также получили „вознагражденіе“ и въ большемъ размѣрѣ противъ прежняго.

Назначивъ себѣ жалованье, Оберъ и К^о приступили къ городскимъ дѣламъ. Проверивъ кассу, они сообщили, что въ ней находится только 11,269 франковъ, между тѣмъ какъ наличныхъ денегъ, на самомъ дѣлѣ, тамъ было около полумилліона франковъ. Нуkenъ былъ долгій походъ печати, чтобы заставить новый муниципалитетъ сознаться, что въ кассѣ дѣйствительно была эта крупная сумма.

Первымъ постановленіемъ социалистическаго совѣта было запрещеніе проносить по улицамъ открыто святые дары умирающимъ, ибо „всякое внѣшнее проявленіе обрядности“ приносить „несомнѣнный вредъ“. Въ виду этого было постановлено носить св. дары, спрятанными въ мѣшокъ. Впоследствии было запрещено ношеніе по улицамъ во время похоронъ крестовъ, иконъ и т. п.

Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ выбора социалистическаго муниципалитета, какъ въ Брестѣ начались забастовки. Прежде всего были разгромлены булочныя, и городу сталъ угрожать голодъ. Безпорядки стали все увеличиваться и Оберъ съ товарищами для водворенія порядка потребовали войска, чтобы умирить своихъ избирателей!

Забастовка была прекращена, но только на время. Вскорѣ она опять на-

чалась и съ небольшими перерывами продолжалась около двухъ лѣтъ. Всѣ эти забастовки сопровождались уличными драками и даже боями между рабочими и войсками. Въ результатѣ получилось полное раззореніе промышленности и торговли. Установлено, что члены муниципалитета, которые должны поддерживать порядокъ въ городѣ, сами были организаторами этихъ забастовокъ и тайно поддерживали ихъ.

Принимая участіе въ забастовкахъ, Оберъ и К^о не забывали однако своихъ правъ, какъ хозяевъ города.

На первомъ засѣданіи, посвященномъ городскимъ сборамъ, они установили налогъ на камни (по 30 сантимовъ), ибо они „согрѣваютъ только богатыхъ“. Затѣмъ были обложены зеркала, потомъ душистыя мыла и проч. предметы роскоши. Правда, зеркала нужны парикмахерамъ, а мыломъ торгуютъ мелкіе торговцы, но это не было принято въ соображеніе новыми отцами города.

Послѣ этихъ мелкихъ постановленій, направленныхъ исключительно противъ зажиточныхъ классовъ, Оберъ и К^о выработали новый квартирный налогъ.

Въ основу было положено правило—освободить отъ квартирнаго налога своихъ избирателей, а всю тяжесть свалить на противниковъ. Въ виду этого всѣ, кто платилъ за квартиру 150 франковъ и меньше, освобождались отъ налога. Такимъ образомъ цифра плательщиковъ квартирнаго налога съ 14,080 понизилась до 6,385 человекъ.

Налогъ былъ распределенъ очень неравномѣрно. Въ то время, какъ въ Парижѣ за квартиру 1000 фран. налогъ равнялся 88 фран. въ Брестѣ платили почти 193 франка.

Этотъ новый налогъ привелъ къ тому, что квартиры страшно вздорожали, ибо каждый домовладѣлецъ долженъ былъ внести за каждую квартиру не менѣе 100 фран. Жизнь тоже вздорожала и, конечно, торговля стала падать.

Чтобы усилить городскую кассу, деньги изъ которой уходили на поддержку революціонныхъ организацій, вродѣ „Биржи труда,“ на поѣздки мэра и его товарищей на социалистическіе конгрессы и т. д., — социалистической муниципалитетъ придумывалъ все новые и новые налоги. Обложено было сѣно, овесъ и отруби, которыми „буржуи“ кормили своихъ лошадей и коровъ. Цѣны на эти продукты сразу удвоились, и извозчики вынуждены были сильно повысить таксу.

Дороговизна жизни, квартирный налогъ и вообще социалистическіе порядки привелъ къ тому, что строительное дѣло совсѣмъ упало. Въ 1902 году было построено 120 новыхъ зданій, а въ 1907 едва воздвигнули 15 построекъ!

Торговля унала до minimum'a. Уже къ концу 1904 года мѣстный банкъ, который дѣлалъ треть мѣстныхъ оборотовъ, получилъ платежей на 800,000 франковъ меньше, чѣмъ въ прошедшій годъ.

Но не только односторонними налогами социалисты проявили свою дѣятельность. Они рѣшили воздѣйствовать на городъ и „идейно.“ Въ мѣстномъ театрѣ запрещено было ставить „буржуазныя“ пьесы, и ихъ замѣнили пьесы социальныя. Пьесы эти были такого содержанія, что театръ совсѣмъ опустѣлъ, и городъ сталъ выдавать раньше прибыльному предпріятію субсидію въ размѣрѣ 20,000 франковъ.

Общая характеристика всего сдѣланнаго социалистами за время управленія Бреста дается Кудюрѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Полный произволъ въ соединеніи съ полнымъ невѣжествомъ и полнымъ отсутствіемъ, хотя бы малѣйшаго понятія о здоровой финансовой политикѣ—вотъ отличительныя черты социа-

листической администраціи. Единственной руководящей его идеей является своекорыстная забота о себѣ и въ лучшемъ случаѣ о своихъ друзьяхъ, вмѣстѣ съ ненавистью къ противникамъ. А противниками считаются всѣ, кто не преклоняется передъ краснымъ флагомъ, кто привязанъ къ порядку и закону, кто осмѣливается вѣровать въ Бога и заботиться о національной славѣ.“

Вводя налоги на все, что имѣетъ хотя-бы отдаленное отношеніе къ буржуазіи, Оберъ и К^о удивительно скоро изъ социалистовъ превратились въ настоящихъ и притомъ самыхъ низко-пробныхъ буржуа. Кудюрье приводитъ интересное меню социалистовъ, угощавшихся на городской счетъ въ Grand Hôtel'а, во время посѣщенія „школьного каравана“ въ Трезъ-Ирѣ. Дѣти получили на завтракъ: сушъ съ чечевицей, вареное мясо и бобы, а Оберъ и К^о: различные закуски, водку, баранину, зеленые бобы, цыплятъ, ксфейное мороженое, сыръ, фрукты, ликеры, сигары и т. д.

Авторъ заканчиваетъ свою книгу пожеланіемъ, чтобы опытъ Бреста послужилъ урокомъ для другихъ городовъ Франціи. Онъ безпристрастно изложилъ исторію своего города за время управленія социалистами и пришелъ къ заключенію, что гнетъ и деспотизмъ ихъ управленія превзошелъ все, что только когда-либо знала исторія самыхъ варварскихъ и деспотическихъ странъ.

Книга Кудюрье является чрезвычайно важнымъ документомъ и было бы желательно, чтобы она была цѣликомъ переведена на русскій языкъ. Она наглядно показала бы, какіе результаты получаются, когда власть попадаетъ въ руки социалистовъ и ихъ друзей.

Во Франціи она произвела большое впечатлѣніе и во многихъ случаяхъ подѣйствовала отрезвляюще. Впрочемъ, увлеченіе социализмомъ начинаетъ проходить во Франціи. Въ городахъ, гдѣ разъ испытали прелести социалистическаго режима, въ другой разъ социалистовъ не выбираютъ. („Гол. Москвы“, К. Кульневъ.)

III.

Изъ психической жизни животныхъ.

Нигдѣ въ животномъ мірѣ, не исключая и самыхъ высшихъ представителей — млекопитающихъ (человѣкъ здѣсь, конечно, въ счетъ не идетъ) общественная жизнь не достигаетъ такого высокаго развитія, такого полного совершенства, какъ въ мірѣ насѣкомыхъ — среди пчелъ и муравьевъ.

Неоднократно высказывалось мнѣніе, что психическая жизнь пчелъ и муравьевъ лишена разумной, сознательной дѣятельности, что вся эта жизнь цѣликомъ представляетъ собою сложную механику, въ которой всѣ части дѣйствуютъ инстинктивно, по разъ навсегда заведенному порядку, что тутъ нѣтъ ни свободнаго выбора, ни умѣнія сознательно относиться къ окружающимъ вѣншимъ условіямъ. Мнѣніе это однако не подтверждается фактами. Новые опыты и наблюденія Гастона Бонье надъ пчелами могутъ служить тому прекрасной иллюстраціей.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ опытовъ и наблюденій.

Пчеловодамъ давно уже хорошо извѣстно, что пчелы, отправляясь за сборомъ нектара и цвѣтени, всегда съ необычайной правильностью распределяютъ свой трудъ: никогда не приходилось наблюдать, чтобы пчелы сообща набрасывались на ближайшія къ ульямъ медоносныя растенія, напротивъ эти насѣкомыя

всегда соотнобразуются съ наличнымъ числомъ медоносныхъ растений. Если число послѣднихъ въ ближайшемъ отъ ульевъ районѣ не велико, то въ этомъ районѣ остается для сбора соотвѣтствующее же число пчелъ, остальные не трогаютъ даннаго района и улетаютъ дальше, гдѣ такимъ же образомъ сборъ съ опредѣленнаго участка медоносныхъ растений правильно распредѣляется между опредѣленнымъ числомъ пчелъ.

Можно было бы думать, что наблюденіе это кажущееся. Для его подтвержденія во всякомъ случаѣ требовались провѣрочные опыты. Эти опыты и были произведены Гастономъ Бонье. Онъ срѣзалъ десять вѣточекъ въ цвѣту одного медоноснаго растенія и поставилъ ихъ въ бокалѣ съ водою въ своемъ саду въ укромномъ мѣстечкѣ, обыкновенно совсѣмъ не посѣщаемомъ пчелами. Вода въ бокалѣ возобновлялась; вѣточки по мѣрѣ увяданія въ свою очередь замѣнялись новыми. Въ этихъ условіяхъ цвѣты всегда въ изобиліи выдѣляли нектаръ.

На слѣдующій день къ бокалу прилетѣла одна пчелка, которую Бонье тотчасъ помѣтилъ красочнымъ порошкомъ, смѣшаннымъ съ талькомъ (такая мѣтка держится очень прочно на волоскахъ спинки пчелы и не можетъ быть стерта лапками насѣкомаго). „Ислѣдовавъ“ тщательно вѣточки въ бокалѣ, пчелка скрылась и въ скоромъ времени вернулась съ другой пчелкой, которая также была помѣчена экспериментаторомъ. Набравъ нектара, обѣ пчелки улетѣли и спустя минутъ двадцать привели съ собою еще трехъ, также немедленно помѣченныхъ красочной пудрой. Между этими пятью пчелками тотчасъ же установилось правильное раздѣленіе труда: одна изъ нихъ собирала цвѣтень, а четыре остальные нектаръ.

На слѣдующій день къ этимъ пяти пчелкамъ прилетѣла новая, но, найдя здѣсь своихъ товарищъ и какъ бы убѣдившись, что число послѣднихъ совершенно достаточно для сбора нектара съ наличнаго количества вѣтокъ медоноснаго растенія, тотчасъ же улетѣла и болѣе не возвращалась. Тогда Бонье рѣшилъ удвоить въ бокалѣ число вѣтокъ медоноснаго растенія и къ своему удивленію въ непродолжительномъ времени онъ могъ убѣдиться, что число пчелъ-сборщицъ также увеличилось вдвое: къ пяти прежнимъ присоединились новыхъ пять, причѣмъ изъ нихъ одна занялась также сборомъ цвѣтени, а остальные собирали нектаръ. Гастонъ Бонье повторялъ тотъ же опытъ много разъ и всегда съ одинаковыми результатами, свидѣтельствовавшими, что пчелы самымъ правильнымъ образомъ распредѣляютъ свой трудъ при сборѣ нектара и цвѣтени: опредѣленному числу медоносныхъ растений всегда соотвѣтствуетъ опредѣленное число пчелъ-сборщицъ, причѣмъ такое распредѣленіе, обезпечивая наиболѣе обильный сборъ, предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны пчелъ правильный подсчетъ какъ своихъ силъ, такъ и наличнаго количества въ данномъ районѣ медоносныхъ растений.

Допустимо-ли, чтобы при такомъ подсчетѣ и цѣлесообразномъ распредѣленіи труда пчелы не руководствовались разумнымъ, сознательнымъ отношеніемъ къ своей работѣ. Какъ же объяснить тогда всѣ только-что приведенныя наблюденія одного изъ наиболѣе осторожныхъ и авторитетныхъ экспериментаторовъ?

Но вотъ другой рядъ опытовъ, въ которыхъ способность пчелъ къ разумной, сознательной дѣятельности обнаруживается еще съ большей отчетливостью. На столѣ, въ укромномъ уголкѣ сада, Бонье положилъ кусокъ сахара, въ расчетѣ, что это привлечетъ пчелъ. Бонье не ошибся. Спустя нѣкоторое время къ сахару прилетѣло нѣсколько пчелокъ, тотчасъ же отмѣченныхъ красочной пудрой. Крупный кусокъ сахара не поддавался слабымъ челюстямъ пчелъ, и послѣднія направлялись въ улей, а затѣмъ вновь вернулись, но уже не однѣ, а съ товарищами, причѣмъ послѣднія сперва направились къ ближайшему источнику воды

и, набравъ возможно больше капель послѣдней, стали усердно смачивать ими сахаръ. Работа эта возобновлялась нѣсколько разъ, пока не разсиропилось достаточное количество сахара, которое тотчасъ же было собрано и унесено въ улей. Съ этого момента, говоритъ Бонье, работа пчелъ приняла такое направленіе: онѣ летѣли отъ улья къ источнику воды, набирали возможно большее количество капель послѣдней, направлялись затѣмъ къ сахару, размачивали его и образовавшийся сиропъ уносили въ улей. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока весь сахаръ не былъ собранъ, причѣмъ и здѣкъ въ работѣ участвовало опредѣленное число все тѣхъ же пчелъ; другой пчелы въ это дѣло не вмѣшивались.

Отрицать въ этой сложной работѣ пчелъ разумную, сознательную сторону и цѣликомъ приписывать ее механическому рефлексу значитъ закрывать глаза передъ дѣйствительностью.

Приведемъ еще одно интересное наблюденіе все того же экспериментатора Бонье опускалъ капли сахарнаго сиропа въ вѣнички цвѣтвъ, посѣщаемыхъ пчелами, и пчелы охотно собирали этотъ сиропъ, но затѣмъ названный экспериментаторъ замѣнилъ сахарный сиропъ каплями чистаго меда, взятаго изъ улья. Пчелы видимо были удивлены такой перемѣной; онѣ стали слетаться въ большемъ и большемъ количествѣ и спустя нѣкоторое время вдругъ появился весь рой, такъ что Бонье пришлось надѣть сѣтку, такъ какъ пчелы обнаруживали крайнее безпокойство, группами бросались изъ стороны въ сторону, тщательно изслѣдовали всѣ окрестные уголки, видимо что-то искали и только спустя значительное время, убѣдившись очевидно въ ложной тревогѣ, пчелы вернулись въ свой улей и постепенно успокоились.

Въ чемъ тутъ дѣло? Пчелы отлично знаютъ, что въ природѣ не существуетъ готоваго меда; готовый медъ можно взять только изъ другого улья. Видя, что сборщики приносятъ въ обильномъ количествѣ готовый медъ, вся колонія приходитъ къ заключенію, что по сосѣдству появился какой-нибудь новый посторонній улей, быть можетъ дикихъ пчелъ, и вся колонія подымается, чтобы разыскать на мѣстѣ сбора непрошенныхъ гостей и прогнать ихъ. И только убѣдившись въ своемъ ошибочномъ заключеніи, колонія успокаивается и все постепенно входитъ въ норму.

Эта тревога и причины, которыми она вызвана, въ свою очередь свидѣтельствуютъ о высококомъ развитіи психической природы пчелъ, одаренныхъ способностью сознательной, разсудочной дѣятельностью.

По наблюденіямъ Бонье такая сознательная, разсудочная дѣятельность особенно рѣзко обнаруживается въ совмѣстной работѣ пчелъ. Въ отдѣльности каждая пчела рѣдко обнаруживаетъ способность сознательно ориентироваться въ отношеніи окружающаго, достаточно поставить ее въ новыя условія, чтобы она очутилась въ безвыходномъ положеніи; но этого нельзя сказать о цѣлой колоніи или данномъ ульѣ: въ сообществѣ пчелы обнаруживаютъ вполне разумное, сознательное отношеніе къ окружающему. Бонье не разъ приходилось убѣждаться, какъ пчела при встрѣчѣ съ неразрѣшимой задачей, которую ставилъ ей экспериментаторъ, возвращалась въ улей и оттуда, захвативъ съ собою нѣсколько товарокъ, справлялась съ ранѣе непосильной ей задачей.

Этотъ коллективный умъ наблюдается не только у пчелъ, но и у муравьевъ, у которыхъ благодаря именно такому коллективному уму общественная жизнь въ свою очередь достигаетъ высокаго развитія и совершенства. Мы не будемъ упоминать здѣсь о хорошо извѣстныхъ фактахъ изъ жизни муравьевъ и ограничимся только тѣми указаніями, которыя, благодаря наблюденіямъ Меллера, Шимпера, Гольди и др. продолжаютъ и посейчасъ представлять особый интересъ съ точки

зрѣнія „психики“ и ея высокаго разумнаго проявленія у такихъ, казалось бы, ничтожныхъ по своей тѣлесной организаціи существъ, какъ муравьи.

Какимъ образомъ муравьи могли выработать у себя культуру въ полномъ смыслѣ этого слова? Нѣкоторые изъ нихъ, какъ извѣстно, содержатъ у себя дойныхъ коровъ, другіе разводятъ особый злакъ, сѣмена котораго собираютъ, высушиваютъ и складываютъ въ свои кладовыя. Меллеръ, старательно изучившій нѣсколько особыхъ видовъ муравьевъ тропической Америки, нашелъ, что эти муравьи обладаютъ умѣньемъ разводить грибы, которые составляютъ ихъ исключительную пищу. (См. по этому вопросу: „Nature“ 28 dec. 1907, а также Laloy: „Parasitisme et mutualisme dans la nature“). Муравьи срѣзаютъ съ деревьевъ кусочки листьевъ, сносятъ ихъ въ гнѣзда, растворяютъ ихъ челюстями и лапками до образованія особой порозной массы, — въ полномъ смыслѣ слова приготавливаютъ особую питательную почву, въ которой и засѣваютъ грибной мицелій, притомъ вполне опредѣленнаго вида. Изъ этого мицелія развиваются плоды, которые составляютъ исключительную пищу этихъ муравьевъ. И достойно замѣчанія, что въ природѣ такихъ грибовъ, которые выращиваются муравьями тропической Америки, совсѣмъ не существуетъ. Это особые виды, культивируемые муравьями и вполне отвѣчающіе ихъ требованіямъ. Муравьи тщательно ухаживаютъ за грибами, обнаруживая при этомъ непостижимое для такихъ существъ знакомство съ природою воздѣльваемыхъ растений: такъ они не позволяютъ на заготовленной почвѣ развиваться постороннему мицелію (грибницѣ) и тщательно его удаляютъ, и причина тому вполне разумна: посторонній мицелій, подобно сорной травѣ, быстро заглушаетъ культивируемое растеніе.

Дѣйствительно, прямыми опытами можно было убѣдиться насколько въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, важенъ уходъ самихъ муравьевъ. Стоило только на время удалить ихъ отъ гнѣзда, гдѣ выращивались ихъ грибы, чтобы въ самое короткое время эти грибы были заглушены посторонними, „дикими“ видами. Такимъ же образомъ усиленное развитіе грибовъ культивируемаго растенія никогда не допускается этими муравьями; послѣдніе умѣютъ регулировать это развитіе, чтобы тѣмъ самымъ обезлечить наиболѣе обильное образованіе плодородныхъ частей грибовъ, которыя составляютъ ихъ пищу. Съ этой цѣлью муравьи тщательно отгрызаютъ лишнія, наземныя части мицелія и этимъ обезпечиваютъ себѣ болѣе обильный сборъ грибовъ.

Еще замѣчательнѣе наблюденія Теризла, относящіяся къ случаямъ образованія новой муравьиной колоніи. Когда оплодотворенная самка оставляетъ старое гнѣздо и переходитъ на новое мѣсто, для образованія новой колоніи, она захватываетъ съ собою своими сильными челюстями нѣкоторое количество мицелія культивируемыхъ грибовъ, чтобы засѣять его на новомъ мѣстѣ; она хорошо знаетъ, что безъ такой грибовъ ей не вырастить грибовъ, необходимыхъ для питанія ея будущаго поколѣнія. Но эти грибы или точнѣе принесенная на новое мѣсто грибовъ требуетъ для своего развитія соответствующаго, органическаго пищевого субстрата. Откуда достать такой субстратъ? Самка оплодотворенная, занятая первоначальнымъ устройствомъ помѣщенія для яицъ, не въ состояніи заготовить его изъ листьевъ и, по новѣйшимъ наблюденіямъ Гольди (см. „Biologisches Centralblatt“, Т. XXV), она рѣшаетъ эту задачу крайне своеобразно: первое количество снесенныхъ ею яицъ она приноситъ въ жертву грибовъ — она растираетъ ихъ въ однородную массу, на которой и засѣваетъ грибовъ; затѣмъ уже, когда изъ остальныхъ снесенныхъ яицъ развиваются рабочіе, они прежде всего отправляются за сборомъ листьевъ, приготавливаютъ вышеуказаннымъ способомъ почву для болѣе широкаго посѣва грибовъ и, та-

кимъ образомъ, закладывается основаніе для дальнѣйшаго развитія новой колоніи муравьевъ.

Какъ бы на первый взглядъ все эти наблюденія ни казались фантастическими, но они въ новѣйшее время подтверждены провѣрочными изысканіями, причемъ цѣлымъ рядомъ соответствующихъ опытовъ — перенесеніемъ муравьевъ тропической Америки въ спеціальныя для того помѣщенія и наблюденіемъ въ этихъ помѣщеніяхъ — удалось въ точности установить справедливость вышеописанной замѣчательной способности муравьевъ, принадлежащихъ къ особому американскому роду — Атта. И достойно замѣчанія, что далеко не одни муравьи названнаго рода отличаются описанной здѣсь способностью выращиванія спеціальной формы грибовъ; нѣкоторые другіе роды муравьевъ той же области также культивируютъ грибы, причемъ уже иной формы, опять-таки совсѣмъ не встрѣчающейся въ природѣ въ „дикомъ“ состояніи. Въ томъ и другомъ случаѣ эти грибы выведены муравьями подобно тому, какъ и человекъ вырастилъ множество новыхъ формъ растений, въ дикомъ состояніи совсѣмъ не встрѣчающихся. Но какимъ образомъ муравьи могли осуществить задачу, которая казалось бы подъ силу только такому одаренному высшимъ разумомъ творенію, какъ человекъ? Это во всякомъ случаѣ одна изъ тѣхъ величайшихъ загадокъ природы жизни, для рѣшенія которой механическое міросозерцаніе всего менѣе пригодно.

(„Н. Вр“, Эльпе.)

СМѢСЬ.

Сестра Гоголя „Харьков. Вѣд.“ передаютъ интересныя подробности о недавно скончавшейся сестрѣ Гоголя, Ольгѣ Васильевнѣ.

Подъѣзжая къ гоголевскому дому въ праздничный день, всегда бывало, видишь нѣсколько подводъ, порою запрудившихъ весь дворъ... Это—къ Ольгѣ Васильевнѣ пациенты... Во всей округности имя ея было извѣстно. Больные, недужные, старые, молодые, мужики и женщины—все пріѣзжали къ ней за совѣтомъ и за помощью. Пятидесятилѣтняя практика лѣченія создала О. В. огромную извѣстность. Это—не знахарство и не настоящее врачеваніе. Еще Гоголь подарилъ ей книжки „Домашняго лѣчебника“. вмѣстѣ съ проф. историкомъ Максимовичемъ—по образованію естественникомъ—онъ посвятилъ О. В. въ тайны жизни природы, знакомилъ ее съ строеніемъ человѣческаго

организма и его главными недугами. И страдающая, слабая и болѣзненная, О. В. вся отдалась дѣлу облегченія страданій другихъ. Незатѣйливы эти средства лѣченія: шалфей, хининъ, слабительныя, малина, капли отъ кашля. Лѣчебныя „декохты“ на травахъ, указанные въ „Лѣчебникѣ“ или извѣстные, въ народной медицинѣ.

Порѣзы, порубы—все это перевязывалось чистенькими тряпочками, смоченными въ дезинфецирующей жидкости. А главное вѣра... Вѣра въ О. В.,—говорять,—спасала трудно больныхъ...

— Якъ же Ольга Васильевна не поможетъ,—то помирать!

И она помогала. Маленькая, патриархальнаго вида старушка цѣлое утро суетится около своего аптечнаго шкафа. Отливаетъ, отсыпаетъ, промываетъ перевязываетъ... Пищать дѣти—ихъ моютъ въ теплой водѣ, стонетъ мужикъ „порушился“, поднимая тяжести, тотъ кашляетъ...

И около всѣхъ-то О. В. суетится, неутомимая, незлобивая, безконечно терпѣливая... И все это своими руками, усталыми на девятомъ десяткѣ жизни, и все это на свои маленькія, крохотныя средства, которыми она распологала. А перевалить за полночь—уже подъ луной, на специально устроенномъ очагѣ, что-то кипятится, что-то варится, чаще всего очередное варенье. И такъ просто, и такъ картинно выдѣляется скромный силуэтъ знакомой всѣмъ „бабушки“, съ характерными гоголевскими чертами.

Мнимая смерть и радіографія. Уже давно медицина пыталась отыскать способы, при помощи которыхъ можно было бы безошибочно отличать фактъ дѣйствительной смерти отъ мнимой. Теперь радіографія пришла на помощь медицинѣ и, повидимому, даетъ въ руки врачей вѣрное средство, чтобы предотвратить ужасные факты погребенія живыхъ, но находящихся въ состояніи летаргіи. Charles Vaillant, нашедшій этотъ важный способъ, производилъ радіографическіе опыты какъ надъ живыми людьми, такъ и надъ трупами. Результаты получились слѣдующіе: голова и другія конечности, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, даютъ изображенія совершенно тождественныя; грудь—сердце, легкія и проч. въ радіографическихъ изображеніяхъ у мертваго и живого человѣка также мало разнятся и имѣютъ очертанія почти сходныя. Гораздо болѣе данныхъ даетъ радіографія въ брюшной и тазовой области. У живого человѣка желудокъ и кишки не видимы, вслѣдствіе ихъ постоянного движенія; лучи X ихъ не схватываютъ и не передаютъ. У трупа, наоборотъ, газы, которые образуются въ этихъ органахъ,—въ большинствѣ случаевъ, различнаго рода сѣринстыя соединенія,—подъ дѣйствіемъ лучей X фосфоресцируютъ и даютъ самыя точныя очертанія желудка и кишекъ; малѣйшіе изгибы ихъ обрисовываются со всею подробностью. Такого радіографическаго рисунка никогда не можетъ быть получено у живого человѣка.

— **Новый аккумуляторъ Эдиссона.** Великій американскій изобрѣтатель недавно публично заявилъ, что имъ закончены опыты съ найденнымъ имъ новымъ аккумуляторомъ; результаты получены вполне удовлетворительныя. Когда новый аккумуляторъ Эдиссона получитъ практическое примѣненіе, то въ электрической тягѣ произойдетъ цѣлыя перевороты—она будетъ удешевлена до возможной степени и получитъ самое широкое распространеніе, котораго теперь не имѣетъ вслѣдствіе высокой стоимости электрическихъ аккумуляторовъ. Такимъ образомъ, автомобиль скоро станетъ общедоступнымъ способомъ передвиженія и будетъ понемногу вытѣснять всякую другую тягу.

Изъ газетной замѣтки. (Къ характеристикѣ современ. репортерскаго стиля). „...Насъ просятъ заявить, что въ числѣ 4-хъ человѣкъ, пострадавшихъ вчера отъ пожара, были двѣ лошади, изъ которыхъ одна корова.

Точная примѣта. — Ты хорошо примѣтилъ домъ-то? — Хорошо. — А по чему? — У воротъ извозчикъ стоялъ.

Разсѣянность. Разговариваютъ двое. Одинъ ужасно разсѣянъ.

Разсѣянный. Виновать, я задумался... Итакъ вы говорите..

Другой. Да! мой бѣдный дядя померъ!.. Мнѣ, право, такъ жаль, что я потерялъ его!..

Разсѣянный. А вы скажите своему слугѣ, чтобы онъ посмотрѣлъ хорошенько, когда будетъ выметать соръ и трясти ковры... Можетъ быть, еще найдется!...— („Кал.“)

Какъ встрѣтила пресса „Дневникъ Писателя“.*)

(НОВЫЕ ОТЗЫВЫ).

„Русское Чтеніе“.

Съ 1907 г. въ Москвѣ выходитъ ежемѣсячный иллюстрированный журналъ „Дневникъ Писателя“, издателемъ-редакторомъ котораго состоитъ извѣстный писатель А. В. Кругловъ.

Въ послѣднее время особенно много стало всюду выходить газетъ и журналовъ, но въ наше время умственного и нравственного шатанія нужно съ большею осторожностью относиться къ объявленіямъ о нихъ, чтобы отличить зерна отъ плевелъ. „Дневникъ Писателя“ А. В. Круглова говоритъ самъ за себя. Уже одно имя издателя-редактора его свидѣтельствуетъ о немъ съ лучшей стороны. А. В. Кругловъ, какъ писатель, извѣстенъ всей читающей Россіи.

Тѣ искренность, правдивость, нравственная чистота, которыми отличаются всѣ вообще его произведенія, служатъ отличительными чертами и издаваемого имъ журнала.

Журналъ „Дневникъ Писателя“ составляется очень разнообразно, интересно и поучительно. Здѣсь встрѣчаемъ рассказы, стихотворенія, историческіе очерки, описанія путешествій, житейскія и литературныя воспоминанія, статьи по религіознымъ и разнымъ современнымъ вопросамъ, книжное и журнальное обозрѣнія, разнаго рода мелкія замѣтки и пр. Все это приурочено преимущественно для болѣе или менѣе интеллигентныхъ взрослыхъ читателей, но вполне доступно и для читателей болѣе простыхъ, также и для юношества. Въ каждой книжкѣ—много отчетливо исполненныхъ рисунковъ.

Среди нынѣшнихъ журналовъ „Дневникъ Писателя“, безспорно, занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ, онъ проливаетъ съ своихъ страницъ чистый свѣтъ ума и нравственности, и потому по справедливости заслуживаетъ добраго къ себѣ вниманія.

„Волинск. Жизнь“.

Съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаешь среди груды разной издательской дребедени пріятныя исключенія.

Къ такимъ исключеніямъ по справедливости надо причислить вступившій во второй годъ своего существованія журналъ писателя А. В. Круглова, „Дневникъ Писателя“. Г. Кругловъ—писатель старый, хорошо извѣстный въ широкихъ читательскихъ кругахъ. Сперва свой журналъ онъ хотѣлъ вести исключительно для круга своихъ читателей и почитателей, ограничиваясь своимъ личнымъ сотрудничествомъ въ немъ. Но, благодаря ощущаемой среди русскихъ читателей потребности въ здоровой книжной пищѣ, вслѣдствіе чего „Дневникъ Писателя“ встрѣченъ былъ сочувственно русской публикой,—въ самомъ скоромъ времени явилась необходимость расширить программу журнала и пригласить къ участію въ немъ и другихъ писателей, родственныхъ по духу направленію журнала. Составляется онъ въ высшей степени разнообразно, умно и интересно, причемъ текстъ пзобилуетъ прекрасно исполненными рисунками, вишнетками, заставками. Своей задачей журналъ поставилъ: „укрѣплять чувство любви къ ближнему, къ родитѣ, къ человѣчеству, поддерживать и воспитывать сознаніе гражданскаго долга, отстаивать здоровыя начала жизни, какъ семейной, такъ и общественно-гражданской“. Какъ видите—то самое, чего большинство подобнаго рода пышнѣшихъ изданій и не думаетъ преслѣдовать, ставя цѣлью *потрафлять* дурнымъ инстинктамъ освободившей себя отъ всего святого и священнаго развужданной толпы.

*) См. прежніе отзывы въ „Дневникъ Писателя“, 1907 г. кн. III, стр. 78.

Русскому читателю, русской семьѣ можно смѣло рекомендовать прекрасное издание г. Круглова. Здѣсь русской умъ, русское сердце найдутъ живой откликъ на тревожащіе запросы не только современности, но и вѣчные запросы духа—тѣ высокіе человѣческіе запросы, которыми движется и создается мръ.

„Финляндская Газета“.

1) Въ Москвѣ второй годъ издается общедоступный ежемѣсячный иллюстрированный журналъ „Дневникъ Писателя“. Это полезное популярное издание, рассчитанное на небогатаго интеллигентнаго читателя, предпринято А. В. Кругловымъ, извѣстнымъ беллетристомъ, поэтомъ и дѣтскимъ писателемъ, при ближайшемъ сотрудничествѣ А. Н. Догановичъ, тоже очень популярной и талантливой писательницы. Журналъ, за весьма небольшую цѣну (3 р. 60 к. въ годъ) даетъ массу здороваго, строго подобраннаго семейнаго чтенія, чрезвычайно разнообразнаго по содержанию и украшенъ массой иллюстрацій и портретовъ.

Многолѣтняя литературная опытность и выдающийся талантъ А. В. Круглова сквозятъ въ каждой страницѣ издаваемого и редактируемаго имъ журнала. Къ 1-й книжкѣ приложены четыре „Дневничка“. Это талантливыя брошюры, на слѣдующія темы: „Запросы духа“, „Семья и школа“, „Родная старина“, „Военные отголоски“. Такихъ приложений дается въ годъ 48 и кромѣ того одна книга беллетристическаго содержания. Журналъ А. В. Круглова смѣло можно рекомендовать какъ для взрослыхъ читателей, такъ и для юношества.

2) Мы уже говорили о первой книжкѣ за 1908 г. этого симпатичнаго общедоступнаго издания. Въ слѣдующихъ выпускахъ помѣщено много хорошаго литературнаго матеріала. Прекрасныя иллюстраціи, отдѣльныя картины на мѣловой бумагѣ, портреты и вѣнечки придають журналу очень изящный видъ. Разсказъ „Дождались“ Н. Н. Оглоблина живо рисуетъ печальное возвращеніе съ русско-японской войны отца семейства, израненнаго, изуродованнаго. Вещь написана очень сильно. Прекрасно отдѣланъ очеркъ извѣстной беллетристки А. Н. Догановичъ „Страшная ночь“, изображающій эпизодъ изъ смутнаго недавняго прошлаго нашей деревни. „На хуторѣ“, деревенскіе очерки М. Козырева, даютъ много характерныхъ типовъ, пародившихся въ жизни русской деревни. Мило написанъ разсказъ И. В. Попова-Черемскаго „Провѣривъ горе“, гдѣ задушевно разсказана трогательная исторіяка изъ быта церковнаго причта. Эскизъ „Въ первомъ бою“ М. С. Бѣлкина даетъ яркую картину войны. А. В. Кругловъ, кромѣ другихъ вещей, далъ дышащее сильнымъ чувствомъ „лирическіе аккорды“—„Матери“, настоящее стихотвореніе въ прозѣ, полное тургеневскою простоты и грусти. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе большая статья Е. Н. Клетновой „А. П. Бородинъ“—прекрасная біографія композитора. Интересно неизданное письмо къ Л. Н. Трефолеву И. С. Аксакова. Въ обѣихъ книжкахъ помѣщено много стихотвореній: А. В. Круглова, В. П. Лебедева, Н. Н. Баринаова, С. В. Витимскаго и др. Многія статьи и стихотворенія снабжены портретами авторовъ. Къ каждой книжкѣ приложено по четыре „Дневничка“—популярныя бесѣды по разнымъ насущнымъ жизненнымъ вопросамъ. При скромной цѣнѣ (3 р. 60 к. въ годъ) журналъ А. В. Круглова является доступнымъ и полезнымъ развлеченіемъ для семьи, а также хорошимъ праздничнымъ подаркомъ.

„Московскія Церк. Вѣд.“

Имя издателя, давно извѣстнаго въ литературѣ своими художественными проникновенными статьями и задушевыми стихотвореніями, является уже ручательствомъ за содержательность его недорогого журнала. Выпускаемый книжками около 100 страницъ убористой печати, этотъ журналъ, затрогивающій и современную литературу и жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, является особенно цѣннымъ, когда такъ рѣдко раздается трезвая мысль вдумчиваго человѣка. Издаваемый человѣкомъ, отличающимся художественнымъ чутьемъ, этотъ журналъ чуждъ сухости: всѣ его статьи отличаются общедоступностью и задушевною. На страницахъ его, несомнѣнно, отдохнетъ

всякій читатель, котораго такъ утомляетъ, обыкновенно, современная трескучая литература, разбѣившаяся на мелочи въ погонѣ за вѣяніями моднаго духа времени. Что касается иллюстрацій, то подборъ ихъ, въ соотвѣтствіи содержанію, отличается особымъ вкусомъ: всѣ иллюстраціи и снимки изящны. Въ качествѣ приложений издатель даетъ небольшія тетрадки въ видѣ „Дневничковъ“, въ которыхъ дается легкое по языку, но содержательное чтеніе, касающееся общественной жизни, запросовъ духа, семьи и школы. Журналъ издается опрятно на плотной бумагѣ. Вотъ почему смѣло можно сказать, что выписывающій его—будетъ ли то свѣтскій читатель, или пастыръ—съ чувствомъ удовольствія прочтетъ каждую книжку „Дневника Писателя“.

„Астрах. Еп. Вѣд.“

Не можемъ не упомянуть о ежемѣсячномъ общедоступномъ изданіи „Дневникъ Писателя“, издающемся второй годъ подъ редакціею А. В. Круглова. Отвѣчая на бурныя явленія текущей жизни, „Дневникъ“ параллельно рисуетъ и милыя черты нашего патріархальнаго прошлаго. Въ своемъ журналѣ Кругл. ставитъ задачею укрѣплять чувства любви къ ближнему, къ родинѣ, къ человѣчеству, поддерживать сознаніе гражданскаго долга, отстаивать хорошія начала жизни—какъ семейной, такъ и общегосударственной. Кругловъ давно приобрѣлъ себѣ славу дѣтскаго писателя и теперь начинаетъ говорить съ родителями, съ которыми онъ когда-то говорилъ, какъ съ дѣтьми, желая всѣмъ быть гражданами великаго народа и честно нести службу на всѣхъ поприщахъ общественно—государственной жизни. Во всѣхъ его статьяхъ, и прежнихъ и теперешнихъ, видна его искренняя любовь и уваженіе и къ стори и къ литературѣ, и къ сложившемуся быту русскаго народа. Нельзя сочувственно не отнести къ этому новому изданію Круглова.

„Отдыхъ Христіанина.“

Въ началѣ прошлаго года появился новый художественно-литер. журналъ извѣстнаго писателя А. В. Круглова. Во всѣхъ статьяхъ издателя видна искренность, любовь и уваженіе и къ исторіи, и къ литературѣ и къ сложившемуся быту русскаго народа... Въ жизни, говоритъ А. В.—должна осуществятся правда, жизнь должна быть полна добра, согрѣта любовью, и овѣяна красотою... „Дневникъ Писателя“ А. В. не связываетъ исключительно со своимъ именемъ, въ журналѣ онъ даетъ мѣсто очеркамъ, рассказамъ, стихотвореніямъ и разнымъ статьямъ и другихъ писателей, занявшихъ себя въ литературѣ. Каждая книжка журнала иллюстрирована снимками съ извѣстныхъ картинъ, мѣстностей и портретами выдающихся людей.

Вопросъ редакціи журнала „Путь Жизни“.

Въ апрѣльскомъ № „Пути Жизни“ напечатано, какъ *свое*, стихотвореніе, озаглавленное „Помолись“ и подписанное тремя звѣздочками. Это стихотвореніе *цѣлкомъ мое* (съ выпускомъ нѣскольк. строчекъ и съ перемѣною: у меня—я молюсь, а въ „П. Жизни“ ты молись). Я поднимаю вопросъ для выясненія дѣла. Эти стихи помѣщены въ Собраніи моихъ стихотвореній (*Стихотворенія А. В. Круглова*, Москва, 1903) и въ Сборн. моихъ религіозн. стихотвореній—„*Любовь и Истина*“. *Духовн. мотивы.*

Стихотворенія А. В. Круглова. Какъ же объяснить, что стихи являются безъ имени автора и даже съ ненужнымъ перифра-

зомъ („Ты молись“ вмѣсто „Я молюсь). Изъ какого источника взялъ „Путь Жизни“ мои стихи, или кто ему ихъ выдалъ за свои? Надѣюсь, что почтенный издатель-редакторъ А. В. Павловъ отвѣтитъ на мой вопросъ въ своемъ журналѣ.

А. Кругловъ.

Почта „Дневника Писателя“.

Л. П. Юдиной, Варшава. Вы пишете: „Напрасно въ прошломъ году вы не подписывались подъ вашими статьями и стихами. Вотъ переплетенъ журналъ за годъ — и не видно: что ваше; обложка оборвана съ № № и оговорка: „все неподписанное принадлежитъ А. В. Круглову“ — потеряло значеніе.“ А оглавленіе? По оглавленію за годъ видно. Развѣ вы его не приложили? Оно дано при № 1-го за наст. годъ, но его нужно было переплести съ № № того года. Но вѣдь кто читалъ книги до переплета — зналъ чьи статьи неподписанныя. О чемъ беспокоитесь? Благодарю за пожеланіе и за теплыя строки о журналѣ. Сборника стиховъ Н. Иванецкаго нѣтъ.

Глух—ву, Звенигородъ. Чтожъ портретъ? Пришлете или нѣтъ?

Ст. Малышево, К—ву. Не воспользуемся, ибо статья является нѣк. обр. повтореніемъ сказаннаго въ журналѣ раѣе.

А. А. Чуману, Харьковъ. Книги будутъ вамъ высланы. Не задержите разборомъ. Прислан. рецензія опоздала, ибо эта книга, какъ видите, уже разобрана въ наст. № „Дн. Писателя“.

А. Ф. Басову. Все будетъ исполнено и комплектъ журнала по вашему желанію переданъ въ пріютъ. Будемъ ждать статьи изъ Сибири. Если пришлете не позже іюня, попадетъ въ іюльскую-августовскую книжку. Наст. № высланъ вамъ: до востребованія—Томскъ. Счастливаго пути!

М—ову, Кіевъ. Какъ вамъ могла придти въ голову такая странная мысль, что Черновъ — псевдонимъ Фофанова? Разрѣшите молодому поэту личное существованіе!

Многимъ подписчикамъ прошлаго года. Ваше желаніе исполняется: съ этой книжки возобновляются воспоминанія („Пережитое“), будутъ печататься безъ перерыва и со слѣд. книжки „большими дозами“, а „не гомеопатически“, какъ

выражается „коренная вологжанка“. Очень радъ, что мои наброски такъ интересуютъ читателей „Дневн. Писателя“. Къ сожалѣнiю, портретовъ многихъ лицъ о которыхъ упоминается въ воспоминанiяхъ, нельзя достать.

Обол—му. Ваши жалобы о непол. № № переданы въ Почтамтъ. Что книги посланы — контора имѣетъ удостовѣренiе отъ Моск. Почтамта, ибо имъ при приемѣ выдается росписка. Но почт. конторы въ мѣстѣ назначенiя — заявили, что книги не получены. Очевидно, книжки гдѣ-то пропали: до выхода изъ Москвы или въ дорогѣ — неизвѣстно. Дѣлается запросъ въ Округѣ. Настоящiй способъ пересылки крайне неудовлетворителенъ, и отмѣна прежняго, дававшаго болѣе гарантiи — вызываетъ недоумѣнiе. Получая плату за пересылку № № и утверждая подписью приемщика вѣрность сдачи № №, Почтамтъ — не даетъ гарантiи аккуратной доставки. Этотъ вопросъ требуетъ обстоятельнаго обсужденiя и мы посвятимъ ему въ скоромъ времени статью.

Подписчику № 1008. Миниатюра „Отвѣта не было“ можетъ быть напечатана.

Неизвѣстному, въ Москвѣ. „Ко Христу бы за наукой“ — не можетъ быть напечатана.

Продаются во всѣхъ больш. книжныхъ ма-
газинахъ обѣихъ столицъ:

Стихотворенія

А. В. КРУГЛОВА.

Большой изящно-изданный томъ.

=== СЪ ПОРТРЕТОМЪ И ФАКСИМИЛЕ АВТОРА. ===

ИЗДАНИЕ 2-е

В. С. Спиридонова.

Цѣна **1 р. 50 к.** въ крас. коленкоровомъ переплетѣ
2 р. 25 к. Перес. по разстоянію.

Одобр.-отзывы: „Нива“, „Новое Время“, „Историч.
Вѣстникъ“, „Свѣтъ“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Русск.
Прав. Слово“, „Русскій Листокъ“, „Слово“, „Московск.
Вѣдомости“, „Голосъ Правды“, „Русск. Вѣстникъ“,
„Съверъ“, „Наблюдатель“ и др.

Подписчики „Дн. Писат.“ выпис. изъ конторы журнала поль-
зуются уступкою 10⁰/о.

Наложен. платеж. на **10 к.** дороже.

ВЪ РАЗНЫЕ ГОДЫ.

СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ

А. В. Круглова.

Содержаніе:

Министръ народнаго просвѣщенія. — Сказъ о томъ,
что спасло богатую и знатную Акилину. — Старые
шкафы. — Чудашная. — Сумерки. —

(Виньетки соотвѣтств. содержанію).

Обложка раб. худ. Соколова.

ЦѢНА 75 коп. Пересыл. по разстоянію.

Выпис. изъ конторы „ДН. ПИСАТЕЛЯ“ за пере-
сылку не платять (искл. Сибири,—куда на пере-
сылку слѣдуетъ добавить 20 к.). Подписчикамъ
„ДН. ПИС.“ книга высылается всюду за 50 коп.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ „БОЖІЯ НИВА“

ТРОИЦКІЙ СОБЕСЪДНИКЪ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОЙ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.
ВЪ 1908 ГОДУ

(седьмой годъ изданія)

Съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде.

„БОЖІЯ НИВА“ имѣетъ цѣлью оказывать нравственную поддержку всѣмъ, кто трудится въ великомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей въ духѣ хрістіанскаго благочестія и указывать тѣ пути и средства, коими воздѣлывается добрая по природѣ своей нива дѣтскаго сердца. Теплое сочувствіе къ нашему скромному изданію даетъ намъ увѣренность, что руководители подростяющаго поколѣнія находятъ въ немъ то, что такъ благопотребно для нихъ особенно въ наше время, время всякихъ тлетворныхъ вѣяній не только въ области воспитанія, но и вообще въ религіозной жизни современнаго общества.

Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ библиотеки народныхъ школъ.—Епархіальные Училищные Советы могутъ вносить „Божію Ниву“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совета за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя библиотеки.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа, какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Песнь и всходы: лѣтопись церковныхъ школъ. VI. Переписка нашихъ читателей. VII. Нашъ дневникъ. Приложенія: „Зернышки Божіей Нивы“. Троицкое чтеніе для дѣтей. (12 №№ въ годъ).

Сроки выхода—12 разъ въ годъ.

Годовая подписка съ приложеніемъ ОДИНЪ РУБЛЬ съ перес.

Подписка на текущій годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№ съ приложеніями. Подписка принимается только въ Редакціи. Желающіе подписываться чрезъ книжныя магазины должны предупреждать о доставкѣ полной подписной стоимости журнала (1 руб. коммисіонная скидка не допускается.)

Подписка на полгода и на отдѣльные мѣсяцы не принимается.

Не имѣя возможности, при крайне дешевой подписной цѣнѣ нашего изданія, давать крупныя бесплатныя приложенія, редакция однакоже нашла возможнымъ уступить своимъ подписчикамъ свои изданія, вновь выходящія, по наименьшей цѣнѣ. Такъ въ будущемъ году она имѣетъ въ виду выпустить 3-ю книгу своей „Троицкой Школьной Библіотеки“ подъ названіемъ „Церковь, Школа и Жизнь“, сборникъ статей (до 38-ми) свящ. Козубовскаго. Эта книга будетъ пушена въ продажу по 40 к., а съ пересылкой по 50 к. Для нашихъ подписчиковъ, которые пожелаютъ ее имѣть, она будетъ выслана 3А 15 К., съ тѣмъ впрочемъ, чтобы эта сумма (15 к.) была выслана вмѣстѣ съ подписною платою на самый журналъ. Такимъ образомъ за журналъ съ приложеніемъ 12 книжекъ „Зернышекъ“ и этой книги слѣдуетъ высылать 1 р. 15 к.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ. „Редакція Троицкихъ Листковъ“.

КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ:

- I. **ЗА СЧАСТЬЕ ДѢТЕЙ.** (Д. И. Введенскій.—За счастье дѣтей).—
А. Н. Догановичъ 77.
- II. **ДАЛЕКІЕ ГОДЫ.**—(Изъ дальнихъ лѣтъ.—Воспоминанія Т. П. Пассекъ).—**П. А. Россіева** 80.
 Иллюстр: Т. П. Пассекъ.
- III. **НЕКАЗОВОЙ ГЕРОЙ.**—(В. А. Апушкинъ.—Мищенко.—Изъ воспоминаній о Русско-Японской войнѣ). **А. Н. Догановичъ** . . . 84.
 Иллюстр: Портретъ Мищенко.
- IV. **РАЗСКАЗЫ ДАНИЛИНА.** (Книга 2-я.) **А. Н. Догановичъ** . . . 88.
- V. **ПОЛЕЗНАЯ КНИГА.** (Критическая литература о произведеніяхъ гр. А. К. Толстого.—Сост. Н. Денисюкъ). **Кргл.** 90.
- ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ:**
- I.—О журналѣ и газетѣ.—**А. В. Круглова** 91.
 II.—О стихахъ.—**Л. Д. Гончаревскаго** 96.
 III.—Книги, поступившія для разбора. —
- XXIV.—**ТРУДОВОЕ УБѢЖИЩЕ ЖЕНЩИНЪ.**—**И. П.** 97.
 Иллюстр: Домъ Убѣжища.—Въ мастерской Убѣжища.
- XXV.—**НАВОДНЕНІЕ ВЪ МОСКВѢ.**—(Моментальные снимки). Три рисунка . 101.
- XXVI.—**БЕСПѢДА.**—I.—Нервъ жизни.—II.—Опредѣленность и искренность.
А. В. Круглова 103.
 Иллюстр: Пчелы на книгахъ.—Листья.
- XXVII.—**ИСКРЫ.**—(Иллюстр: Съ бичемъ.—Гномы).
 I. **КСТАТИ.** (Наброски въ стихахъ).—**Веселаго Устюма-нина** 107.
 II. **ВЕЗДѢСУЩІЙ ПАЛОЧКИНЪ.** Эскизъ.—**Скучающаго Вологжанина** 116.
- XXVIII.—**ХИТРАЯ ПОЛИТИКА.**—(Разсказъ-рисунокъ). 113.
- XXIX.—**ОБО ВСЕМЪ И ОТОВОСЮДУ.**—I.—Изъ очерковъ жизни.—II.—Городъ во власти социалистовъ.—III.—Изъ психичес. жизни животныхъ. 117.
 Иллюстр: Виньетка отдѣла.
- XXX.—**СМѢСЬ** 127.
 Виньетка отдѣла.
- XXXI.—**КАКЪ ВСТРѢТИЛА ПРЕССА „ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“.**
- XXXII.—**ВОПРОСЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ПУТЬ ЖИЗНИ“.**
- XXXIII.—**ПОЧТА „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“.** 132.
 Иллюстр: Виньетка отдѣла.—Концовка.
- XXXIV.—**ОБЪЯВЛЕНІЯ.** 133.

Приложенія: Майскіе—Іюньскіе „ДНЕВНИЧКИ“: „Запросы Духа“; „Семья и Школа“; „Родная Старина“; „Военные Отголоски“. (№№ 5—6.)

Опечатка: Въ почтѣ „Дневн. Писат.“: стран. 133, 2-я строка сверху: напечатано: потретовъ, слѣд: портретовъ

Со слѣдующ. № начнутся печат. этюды: **ЧУЖИМЪ СВѢТОМЪ** (наши книгоиздатели и ихъ дѣятельность).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1908 годъ

—) Н А (—

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

Ежемесячный иллюстрированный журналъ, съ **48** безпл. приложеніями — „ДНЕВНИКИ“ — и 1-й преміей-книгой беллетристическаго содержанія, издаваемый **А. В. Кругловымъ**, при ближайшемъ участіи **А. Н. Догановичъ**.

Въ журналѣ сотрудничаютъ извѣстные писатели и ученые.

Программа журнала: романы, повѣсти, рассказы, этнографическіе, историческіе и біографическіе очерки, драматич. произведенія, этюды и статьи по вопросамъ этики, религіи, литературы, сельскаго хозяйства, науки, искусства, критика и библіографія, обзоры журналовъ, худож. музыкальн. и театральн. замѣтки, сатира, юморъ (тексты, рисунки и каррикатуры), — и проч. Смѣсь, выдержки изъ печати, письма изъ разныхъ мѣстъ, отвѣты на запросы читателей. Въ каждой книжкѣ „БЕСЪДА“ по текущимъ и „вѣчнымъ“ вопросамъ (этика, жизнь, литература, политика). Помимо постоянныхъ иллюстрацій въ текстѣ, по мѣрѣ надобности, къ книжкамъ журнала будутъ прилагаться картины и портреты на отдѣльныхъ листахъ (на толстой мѣловой бумагѣ), изъ которыхъ можно потомъ составить интересный кипсекъ на столѣ.

ВСѢ ГОДОВЫЕ подписчики (хотя бы и подпис. въ разсрочку) получаютъ:

12 №№ ежемѣс. иллюстрир. журнала.

48 №№ „ДНЕВНИКОВЪ“ (безплатн. прилож.) изъ которыхъ:

12 подъ назв. „ЗАПРОСЫ ДУХА“ посв. религіозно-церковно-этической обла- сти (Истина и заблужденія духа въ повѣскахъ ея: статьи, о церк. строѣ о бытѣ дух. замѣтки, хроника, библіографія).

12 подъ назв. „СЕМЬЯ и ШКОЛА“ посв. вопросамъ образованія, воспит. школьн. хрон., сельск. хоз. вообще обиходу, гигиенѣ медицинѣ, дѣтск. и женск. вопрос. Изрѣдка разск. для дѣтей. Полезн. совѣты для дома, здо- ровья развлеченія. Въ помощь воспит. и родит. указанія при выборѣ книгъ.

12 подъ назв. „РОДНАЯ СТАРИНА“ посв. прошлому Россіи. (Статьи, замѣтки, рассказы библіографія жизнеоп. и пр.)

12 подъ наз., „ВОЕННЫЕ ОТГЛОСКИ“ посв. вопросамъ военнаго строя и быта. (Статьи, очерки, замѣтки, хроника и библіогр.)

1

Премія-книга беллетристическаго содержанія.

Всѣ подписчики, добав. къ подп. 5 к. получ. брошюру „Въ чемъ счастье“.

Книжки „Дневника Писателя“ размѣромъ отъ 3 до 7 печ. лист. выхо- дятъ въ 20-хъ числахъ к. м. причѣмъ май—июнь и июль—авг. двойными книжками.

Подписная цѣна:

	БЕЗЪ ДОСТАВКИ:	СЪ ДОСТ. въ МОСКВѢ и пер. по ИМПЕРІИ:	
Годъ	3 р. 20 к.	3 р. 60 к.	за границу только
½ года	1 „ 80 „	2 „ — „	на годъ 6 руб.
3 мѣс.	не прин.	1 „ 25 „	

Для полков. и ротн. бібліотекъ и для всѣхъ казен. общест. уч- режденій, для лицъ подп. за поруч. гг. казначеевъ разр. по соглашенію съ редакціей, причѣмъ: на 10 оплачен. экз. 1 экз.—безплатный. Кн. маг. и конторамъ приним. подписку 20 к. уступки съ экз. при условіи годов. подп. и внесенія подп. цѣны полностью. За 1907 г. полный комплектъ „Ди. Пис.“ высылается за 2 р. 50 к., но безъ преміи. Съ преміей 3 р. въ Евр. Россіи. Въ Сибирь за пер. по разстоянію. Въ редакціи т. е. безъ пер. 2 р. безъ преміи и 2 р. 50 к., съ преміей. За перем. адреса 50 к.

АДРЕСЪ: Москва, Тверская, д. графини Олсуфьевой, контора журнала „Дневникъ Писателя“. (Редакція тамъ же).

Редакторъ-Издатель **А. В. Кругловъ**.